дозв. цензъ. спб. 19 января 1892 г. тип. тов. „общ. польза", б. подъяч., 39.

Гарибальди.

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ

БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ДЖ. ГАРИБАЛЬДИ

ЕГО ЖИЗНЬ И РОЛЬ ВЪ ОБЪЕДИНЕНІИ ИТАЛІИ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

А. И. Цомакіонъ

Съ портретомъ Гарибальди, гравированнымъ въ Петербургѣ К. Адтомъ.

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-хромолитографія П. П. Сойкина. Стремянная, д. 12.
1892.

Популярно-научныя книги.

Философ'я Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса*. Пер. *П. Мокіевскаго*. Ц. 2 р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге*. Переводъ съ нѣмецкаго. Ц 1 р. 25 к.
Законы подражанія. *Тарда*. Ц 1 р 50 к
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Алъмедингена*. Ц. 60 коп
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ *А. Алъмедингена*. Части 1 и 2-я Ц. каждой 50 к
Бактеріи и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.
Берегите легкія! Гигіенич бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц 75 к
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни *Д-ра Эйдама*. Съ 7 рис. Ц 40 к
Предсказаніе погоды. *Г. Далле*. Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна 1 р 25 к
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера*. Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц. 60 к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма*. Со многими рис. Ц 2 р.
Первобытные люди. *Дебьера* Съ многими рисунками. Ц. 1 р
Фабричная гигіена. *В В Святловскаго*. 720 стр. и 153 рис. Ц 4 р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера*. Съ137 рис.Ц.60к.
Который часъ? *И. Вавилова*. Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч. часовъ Съ 13 рис. Ц. 30 к.
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо*. 2 изд. Ц 40 к
Записки желудка. Перев. съ10 анг. изд Ц 50 к
Физіологія души. *А. Герцена*. Ц 1 р.
Міръ грезъ. *Д-ра Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц 1 р.
Ручной трудъ. *Графиньи*. Руководство къ домашнимъ занятіямъ ремеслами Съ 400 рис Ц. 1 р. 50 к. Въ папкѣ 1 р 75 к. Въ пер.—2 р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца*. Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц 1 р 50 к
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра*. Съ 110 рис Ц 1 р 75 к
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц 30 к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона* 2-е изд Съ 100 рис Ц. 1 р
Телефонъ и его практическія примѣнен'я *Майера* и *Присса*. Съ 293 рис. Ц 2 р. 50 к.
Электрическіе элементы. Соч *Hioде*. Со многими рисунками. Ц. 2 р
Электр. аккумуляторы. *Ренье*. Съ 76 рис. Ц 1 р. 25 к
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ*. Съ 151 рис. Ц. 2 р. 50 к
Чудеса техники и электричества *Чиколева* 30 к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева*. Съ 6-ю рисунками. Ц. 25 к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье* 340 рис. Ц 1 р 50 коп
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона*. Съ 230 рис Ц. 2 р.
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э. Госпиталье*. Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. 2 р 50 к.
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье*. Со множествомъ рис Ц 2 р.
Электрическіе звонки. *Боттона*. Съ крат свѣдѣніями о воздушн звонкахъ. 114 рис Ц. 1 р.
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц. 75 к
Психологія великихъ людей. Проф *Жоли*. Пер. съ франц. 2-е изд. Ц. 1 р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса*. Пер. съ франц *Ф. Павленкова*. 2-е изд Ц 2 р 50 к.
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи *А Секки*. Перев. съ франц *Ф. Павленкова*. 3-е изд Ц 2 р. 50 к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак врачей. Составилъ проф. *Да-Коста*. 704 стр. съ 43 рис. 2-е изд Ц 2 р.
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера*. Переводъ съ франц. Ц. 1 р. 50 к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо*. Съ портретомъ автора и рис. 2-е изд Ц 1 р.
Вредныя полевыя насѣкомыя Сост. *Иверсенъ*. Съ 43 рис Ц 80 к
Эйфелева башня. Состав *Г Тисандье* Съ 34 рисун. Ц 50 к
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис. Бар *Н. Корфа*. Ц 10 к.
Воздушное садоводство. *Н Жуковскаго* Съ 73 рис. 2-е изд. Цѣна 60 коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства. *А. Волотовскаго* Ц 20 к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Клима*. Пер *Н. Корфъ*. Ц 75 к
Гигіена семьи. *Гебера*. Ц 50 к
Гигіена женщины. *М. Тило*. Ц 40

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) **Экстазы человѣка.** *П. Мантегацца*. Въ 2-хъ частяхъ Ц. 1 р. 50 к.; 2) **Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо*. Ц. 40 к.; 3) **Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера*. Съ 30 рис. Ц. 75 к.; 4) **Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера*. Ц. 1 р. 50 к ; 5) **Предсказаніе погоды.** *А. Далле*. съ рис. Ц. 1 р. 25 к ; 6) **Физіологія души.** *А. Герцена*. Ц. 1 р ; 7) **Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли*. 2-е изд. Ц. 1 р ; 8) **Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера*. Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. 60 к ; 9) **Міръ грезъ.** Д-ра *Симона*. Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. 1 р. 10) **Первобытные люди.** *Дебьера*. Со многими рис. Ц. 1 р. 11) **Законы подражанія.** *Тарда*. Ц. 1 р. 50 к.; 12) **Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо*. Съ портр. автора и нѣсколькими рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 13) **Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона*. Съ 100 рис. 2-е изд. Ц. 1 р. 14) **Гигіена семьи.** *Гебера*. Ц. 50 к. 15) **Бактеріи** и ихъ роль въ жизни человѣка. *Мигулы*. Съ 35 рис. Ц. 1 р.

Дозволено цензурою. Спб. 1 іюля 1892 г.

СОДЕРЖАНІЕ.

	стр.
Введеніе	5
I. Дѣтство. Юность и первые шаги на политическомъ поприщѣ	11
II. Гарибальди въ Америкѣ	23
III. Событія 1848 года	40
IV. Война 1859-го года	54
V. Экспедиція «тысячи»	69
VI. Гарибальди въ Неаполѣ	78
VII. 1861—1866 г.г.	86
VIII. Послѣдніе годы жизни	98

МАТЕРІАЛАМИ ДЛЯ СОСТАВЛЕНІЯ ЭТОГО ОЧЕРКА СЛУЖИЛИ:

1) Записки Гарибальди, изданныя Ал. Дюма.
2) *Général Bordone.* Garibaldi. 1807—1882.
3) *Elpis Melena.* «Garibaldi. Mittheilungen aus seinem Leben». Hamburg. 1886.
4) *И. В.* «Италія и Мадзини 1808—1868». «Вѣстникъ Европы» 1869 г. 1, 5, 7.
5) *М.* «Записки Гарибальдійца». «Русскій Вѣстникъ» 1861 г., 35, 36.
6) *Невскій.* Гарибальди. «Отечественныя Записки» 1860 г., 133.
7) *С. Горскій.* «Джузеппе Гарибальди». Біографическій очеркъ. «Дѣло» 1882 г., 9.
8) *Жика.* «Смерть Гарибальди». «Дѣло» 1882 г. 7.
9) *Альбертини.* Политическія обозрѣнія. («Отечественныя Записки» 1860—1866).
10) *Аѳанасьевъ* Г. Е. «Внѣшняя политика Наполеона III».
11) *Григоровичъ.* «Очерки новѣйшей исторіи».
12) *Файфъ.* «Исторія Европы XIX вѣка».

Введеніе.

Гарибальди и Италія.

Вся дѣятельность Гарибальди, вся жизнь его такъ тѣсно связана съ судьбою его родины, что біографу его на каждомъ шагу приходится возвращаться къ исторіи Италіи. Встрѣчаются люди—это рѣдкія исключенія—которые, увлекшись въ молодости какой-нибудь одной идеей, до того роднятся съ ней, что всѣ свои силы втеченіе всей послѣдующей жизни безраздѣльно отдаютъ на служеніе этой особенно дорогой для нихъ идеѣ. Къ такимъ исключительнымъ натурамъ принадлежалъ Гарибальди и вотъ почему: съ той поры какъ въ душу едва сложившагося юноши западаетъ мечта о возрожденіи его прекрасной родины и вмѣстѣ съ нею страстное желаніе осуществить мечту въ дѣйствительности, судьба его неразрывно сплетается съ судьбою Италіи и каждый отдѣльный періодъ его жизни опредѣляется теченіемъ событій въ его отечествѣ за соотвѣтствующіе годы. Только въ связи съ этими событіями каждый шагъ народнаго героя пріобрѣтаетъ настоящій смыслъ и значеніе. Узнать и понять Гарибальди можно, только узнавъ и понявъ Италію и тѣ мечты и надежды, которыя одушевляли лучшую часть итальянскаго общества въ началѣ нашего столѣтія.

Въ первыя десятилѣтія XIX вѣка печальная политическая судьба полуострова не переставала занимать мысли передовыхъ людей Италіи. Сознавая громадныя духовныя силы своей націи, подарившей міру такихъ геніевъ слова какъ Данте, Петрарка, Боккачіо, Аріосто, Торквато-Тассо, такихъ мыслителей какъ Макіавелли, Галилей, Джордано Бруно, такихъ корифеевъ искусства какъ Рафаэль и Микель-Анджело,—люди эти не могли помириться съ ея политическимъ ничтожествомъ, съ приниженностью и забитостью ея народа.

Страна, пережившая блестящую эпоху Козьмы и Лоренцо Медичи, служившая очагомъ, откуда распространилось знакомство съ геніемъ классической древности, страна, изъ которой разлился яркій потокъ свѣта, разсѣявшій тьму средневѣкового невѣжества, не должна была оставаться покорной рабой случайныхъ завоевателей. Хотя ни одно государство Европы не пережило тѣхъ бѣдствій, какія выпали на долю Италіи, однако въ ней таились еще силы, способныя поставить ее на ряду съ любымъ изъ этихъ государствъ. Это сознавали лучшіе люди страны и цѣлью своихъ стремленій поставили вызвать родину изъ того состоянія политическаго безсилія, которое явилось результатомъ исторической судьбы полуострова. Богатоодаренная природой, надѣленная счастливыми климатическими условіями, осѣненная густою синевой южнаго неба, залитая свѣтомъ и теплomъ, цвѣтущая страна съ давнихъ временъ привлекала къ себѣ чужеземцевъ.

Заглядывая въ глубь вѣковъ, мы видимъ, какъ она поочередно раздѣляется и расчленяется римлянами, германцами, остготами, лонгобардами, арабами, французами, испанцами. Мы видимъ ее изнемогающею подъ гнетомъ мелкихъ деспотій, раздираемою междоусобными распрями отдѣльныхъ республикъ и тираній, пригнетенною и обезсиленною владычествомъ папъ и нескончаемой борьбой ихъ съ императорами, развращенною и поверженною въ прахъ разъѣдающей язвой кондотьерства. Народный характеръ, отравленный въ самомъ корнѣ, теряетъ свою самостоятельность и пріобрѣтаетъ рабскія, низменныя наклонности; въ народѣ исчезаетъ чувство національности и независимости; угнетенный и подавленный онъ погрязаетъ въ тупости, суевѣріи и невѣжествѣ. Земля разбита на мелкія владѣнія самостоятельныя или подвластныя, потерявшія между собою связь; названіе «Италія» становится пустымъ звукомъ, не оправдываемымъ содержаніемъ. По мѣрѣ того, какъ протекаютъ вѣка въ кровавыхъ войнахъ и нескончаемыхъ бѣдствіяхъ, изъ нѣдръ изстрадавшагося общества отъ времени до времени раздаются голоса, взывающіе о сліяніи воедино разрозненныхъ частей несчастной родины. Таковы стремленія папы Григорія VII, такова вдохновенная проповѣдь Данте, поддержанная голосомъ Петрарки, попытка Коло-ди-Ріензи, воззванія Макіавелли. Но эти страстные призывы не находятъ отголоска въ массѣ народа и съ теченіемъ времени постепенно умолкаютъ. Сохраняя по прежнему свою роль покровитель-

ницы науки и искусства, Италія въ политическомъ отношеніи погружается въ глубокій и продолжительный сонъ. Но подобіе смерти не есть еще смерть: пробужденіе наступитъ, Италія проснется, когда вокругъ нея зашумятъ сосѣди.

Къ тому времени когда разразилась французская революція, раздробленность страны исключала для нея всякую возможность состязаться съ другими государствами въ могуществѣ и богатствѣ. Въ обществѣ царила глубокая апатія. Низшій классъ по прежнему пребывалъ въ крайнемъ отупѣніи, средняго сословія не было, дворянство потеряло всякое чувство личнаго и политическаго достоинства, папство и правительство своею политикою подавляли духъ національности и единства. По мнѣнію лучшихъ людей того времени, сохранившихъ еще патріотическое чувство, всякая надежда на возрожденіе Италіи являлась несбыточною фантазіею.

Въ такомъ видѣ застаютъ Италію въ 1796 году походы Наполеона I. Послѣ мира въ Кампо-Форміо физіономія страны совершенно преобразовывается. Венеціанская республика отходитъ къ Австріи, Ломбардія обращена въ Цизальпинскую республику, папа изгнанъ изъ Рима, король Фердинандъ—изъ Неаполя, на мѣстѣ ихъ владѣній возникаютъ новыя республики—Римская и Партенопейская. Піемонтъ присоединенъ къ Франціи; Модена, Ферара и Болонья образуютъ республику Цизпаданскую. Хозяйничая такимъ образомъ въ Италіи, Наполеонъ старался только ослабить итальянскія государства и подчинить ихъ своему вліянію, мало заботясь о цѣли пославшей его директоріи освободить эти земли отъ тяготѣвшаго надъ ними гнета. Тѣмъ не менѣе, не смотря на свою неискренность, политика его принесла странѣ громадную пользу и подготовила почву для событій послѣдующихъ годовъ. Введенная имъ во всѣ отдѣльныя государства однообразная система управленія впервые вызвала въ этихъ разрозненныхъ дотолѣ элементахъ сознаніе единства интересовъ и чувство солидарности. Еще болѣе важное значеніе для политическаго развитія страны имѣли нововведенія, внесенныя «Кодексомъ Наполеона»: равенство передъ закономъ всѣхъ сословій, уничтоженіе феодальныхъ привилегій и одинаковое для всѣхъ право владѣнія землею. Эти нововведенія сразу перенесли общество въ сферу новыхъ понятій и совершенно измѣнили его строй. Третьимъ и пожалуй наиболѣе плодотворнымъ результатомъ кратковременнаго правленія Наполеона I въ Италіи было *возрожденіе идеи національной независимости.*

Событія, ознаменовавшія начало нынѣшняго столѣтія, внесли въ жизнь Апенинскаго полуострова новыя перемѣны. На Вѣнскомъ конгрессѣ происходитъ новое распредѣленіе его территорій. Въ Неаполѣ и Сициліи, еще до походовъ Наполеона составлявшихъ такъ называемое королевство Обѣихъ Сицилій, водворенъ домъ Бурбоновъ въ лицѣ Фердинанда IV; королевство Сардинское возстановлено въ прежней цѣлости (Пьемонтъ и островъ Сардинія) и кромѣ того къ нему присоединена еще Генуя.

На основаніи постановленій Вѣнскаго конгресса большая часть полуострова находится во власти Австріи или въ болѣе или менѣе непосредственной отъ нея зависимости. Но Италія 1815 г. далеко не Италія 1796 г. Новыя теченія уже охватили общество и проникли въ литературу. Рядъ выдающихся писателей уже началъ дѣло перевоспитанія народа. Отчаяніе и негодованіе, вызванное военнымъ деспотизмомъ Наполеона, наиболѣе рѣзко выразилось въ сочиненіяхъ Альфіери и Уго Фосколо. Альфіери съ искреннимъ сочувствіемъ привѣтствовалъ разрушеніе стараго порядка во Франціи; но послѣ завоеванія Италіи Наполеономъ въ немъ пробудилось страшное негодованіе противъ французовъ, «этой націи тигровъ, осквернившихъ свободу», какъ онъ ихъ называлъ. Въ трагедіяхъ своихъ, проникнутыхъ ненавистью къ существующему порядку, онъ громитъ итальянское общество, рисуетъ весь ужасъ его паденія и, противупоставляя ему величіе героевъ древности, указываетъ новые пути, новые идеалы. Изгнанныя со сцены публичныхъ театровъ, трагедіи эти появляются въ тавернахъ и на площадяхъ, разыгрываемыя бродячими актерами и даже простыми рабочими. Уго Фосколо, подобно Альфіери сначала ожидавшій возрожденія Италіи отъ революціонной Франціи, видя несбыточность своихъ надеждъ, посвящаетъ себя литературѣ, чтобы этимъ путемъ вліять на соотечественниковъ. Своими сочиненіями, имѣвшими на итальянцевъ еще большее вліяніе нежели трагедіи Альфіери, онъ старается возбудить въ порабощенной націи чувство собственнаго достоинства, чтобы по крайней мѣрѣ замѣнить уваженіемъ презрѣніе къ нимъ побѣдителей. Онъ упрекаетъ итальянцевъ въ инертности, въ пассивномъ ожиданіи свободы отъ щедротъ другихъ народовъ, на долю которыхъ они оставляютъ труды и опасности, въ то время какъ сами ограничиваются платоническимъ желаніемъ быть независимыми.

Отъ слова недалеко было до дѣла.

Но не только эти, такъ сказать, чисто внутренніе импульсы пробуждали Италію къ новой жизни; весь ходъ политическихъ событій на континентѣ способствовалъ скорѣйшему осуществленію задачъ итальянскихъ патріотовъ. Италія не могла оставаться чуждой тѣмъ новымъ стремленіямъ, которыя охватили всю Европу въ первыя десятилѣтія текущаго вѣка и выразились въ такъ называемыхъ національныхъ движеніяхъ. Теченія эти нашли въ странѣ почву вполнѣ подготовленную. свѣжая волна новыхъ вѣяній увлекла Италію и вызвала образованіе тайныхъ обществъ съ патріотическими задачами.Между послѣдними особенно выдѣлялось общество карбонаріевъ или угольщиковъ, густою сѣтью покрывшее всю страну. Первоначальная цѣль этого общества заключалась въ изгнаніи французовъ, но впослѣдствіи программа его расширилась, хотя никогда не отличалась опредѣленностью. Такимъ образомъ къ началу 20-хъ годовъ въ Италіи образовалась партія дѣйствія, которая заявляетъ себя рядомъ частныхъ возстаній.

Если духъ времени и естественная эволюція политическихъ воззрѣній способствовали благополучному разрѣшенію борьбы Италіи за независимость, то не менѣе обязана она успѣшнымъ ходомъ этой борьбы тѣмъ великимъ дѣятелямъ, которые въ трудную минуту отдали ей свои силы и свою безграничную любовь. Въ импонирующемъ величіи выступаютъ четыре центральныя фигуры этой эпохи въ исторіи Италіи. Не смотря на несходство ролей, выпавшихъ на долю каждаго изъ нихъ, не смотря на существенное различіе въ подробностяхъ своей политической программы, Мадзини, Гарибальди, Кавуръ и Викторъ-Эмануилъ успѣшно доводятъ до конца дорогое для нихъ дѣло, благодаря главнымъ образомъ самоотверженію и стойкости, которыми характеризуется дѣятельность каждаго изъ нихъ. Можно сказать безошибочно, что несходство личныхъ характеровъ, пріемовъ и общественнаго положенія этихъ четырехъ главныхъ дѣятелей въ исторіи освобожденія Италіи послужило только на пользу ея дѣлу. Страстная проповѣдь Мадзини увлекаетъ главнымъ образомъ мыслящую часть общества; на массу народа обаятельно дѣйствуетъ своими небывалыми подвигами «человѣкъ великихъ инстинктовъ», сынъ народа, Гарибальди, соединившій въ себѣ, какъ въ фокусѣ, лучшія черты своей націи и потому для нея понятный; конкретнымъ олицетвореніемъ единства этой націи является въ глазахъ массы, всегда нуждающейся въ конкретныхъ образахъ, король сардинскій Викторъ-Эмануилъ, и наконецъ Кавуръ

своей удивительно проницательной и осторожной политикой сдерживаетъ слишкомъ стремительное движеніе народной партіи и спасаетъ дѣло родины. Въ сторонѣ отъ нихъ стоитъ Наполеонъ III,—пятый выдающійся участникъ въ дѣлѣ созданія единой Италіи. Иностранецъ, дѣйствующій отчасти во имя отвлеченной идеи, лежащей въ основѣ его національной политики, отчасти же и главнымъ образомъ во имя чисто-династическихъ интересовъ, чуждый слѣдовательно искреннему увлеченію итальянскихъ патріотовъ, онъ протягиваетъ Италіи безусловно ей необходимую, хотя и не безкорыстную руку помощи, безъ которой еще неокрѣпшая страна не могла бы завершить своего великаго дѣла: но затѣмъ надолго тормозитъ это дѣло, преслѣдуя цѣли, совершенно противуположныя.

ГЛАВА I.

Дѣтство. Юность и первые шаги на политическомъ поприщѣ.

Родина Гарибальди, его происхожденіе, семейная обстановка и воспитаніе.—Черты характера героя, обозначившіяся въ дѣтскихъ годахъ.—Страсть къ морю и первыя плаванія.—Гарибальди-воспитатель.—Встрѣча съ мадзинистомъ.—Знакомство съ сен-симонистами.—Пріѣздъ въ Марсель; знакомство съ Мадзини. — Личность и политическая программа послѣдняго. — Сенъ-Жульенская экспедиція.—Заговоръ въ Генуѣ. — Бѣгство.—Смертный приговоръ. — Жизнь въ Марселѣ.—Служба на кораблѣ «Union».—Служба у туниссkаго бея.—Холера въ Марсели.—Отплытіе въ Америку.

Еще нѣсколько лѣтъ тому назадъ на набережной «Lunel» въ Ниццѣ ютился среди другихъ болѣе значительныхъ построекъ маленькій домикъ, въ которомъ родился Джузеппе Гарибальди. Онъ явился на свѣтъ 22-го іюля 1807 года въ той самой комнатѣ, которая была уже знаменита рожденіемъ въ ней Массены. Впослѣдствіи, при расширеніи коммерческаго порта, домикъ былъ снесенъ. Его купилъ одинъ англичанинъ, который перенумеровалъ всѣ камни, чтобы построить его вновь въ другомъ мѣстѣ.

Джузеппе былъ вторымъ сыномъ Доменико Гарибальди и жены его Розы Богіадо. Генеалогіей его занимались очень много; нѣкоторые біографы ведутъ родъ итальянскаго героя отъ знатной нѣмецкой фамиліи владѣтельныхъ князей. Самъ-же Гарибальди никогда не интересовался вопросомъ о своемъ происхожденіи и въ своихъ мемуарахъ не даетъ о немъ никакихъ свѣдѣній. Достовѣрно лишь то, что онъ происходилъ изъ семьи моряковъ. Отецъ его, также сынъ моряка, имѣлъ свой корабль и занимался торговлей. Джузеппе былъ любимецъ въ семьѣ. Окруженный ласкою и заботами родителей, воспитанный въ любящей атмосферѣ родной семьи, ребенокъ въ свою очередь платилъ своимъ кровнымъ самою нѣжною привязанностью. Впо-

слѣдствіи среди бурныхъ событій своей обильной приключеніями жизни онъ навсегда сохранилъ это чувство въ неприкосновенной силѣ и свѣжести. Особенно его добрая мать служила для Гарибальди предметомъ благоговѣйнаго культа.

«Что касается моей матери, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, то я съ твердостью могу сказать, что она была образцовой женщиной... И чему приписать я долженъ эту сильную любовь мою къ отечеству, эту непреклонную преданность ему, какъ не соболѣзнованіямъ моей матери о несчастныхъ, какъ не состраданію ея къ несчастнымъ? Я не суевѣренъ, но скажу съ твердою увѣренностью въ истинѣ моихъ словъ, что въ случаяхъ наиболѣе страшныхъ и ужасныхъ въ моей жизни, когда волны океана ревѣли и съ яростью бились о бока моего корабля, подымая его какъ легкую соломинку, когда пули со свистомъ пролетали мимо моихъ ушей подобно бурному вѣтру, когда наконецъ кругомъ меня сыпался градъ пуль или ядеръ, — мнѣ всегда представлялась мать, стоящею на колѣняхъ передъ образомъ Спасителя»...

Много было такихъ трудныхъ минутъ въ жизни Гарибальди; скоро случаи смертельной опасности стали въ глазахъ его явленіемъ заурядным, нестоющимъ вниманія, но память о матери навсегда осталась для него окруженной тѣмъ же ореоломъ святости и чистоты. Посѣщавшіе его уединенное жилище на островѣ Капреръ, гдѣ народный герой провелъ многіе годы своей жизни и скончался, могли видѣть среди скромной обстановки его спальни портретъ почтенной старушки, съ головою, повязанной краснымъ фуляромъ, съ блѣднымъ, но прекраснымъ лицомъ. Тѣмъ, кто останавливался передъ этимъ портретомъ, онъ говорилъ съ волненіемъ: «Это моя мать».

Къ отцу Гарибальди сохранилъ глубокое чувство благодарности. Упоминая въ своихъ мемуарахъ о матеріальномъ положеніи семьи, постоянно подвергавшемся перемѣнамъ то къ худшему, то къ лучшему, онъ между прочимъ говоритъ объ отцѣ:

«Въ одномъ я не сомнѣваюсь, именно въ томъ, что всѣ деньги, которыя онъ бросалъ на вѣтеръ, которыя онъ спустилъ съ большимъ удовольствіемъ, были деньги, употребленныя имъ на мое воспитаніе, хотя это воспитаніе было тяжелымъ бременемъ для его финансовъ».

Тѣмъ не менѣе, несмотря на заботы отца, воспитаніе Гарибальди было, по его собственному выраженію, далеко не аристократическое. Ни гимнастикѣ, ни фехтованію, ни верховой ѣздѣ его не учили. Гимнастикѣ выучился онъ, лазая по вантамъ и спускаясь по канатамъ, фехтованію — защищая свою голову и стараясь размозжить голову другимъ; а верховой ѣздѣ—подражая дикимъ наѣздникамъ южной Америки—гуачосамъ. Единственнымъ

тѣлеснымъ упражненіемъ Гарибальди въ молодости было плаваніе, которому онъ выучился также безъ учителя. Плавалъ онъ какъ рыба и конечно имѣлъ право считать себя однимъ изъ лучшихъ пловцовъ въ мірѣ. Причину многихъ пробѣловъ въ своемъ воспитаніи Гарибальди объясняетъ тѣмъ положеніемъ, въ какомъ въ то время находилось вообще дѣло воспитанія въ Пьемонтѣ. Оно всецѣло было предоставлено священникамъ, которые стремились дѣлать изъ молодыхъ людей скорѣе монаховъ, нежели гражданъ, способныхъ служить на пользу несчастной странѣ.

Первымъ учителемъ мальчика былъ падро Джіованни Джіаколе, дальній родственникъ, постоянно жившій въ семьѣ. Занятія съ нимъ шли вяло и скорѣе походили на забаву. За то старшій братъ Гарибальди Анжело тщательно слѣдилъ за успѣхами ребенка въ наукахъ и старался развить въ немъ любовь къ умственному труду. Кромѣ того у Джузеппе былъ еще другой прекрасный учитель, — бывшій офицеръ Арена, который серьезно занимался съ мальчикомъ и имѣлъ громадное вліяніе на его развитіе, какъ умственное, такъ и нравственное. Арена пріохотилъ своего ученика къ занятіямъ математикой, и Джузеппе съ увлеченіемъ предавался имъ. Но не въ этомъ заключалась главная заслуга учителя. Громадное значеніе его въ воспитаніи ребенка состояло преимущественно въ томъ, что онъ заставилъ его основательно познакомиться съ роднымъ итальянскимъ языкомъ, которому по большей части не обучали дѣтей въ Ниццѣ. Близкое сосѣдство ея съ Франціей положило свою печать на воспитаніе юношества; благодаря ему, родной языкъ находился здѣсь въ совершенномъ пренебреженіи. На урокахъ отечественнаго языка Арена имѣлъ обыкновеніе читать со своимъ ученикомъ римскую исторію; эти чтенія развивали въ ребенкѣ благоговѣйное удивленіе къ его великимъ предкамъ и зародили въ немъ пока еще неясныя, но глубоко запавшія въ юную душу мечты о возможномъ прекрасномъ будущемъ для боготворимой родины.

«Римъ, представлявшійся моему воображенію въ періодъ моей юности, говоритъ онъ,—былъ не только Римъ въ прошедшемъ, но и Римъ въ будущемъ, которому завидуютъ, который преслѣдуютъ государства, потому-что, будучи центромъ просвѣщенія, онъ выводилъ народы на путь свѣта и истины. Римъ! о! Когда я думалъ о бѣдствіяхъ, его постигшихъ, о его несчастьяхъ, онъ для меня дѣлался дороже и священнѣе всего на свѣтѣ».

Не менѣе сильное впечатлѣніе производили на мальчика

разсказы Арены о сраженіяхъ, въ которыхъ ему приходилось участвовать. Въ такой чуткой и впечатлительной душѣ, какова была душа ребенка, подобные разсказы не могли не оставить глубокаго слѣда; они воспитывали въ немъ чувство рыцарской отваги, и мало по малу, черта за чертой, слагались элементы его героической натуры. Силы наростали и просились наружу.

Гарибальди не было еще восьми лѣтъ отъ роду, когда онъ совершилъ свой первый геройскій подвигъ. Однажды, отправившись со своимъ двоюроднымъ братомъ на охоту въ Варъ, онъ подошелъ къ глубокой канавѣ, въ которой прачки обыкновенно полоскали бѣлье. Одна изъ нихъ, занятая обычной работой, поскользнулась и упала въ воду. Не долго думая, ребенокъ бросился за женщиной и спасъ ее.

Но не только въ такихъ отважныхъ подвигахъ человѣколюбія выражалась сердечная доброта мальчика. Въ своихъ мемуарахъ онъ самъ сознается, что съ дѣтства обладалъ добрымъ сердцемъ, и разсказываетъ, что всегда чувствовалъ особенную нѣжность ко всему слабому и страждущему. Жалость эта простиралась у него и на животныхъ или, какъ онъ самъ говоритъ, начиналась съ нихъ. Такъ напримѣръ, однажды онъ поймалъ сверчка и нечаянно оторвалъ ему лапку; это такъ огорчило мальчика, что онъ заперся въ комнатѣ и втеченіе нѣсколькихъ часовъ неутѣшно плакалъ.

Другой эпизодъ изъ дѣтства Гарибальди представляетъ особый интересъ, служа доказательствомъ, что уже въ эту пору въ ребенкѣ зарождалась любовь къ подвигамъ и необычайнымъ приключеніямъ. Наскучивъ однообразіемъ классныхъ занятій, онъ предложилъ тремъ товарищамъ самостоятельно прокатиться въ Геную. Сдѣлавъ небольшія сбереженія со школьныхъ завтраковъ, мальчики запасли немного провизіи и, уложивъ ее въ рыбацкую лодку, отправились въ путь. Они были уже на высотѣ Монако, когда ихъ нагнало судно, посланное за ними отцомъ Гарибальди. Оказалось, что объ ихъ продѣлкѣ разсказалъ аббатъ, видѣвшій, какъ они отчаливали отъ пристани.

На ряду съ этими чертами характера уже въ ранней порѣ жизни стала обнаруживаться у Гарибальди необыкновенная любовь въ морю. Влеченіе это крѣпло съ годами и обратилось наконецъ въ настоящую страсть. Родившійся у моря, всегда имѣвшій его передъ глазами ребенокъ сроднился съ стихіей. Чудныя

картины, развертывавшіяся передъ нимъ, всегда новыя и чарующія въ своемъ безконечномъ разнообразіи, внесли въ его душу зачатки поэзіи. Море поражало его слухъ, такъ же какъ и его зрѣніе; оно раскрывало передъ нимъ цѣлый міръ восхищавшихъ его звуковъ. Онъ ловилъ эти звуки, то баюкающіе и ласкающіе, подобные нѣвучему andante, то могучіе и торжественные, то грозные, то стонущіе, то рыдающіе, и въ душѣ его крѣпли и натягивались добрыя, симпатичныя струны, въ умѣ слагались понятія о величіи, свободѣ и силѣ, воображенію рисовались неясныя, но уже манящія перспективы будущихъ подвиговъ. Такъ же какъ и близкіе люди, море внесло свою ленту въ воспитаніе ребенка, и онъ не могъ не любить его, какъ необходимый аксесуаръ своей дѣтской обстановки, какъ нѣчто родное, почти одушевленное. Онъ чувствовалъ, что родился морякомъ, что тамъ, въ этомъ широкомъ просторѣ, среди шумящихъ волнъ найдутъ себѣ приложеніе рвущіяся наружу стихійныя силы его души.

Долго противился этому влеченію отецъ, мечтавшій о болѣе спокойной карьерѣ для сына; онъ думалъ сдѣлать изъ него священника, адвоката или доктора. Но съ настойчивостью, свойственною прирожденному призванію, ребенокъ побѣдилъ отца и отправился наконецъ въ море. Первую свою поѣздку онъ сдѣлалъ въ Одессу на бригантинѣ «Констанца». Это первое морское путешествіе еще болѣе укрѣпило въ мальчикѣ убѣжденіе, что онъ созданъ морякомъ. Отецъ не могъ уже противиться его желанію и покорился. Но во второй поѣздкѣ въ Римъ онъ рѣшился самъ сопровождать сына, такъ какъ путешествіе Джузеппе въ Одессу послужило для него источникомъ нескончаемой тревоги. Съ восторгомъ пустился мальчикъ въ это второе плаваніе: онъ долженъ былъ увидѣть Римъ, который, по его словамъ, не могъ быть для него ничѣмъ инымъ, какъ «столицей міра».

Нѣкоторое время Гарибальди занимался вмѣстѣ съ отцомъ каботажнымъ плаваніемъ, а затѣмъ предпринялъ рядъ путешествій въ Левантъ. Въ этихъ путешествіяхъ пришлось ему впервые лицомъ къ лицу познакомиться съ опасностью. Не разъ нападали на судно морскіе разбойники. Гарибальди разсказываетъ, что въ одну и ту-же поѣздку они два раза были атакованы пиратами и совершенно ограблены; когда же въ третій разъ на нихъ напали другіе пираты и для нихъ не нашлось ужъ ничего на кораблѣ, то это привело разбойниковъ въ неописанную ярость.

Однажды, прибывъ къ Константинополь, Гарибальди сильно заболѣлъ; при отсутствіи у него денежныхъ средствъ болѣзнь грозила ему большими непріятностями. Но Гарибальди всегда имѣлъ счастье находить людей, готовыхъ ему помочь. Въ немъ приняла участіе одна дама, уроженка Ниццы, по имени Луиза Савего. Она заботливо ухаживала за нимъ втеченіе всей болѣзни и снабжала его всѣмъ необходимымъ. Такъ какъ это происходило во время войны между Турціей и Россіей, то Гарибальди не могъ тотчасъ же выѣхать изъ Константинополя и занялъ мѣсто наставника при трехъ маленькихъ мальчикахъ въ семействѣ вдовы Титани, итальянки. Проведя нѣсколько мѣсяцевъ въ этой семьѣ, онъ впервые поступилъ капитаномъ на бригантину «Св. Богородица» и съ нею отплылъ изъ Константинополя.

Втеченіе нѣкотораго времени продолжались еще морскія плаванія Гарибальди, во время которыхъ онъ не переставалъ обогащать себя знаніями и пополнять пробѣлы своего образованія. При этомъ постоянно и неотвязно приковывала къ себѣ его вниманіе мысль о возрожденіи Италіи.

«Всегда проникнутый высокимъ чувствомъ патріотизма, говоритъ онъ, я во всѣхъ обстоятельствахъ моей жизни не переставалъ спрашивать то людей, то книги, открывавшія мнѣ свои таинства, то наконецъ самыя событія, о воскрешеніи Италіи; до двадцати четырехъ лѣтъ эти розысканія мои оставались тщетными и я безполезно утомлялъ себя такими вопросами».

Наконецъ представился случай разрѣшить эти мучительные вопросы. Какъ-то, прибывъ въ Таганрогъ, Гарибальди зашелъ въ одинъ изъ скромныхъ трактировъ, гдѣ обыкновенно собирались моряки за стаканомъ вина. Тутъ засталъ онъ нѣсколькихъ итальянцевъ; между ними оказался членъ «Молодой Италіи», общества незадолго передъ тѣмъ основаннаго Мадзини. Гарибальди услышалъ горячую рѣчь молодого патріота, говорившаго о страданіяхъ родины. Съ пыломъ, свойственнымъ молодости, членъ «Молодой Италіи» защищалъ мысль, что возмущеніе представляетъ единственный путь къ спасенію страны. Для Гарибальди эта рѣчь была своего рода откровеніемъ.

«Для нашей несчастной страны оставался еще лучъ надежды, говоритъ онъ въ своихъ мемуарахъ, описывая, подъ какимъ впечатлѣніемъ онъ оставилъ маленькій трактиръ въ Таганрогѣ.—Христоферъ Колумбъ—я объявляю это публично—не былъ счастливѣе, когда, заблудившись въ Атлантическомъ океанѣ, не зная, куда направить путь, осыпаемый угрозами своихъ спутниковъ, у которыхъ онъ просилъ еще три дня имѣть терпѣніе, услышалъ въ концѣ третьихъ сутокъ столь радостное для него во-

склицаніе: «земля!»—Онъ не былъ, говорю я; счастливѣе меня, когда я услышалъ крикъ «*отечество!*» Слѣдовательно были люди, которые думали объ освобожденіи Италіи!».

Гарибальди тогда же поклялся умереть за отечество.

Въ томъ же году партія сенъ-симонистовъ, изгнанныхъ изъ Парижа, отправлялась на востокъ на кораблѣ, которымъ командовалъ Гарибальди; между ними былъ извѣстный Эмиль Барро, предводитель маленькой колоніи ссыльныхъ. Гарибальди подошелъ къ Барро, заявилъ о своей національности и тотчасъ же между ними завязалась откровенная бесѣда, въ которой сенъ-симонисты посвятили молодаго итальянца въ свои широкія идеи братства, равенства всѣхъ людей, въ свои мечты объ уничтоженіи бѣдности и страданія на землѣ, въ свой культъ женщины и т. д. Юноша былъ плѣненъ. Внезапно кругозоръ его расширился; родина, нація отступили назадъ передъ всеобъемлющей идеей человѣчества.

«Я возвращался полный энергіи, полный новыхъ идей, говоритъ онъ, жадный до новыхъ событій, и спрашивая самого себя—не было ли въ этомъ непреодолимомъ призваніи, которое я чувствовалъ въ себѣ, быть отважнымъ мореходцемъ, еще новыхъ, незамѣченныхъ мною горизонтовъ? И я видѣлъ уже эти горизонты сквозь неясный и отдаленный туманъ будущности».

Послѣ этого перелома въ своей жизни Гарибальди не могъ уже заниматься торговлей; онъ горѣлъ желаніемъ сдѣлать что нибудь для Италіи и съ этою цѣлью отправился въ Марсель, гдѣ жилъ въ то время Мадзини. Туманныя грезы, навѣянныя уроками Арены, начинали принимать опредѣленныя очертанія.

Но пріѣздѣ въ Марсель въ 1831 г. Гарибальди познакомился съ Мадзини. Сынъ доктора, человѣка выдающагося по образованію и нравственнымъ качествамъ, Джузеппе Мадзини вырось въ средѣ, гдѣ такъ сказать съ молокомъ матери всосалъ въ себя идеи о независимости Италіи. Окончивъ университетское образованіе, онъ выбралъ для распространенія своихъ идей литературное поприще, какъ единственное пригодное для этой цѣли по его мнѣнію. Выступая въ литературѣ въ переходную эпоху борьбы классицизма съ романтизмомъ, онъ прежде всего постарался выяснить себѣ обязанности итальянскаго писателя и слѣдующимъ образомъ опредѣлилъ ихъ:

«Изучать наши историческія воспоминанія, забытыя или непонятыя сочиненія нашихъ великихъ людей, стремленія итальянскаго народа въ прошедшемъ; говорить итальянской молодежи о величіи ея предковъ, разсказывать исторію ихъ паденія и его причины; пробуждать уваженіе къ людямъ, пострадавшимъ за исполненіе своего долга и презрѣніе къ измѣнившимъ ему изъ любви къ матеріальнымъ наслажденіямъ; внушать, что

только нравственныя основы могутъ создать великій народъ, проповѣдывать любовь мужчины и женщины въ равноправномъ союзѣ,—такова обязанность писателя нашихъ дней».

Достаточно прочитать эти строки, такъ удивительно гармонировавшія съ настроеніемъ Гарибальди, чтобы сказать съ увѣренностью, что, разъ познакомившись другъ съ другомъ, Мадзини и Гарибальди не могли не сдѣлаться друзьями. Въ то время Гарибальди было 24 года; Мадзини былъ годомъ моложе, но далеко старше его политическою опытностью и образованіемъ. Несмотря на свои 23 года, онъ уже успѣлъ многое перенести, много поработать на пользу родины.

Литературныя занятія не могли долго удовлетворять Мадзини. Стремясь расширить кругъ своей дѣятельности, онъ поступилъ въ общество карбонаріевъ, гдѣ вскорѣ получилъ степень магистра, а затѣмъ въ непродолжительномъ времени и высшій рангъ. За свою принадлежность къ обществу Мадзини подвергся преслѣдованію властей, и, будучи еще почти юношей, долженъ былъ оставить отечество. Съ тѣхъ поръ онъ постоянно велъ жизнь скитальца. Вскорѣ однако послѣдовало для него разочарованіе въ карбонаріяхъ и онъ разошелся съ ними. Мадзини упрекалъ ихъ въ выборѣ вождей среди высшихъ классовъ, въ пренебреженіи къ массѣ народа, въ отсутствіи положительныхъ идеаловъ, въ служеніи лишь *свободѣ* и *независимости* при полномъ игнорированіи равенства, въ излишней формалистикѣ и театральности и наконецъ въ монархизмѣ. Во всемъ этомъ онъ видѣлъ признаки разложенія и взамѣнъ составилъ собственный планъ новаго общества «Молодой Италіи», включая въ этотъ планъ программу не только политическаго преобразованія, но и коренныхъ измѣненій въ нравственномъ и религіозномъ строѣ общества.

Къ тому времени, когда Мадзини познакомился съ Гарибальди, онъ только-что основалъ общество «Молодой Италіи» и началъ издавать журналъ того же имени. Программа его заканчивалась рядомъ слѣдующихъ положеній, приводимыхъ нами въ краткомъ извлеченіи: 1) итальянскую націю составляютъ всѣ итальянцы; 2) «Молодая Италія» должна быть республиканскою и единою; 3) члены «Молодой Италіи» не должны забывать, что безъ нравственныхъ основъ нѣтъ гражданина; 4) средства «Молодой Италіи»—воспитаніе и возстаніе; 5) вначалѣ для успѣха возстанія необходима диктаторская власть.

Гарибальди, сразу поддавшійся вліянію Мадзини, всецѣло

примкнулъ къ этой программѣ и вступилъ членомъ въ «Молодую Италію». Такимъ образомъ сошлись эти два человѣка—натуры діаметрально противуположныя. Фанатикъ и аскетъ, Мадзини всѣ силы своего духа вложилъ въ одну, безраздѣльно поглотившую его идею; мягкости и терпимости Гарибальди, всегда легко угадывавшаго малѣйшее движеніе чужой души, онъ противуставлялъ суровую непреклонность, которою напоминалъ фанатизированнаго сектанта. Мадзини жилъ постоянно въ сферѣ общихъ идей и рѣдко спускался съ высоты своего идеала къ фактамъ дѣйствительности; Гарибальди былъ созданъ для жизни среди себѣ подобныхъ, на страданія и радости которыхъ такъ легко отзывалось его чуткое сердце. Если впослѣдствіи Гарибальди сталъ идоломъ своего народа, благодаря неизсякаемому источнику любви и состраданія къ ближнимъ, если въ тяжелой и полной лишеній жизни его согрѣвали отраженные лучи того самаго пламени, которое теплилось въ душѣ героя, то желѣзный характеръ Мадзини, необычайная сила его ума и непоколебимая вѣра въ свою идею сдѣлали его единственнымъ, всѣми признаваемымъ главою движенія, santo maestro (святой учитель), какъ его называли. По одному слову его люди шли на висѣлицу, на разстрѣляніе и гибли въ казематахъ. Такою личностью не могъ не увлечься восторженно настроенный молодой Гарибальди. При первомъ же знакомствѣ онъ предложилъ Мадзини свои услуги, увѣряя, что на него можно положиться.

Въ то время Мадзини былъ занятъ организаціею такъ называемой сенъ-жульенской экспедиціи. Гарибальди взялъ на себя миссію вербовать на морѣ сторонниковъ революціи; съ этою цѣлью онъ поступилъ во флотъ на государственную службу, причемъ дѣйствовалъ такъ успѣшно, что фрегатъ «Эвридика», на которомъ онъ служилъ, готовъ былъ примкнуть къ возстанію. Ядро заговора группировалось вокругъ Мадзини въ Женевѣ, куда онъ принужденъ былъ удалиться изъ Марселя по настоянію французскихъ властей. Оттуда условлено было ожидать сигнала, и тогда двѣ колонны должны были одновременно проникнуть съ разныхъ сторонъ въ Пьемонтъ. Начальникомъ экспедиціи былъ выбранъ польскій генералъ Раморино. Мадзини не одобрялъ этого выбора, но долженъ былъ уступить общему желанію. Скоро обнаружилось, насколько онъ былъ правъ.

Раморино не вѣрилъ въ успѣхъ экспедиціи и безконечными проволочками болѣе чѣмъ на годъ затянулъ ея осуществленіе.

Когда наконецъ по настоянію Мадзини войска выступили въ походъ, Раморино, вмѣсто того чтобы направиться согласно условію въ деревню Сенъ-Жюльенъ, сталъ безъ цѣли бродить вокругъ Женевскаго озера. Тогда Мадзини, потерявъ терпѣніе, самъ примкнулъ къ отряду Раморино, чтобы слѣдить за дѣйствіями генерала. Но болѣзнь свалила его въ ту минуту когда онъ готовился сразиться съ правительственными войсками, окружившими отрядъ. Оказалось, что вѣсть о заговорѣ успѣла достигнуть правительства, и дѣло Мадзини было проиграно. Одна изъ колоннъ была задержана швейцарскими войсками, а другая—частью взята въ плѣнъ, частью разсѣяна.

Между тѣмъ Гарибальди, находившійся на своемъ суднѣ, ждалъ условленнаго сигнала съ суши. Но время проходило, не принося съ собою ожидаемыхъ вѣстей; тогда Гарибальди предоставилъ фрегатъ на попеченіе другихъ, а самъ въ легкомъ челнокѣ отправился въ Геную. Причаливъ къ таможнѣ, онъ поспѣшилъ на площадь Сарзана, гдѣ находились казармы для жандармовъ и откуда должно было начаться возстаніе. Пробывъ на площади около часу въ безплодномъ ожиданіи, Гарибальди узналъ наконецъ, что экспедиція не удалась и что нѣкоторыя лица уже арестованы. Вскорѣ на площади стали появляться правительственныя войска. Для Гарибальди представлялся единственный исходъ—немедленное бѣгство. Онъ укрылся у одной торговки фруктами и разсказалъ ей обо всемъ. Добрая женщина спрятала его въ комнату за лавкой, и къ вечеру, переодѣтый въ крестьянское платье, медленной походкой, какъ бы для прогулки, онъ вышелъ изъ города. Избѣгая большой дороги, перебираясь черезъ плетни и заборы, пуская въ ходъ всѣ свои гимнастическія познанія, онъ на десятыя сутки ночью благополучно добрался до Ниццы и пришелъ прямо къ теткѣ, не желая неожиданнымъ появленіемъ испугать свою мать. Пробывъ цѣлый день въ Ниццѣ, онъ на слѣдующую ночь отправился въ дальнѣйшій путь по направленію къ Марселю. Его сопровождали двое товарищей. Подойдя къ Вару, они замѣтили, что вода въ немъ вслѣдствіе послѣднихъ дождей сильно поднялась. Переправа черезъ Варъ очень опасна и въ обыкновенное время, а тѣмъ болѣе въ половодье. Но Гарибальди не могъ медлить; простившись со своими товарищами, онъ вплавь переплылъ бурную рѣку. Это былъ геройскій подвигъ для всякаго другого кромѣ Гарибальди. Выйдя на берегъ, онъ прямо подошелъ къ погра-

ничной стражѣ и объявилъ, кто онъ и зачѣмъ бѣжалъ изъ Генуи. Его арестовали немедленно и въ ожиданіи дальнѣйшихъ распоряженій изъ Парижа отправили подъ конвоемъ въ Драгиньянъ. Здѣсь его ввели въ комнату на второмъ этажѣ съ окномъ, выходившимъ въ садъ. Дѣлая видъ, что хочетъ полюбоваться пейзажемъ, онъ смѣрилъ глазами разстояніе до земли и, не долго думая, выпрыгнулъ изъ окна. Въ то время какъ менѣе ловкіе таможенные надсмотрщики дѣлали большой кругъ по лѣстницѣ, Гарибальди уже очутился на дорогѣ и побѣжалъ къ горамъ. Онъ не зналъ дороги въ Марсель, но опытный морякъ всегда найдетъ по звѣздамъ, какого направленія слѣдуетъ держаться. Придя на другой день въ лежавшую по пути деревню, Гарибальди зашелъ въ гостинницу, гдѣ нашелъ хозяина съ хозяйкой за ужиномъ. Ему предложили мѣсто за столомъ. Между гостемъ и хозяевами завязалась бесѣда, и Гарибальди разсказалъ своимъ добродушнымъ слушателямъ, какимъ образомъ онъ добрался до ихъ деревни и какъ избѣгнулъ смерти на родинѣ и тюрьмы во Франціи. Испуганный хозяинъ заявилъ, что къ сожалѣнію долженъ арестовать его. На это Гарибальди отвѣтилъ, что спѣшить съ арестомъ нѣтъ надобности, такъ какъ онъ еще голоденъ, и спокойно продолжалъ ѣсть. Между тѣмъ въ гостинницу собрались обычные посѣтители. Хозяинъ пересталъ говорить объ арестѣ, но продолжалъ зорко слѣдить за своимъ подозрительнымъ гостемъ. Желая успокоить его хотя бы съ одной стороны, Гарибальди нарочно зазвенѣлъ нѣсколькими экю, находившимися у него въ карманѣ. Затѣмъ, выбравъ минуту, когда одинъ молодой человѣкъ при общихъ крикахъ «браво» только-что кончилъ модную тогда пѣсню, подошелъ къ окружавшимъ пѣвца слушателямъ со стаканомъ въ рукѣ. «Теперь моя очередь, господа!» сказалъ онъ и запѣлъ переложенные на музыку стихи Беранже. У Гарибальди былъ прекрасный теноръ, и пѣсня вызвала общій восторгъ. По всей гостинницѣ раздавались крики: «да здравствуетъ Беранже, да здравствуетъ Франція, да здравствуетъ Италія!» Вся ночь прошла въ пѣніи, а на разсвѣтѣ компанія дружески проводила пѣвца въ дальнѣйшій путь. «Беранже умеръ, замѣчаетъ Гарибальди,—конечно не зная объ услугѣ, которую онъ мнѣ оказалъ!»

Прибывъ благополучно въ Марсель, Гарибальди узналъ уже достовѣрно, что избѣжалъ въ Италіи смертной казни. Вмѣстѣ съ Мадзини и нѣкоторыми другими участниками возстанія онъ

былъ присужденъ къ повѣшенію. «Виновные, гласитъ приговоръ,— должны быть преданы въ руки палача, который, надѣвъ имъ петли на шею, проведетъ ихъ по городу въ торговый день до мѣста казни, гдѣ они будутъ повѣшены».

Нѣсколько мѣсяцевъ прожилъ Гарибальди въ Марселѣ безъ всякихъ занятій въ домѣ своего друга. Опасаясь ареста, котораго еще можно было ожидать, онъ перемѣнилъ свое имя и назвался Іосифомъ Наномъ. Вскорѣ для него нашлось мѣсто матроса второго разряда на кораблѣ «Union». Въ это время ему удалось снова спасти жизнь ближнему. Однажды, разговаривая со своимъ капитаномъ, онъ замѣтилъ, какъ мальчикъ, прыгавшій съ барки на барку у набережной, упалъ въ воду. Гарибальди моментально бросился за нимъ въ своемъ праздничномъ платьѣ и два раза нырнувъ безуспѣшно, на третій разъ вытащилъ ребенка изъ воды. Громкіе крики «браво» встрѣтили его, когда онъ сложилъ на берегу свою ношу. «Слезы радости и благословенія матери ребенка, говоритъ онъ,—щедро наградили меня за мой подвигъ».

На кораблѣ «Union» Гарибальди совершилъ третье свое путешествіе въ Одессу, а затѣмъ поступилъ на службу на фрегатъ тунисскаго бея, который желалъ организовать свой флотъ поевропейски. Но служба эта оказалась не по душѣ Гарибальди, и онъ поспѣшилъ вернуться въ Марсель.

Вернувшись, онъ засталъ городъ въ глубокомъ траурѣ. Холера, свирѣпствовавшая въ 1835 году по всей Европѣ, хозяйничала теперь въ Марселѣ. Въ городѣ не оставалось никого, кромѣ больныхъ, докторовъ и сидѣлокъ; все населеніе выѣхало, что̀ дѣлало Марсель похожимъ на обширное кладбище. Въ госпиталяхъ не хватало сидѣлокъ, и доктора требовали охотниковъ. Руководясь своимъ рѣшеніемъ служить не только родинѣ, но и всему человѣчеству, повинуясь влеченію своего добраго сердца, Гарибальди поступилъ въ госпиталь и все время, пока свирѣпствовала болѣзнь, добросовѣстно исполнялъ тяжелую обязанность сидѣлки.

Къ тому времени, когда эпидемія стала ослабѣвать, Гарибальди представился случай поступить вторымъ матросомъ на бригъ «Мореплаватель», отправлявшійся въ Америку. Жажда повидать новыя страны овладѣла имъ: онъ поступилъ на бригъ и съ нимъ отплылъ въ Ріо-де-Жанейро.

ГЛАВА II.

Гарибальди въ Америкѣ.

Пріѣздъ въ Ріо-де-Жанейро. –Россети. —События въ Бразиліи.—Гарибальди-корсаръ.—Тюрьма и пытка.—На службѣ въ республикѣ Ріо-Гранде.— Постройка лапціонъ.—Кораблекрушеніе.—Женитьба.–Такварійское сраженіе.—Сенъ-Симонъ.—Рожденіе сына.—Девять дней въ лѣсу.—Отъѣздъ въ Монтевидео.—Вожатый быковъ.—Торговецъ и учитель математики.—На службѣ республики въ Монтевидео. — Итальянскій легіонъ.—Бѣдность Гарибальди.

Пріѣхавъ въ Ріо-де-Жанейро, Гарибальди почти сейчасъ же нашелъ себѣ друга, чего трудно было ожидать въ этой части свѣта. Случайно встрѣтился онъ съ молодымъ итальянцемъ по имени Россети, уже раньше поселившимся въ Америкѣ, и очень скоро близко сошелся съ нимъ. Въ то время Америка служила любимымъ мѣстомъ эмиграціи для итальянцевъ, недовольныхъ государственнымъ строемъ отечества. Гонимые за свои убѣжденія, не находя сочувствія своимъ взглядамъ, не видя возможности приложить свои силы на родинѣ, они отправлялись въ Америку и здѣсь искали дѣла, могущаго удовлетворить ихъ запросамъ. Для этихъ людей, проникнутыхъ подобно многимъ своимъ соотечественникамъ того тяжелаго времени широкой идеей служенія всемірной свободѣ, Америка становилась вторымъ отечествомъ, и они охотно отдавали ей силы, отвергнутыя въ Италіи. Къ этимъ людямъ примкнулъ Гарибальди.

Первые мѣсяцы провелъ онъ, какъ говоритъ самъ, въ безделіи, т. е. купивъ маленькое морское судно, занимался торговлей. Но вскорѣ ему представился случай примкнуть къ одной изъ политическихъ партій въ странѣ, познакомившись съ Замбекари, секретаремъ Бенто-Гонзалеса, президента Ріо-Грандской республики, воевавшей въ то время съ Бразиліей.

Гарибальди вооружилъ небольшое судно для плаванія вдоль береговъ и назвалъ его «Мадзини». Во время одного изъ такихъ

плаваній съ командою изъ 16 человѣкъ, съ оружіемъ и амуниціей, спрятанными подъ вяленой говядиной и маніокомъ, Гарибальди замѣтилъ голетъ съ бразильскимъ флагомъ и направилъ «Мадзини» прямо на него. Подойдя къ голету, Гарибальди объявилъ, кто они, и требовалъ немедленной сдачи. Растерявшаяся команда не протестовала. Гарибальди взошелъ со своими людьми на палубу и такимъ образомъ завладѣлъ голетомъ. Считая себя во власти морскихъ разбойниковъ, одинъ изъ пассажировъ, бѣдно одѣтый, подошелъ къ Гарибальди и открылъ передъ нимъ маленькій ящикъ, въ которомъ лежали бриліанты. Эти камни онъ предлагалъ въ качествѣ выкупа за свою жизнь. Гарибальди взялъ ящикъ, заперъ его и отдалъ пассажиру, говоря, что такъ-какъ жизнь его не находится въ опасности, то онъ можетъ приберечь свои сокровища до другого случая. Оружіе и припасы, находившіеся на «Мадзини», были немедленно перенесены на голетъ и «Мадзини» потопленъ. Голетъ оказался принадлежащимъ богатому австрійцу, отправлявшемуся съ грузомъ кофе въ Европу; національность владѣльца служила для Гарибальди лишнимъ аргументомъ въ пользу присвоенія судна. Голетъ, названный новымъ капитаномъ «Скорошлья», направился въ Ріо-де-Лаплату. По пути лежалъ островъ Св. Екатерины. Гарибальди, желая дать своей командѣ разъ навсегда урокъ обращенія съ пассажирами. спустилъ съ голета единственную бывшую въ его распоряженіи лодку, велѣлъ усадить въ нее всѣхъ пассажировъ, снабдилъ ихъ провизіей и, подаривъ имъ лодку, разрѣшилъ ѣхать куда угодно.

Прибывъ въ Мальдонато, гдѣ былъ принятъ очень дружелюбно, Гарибальди отправилъ Россети продать часть кофе, захваченнаго вмѣстѣ съ голетомъ. Вскорѣ оказалось, что Орибъ, начальникъ республики Монтевидео, приказалъ правителю города Мальдонато арестовать корсаровъ. Правитель, не исполняя приказанія, посовѣтовалъ однако Гарибальди какъ можно скорѣе оставить городъ. Но Гарибальди нуждался въ деньгахъ для своей команды и рѣшилъ, что не выйдетъ изъ гавани, пока не разсчитается съ однимъ купцомъ, взявшимъ у него въ кредитъ нѣсколько мѣшковъ кофе, за которые не хотѣлъ теперь платить. Несмотря на крайнюю опасность быть арестованнымъ, онъ отправился около девяти часовъ вечера въ квартиру купца, захвативъ съ собою пару пистолетовъ. Купецъ только что вышелъ на крыльцо полюбоваться прелестнымъ вечеромъ. Увидѣвъ издали фигуру Гарибальди, онъ сталъ показывать знаками, что ему слѣ-

дуетъ удалиться какъ можно скорѣе. Но Гарибальди сдѣлалъ видъ, что ничего не понимаетъ и, подойдя къ купцу, въ упоръ приставилъ ему къ горлу пистолетъ. «Подавай деньги»! воскликнулъ онъ и замѣтивъ, что купецъ собирается вступить въ объясненіе, три раза повторилъ ему свое требованіе. Тонъ видимо былъ столь внушителенъ, что купецъ немедленно отсчиталъ требуемую сумму; въ одиннадцать часовъ вечера «Скоропилья» уже неслся по направленію къ Ла-Платѣ.

Путешествіе сопровождалось нѣкоторыми непріятными приключеніями, которыя однако обошлись въ концѣ концовъ благополучно. Однажды, въ то время, когда на суднѣ чувствовался сильный недостатокъ въ провизіи, Гарибальди замѣтилъ на материкѣ домъ, имѣвшій видъ фермы. Онъ приказалъ идти къ берегу и стать на якорь. Но на бѣду на голетѣ не было шлюпки. Не долго думая, Гарибальди привязалъ къ четыремъ ножкамъ обѣденнаго стола по бочкѣ, въ срединѣ вбилъ колъ, за который можно было бы держаться и, вооружившись багромъ, отправился съ однимъ изъ матросовъ искать счастья въ видѣ провизіи на предполагаемой фермѣ. «Качаясь и танцуя, какъ какіе-нибудь фигляры, пишетъ онъ,—мы начали пробираться на берегъ, ежеминутно рискуя опрокинуться въ воду». Благополучно достигнувъ материка, радушно принятый на фермѣ, гдѣ нашелъ среди дикой, пустынной мѣстности хозяйку, цитировавшую наизусть Данте и Петрарку, Гарибальди провелъ ночь на берегу. Съ наступленіемъ утра пассажиры оригинальнаго судна пустились въ обратный путь, привязавъ къ колу цѣлаго быка, разрѣзаннаго на части, запасшись слѣдовательно достаточнымъ количествомъ провизіи, но лишившись послѣдней опоры на своей плавучей платформѣ. Опасность усиливалась еще тѣмъ, что приходилось пройти линію буруновъ, окаймляющихъ берегъ въ этихъ мѣстахъ и кромѣ того плыть по поясъ въ водѣ, благодаря взятому грузу. Но не было опасности, которую не презрѣлъ бы Гарибальди; и въ этомъ случаѣ, какъ и въ большинствѣ другихъ, дѣло окончилось благополучно.

Черезъ нѣсколько дней Гарибальди пришлось выдержать первое сраженіе съ двумя судами, пустившимися за нимъ въ погоню. Замѣтивъ въ пылу битвы, что рулевой убитъ, онъ бросился къ рулю, но тутъ же упалъ раненый пулей между виской и ухомъ. Сраженіе кончилось безъ его участія и завершилось бѣгствомъ непріятеля. «Скоропилья» поплылъ дальше. Втеченіе 19 дней

пришлось обходиться безъ помощи врача. Рана Гарибальди была мучительна, глотаніе затруднено; сильная лихорадка изнуряла больного. Въ эти трудныя минуты, находясь между жизнью и смертью, Гарибальди былъ окруженъ нѣжной заботливостью друга своего, Людовика Корнилія, который довезъ его до Галегая. Здѣсь, благодаря рекомендательнымъ письмамъ, даннымъ ему однимъ знакомымъ капитаномъ, Корнилій сдалъ своего больного домашнему врачу губернатора провинціи Ріо. Пуля была вынута очень удачно. Гарибальди сталъ поправляться, но когда выздоровѣлъ, то узналъ, что числится арестантомъ. Участь его зависѣла отъ Розаса, диктатора Буэносъ-Айреса, который пока еще ничего не рѣшалъ.

Гарибальди было позволено дѣлать прогулки; ему выдавался ежедневно одинъ экю на содержаніе взамѣнъ конфискованнаго у него голета; съ нимъ обходились вообще очень милостиво. Хотя прогулки его были ограничены опредѣленнымъ райономъ, за предѣлы котораго онъ не имѣлъ права переступать, однако надзоръ за нимъ былъ слабъ; правительство видимо тяготилось дорогостоющимъ арестантомъ и открывало ему дорогу къ бѣгству. Но и помимо дѣланныхъ ему довольно ясныхъ намековъ, онъ самъ давно рѣшилъ бѣжать. Благодаря содѣйствію добрыхъ людей, которыхъ Гарибальди имѣлъ особенное счастье всегда встрѣчать въ затруднительныхъ случаяхъ, бѣгство удалось. Онъ былъ уже далеко отъ города, когда остановившись однажды для отдыха, внезапно увидѣлъ себя окруженнымъ отрядомъ вооруженныхъ всадниковъ. Со связанными за спиною руками, съ ногами, привязанными къ подпругѣ лошади, Гарибальди былъ привезенъ обратно въ Галегай. За отсутствіемъ въ городѣ губернатора, Наскаля Этага, хорошо расположеннаго къ Гарибальди, должность его исправлялъ нѣкто Леонардо Милланъ. Къ нему-то привели связаннаго бѣглеца. Милланъ потребовалъ именъ участниковъ побѣга. Гарибальди упорно отрицалъ участіе въ немъ кого-бы то ни было. Тогда, шепнувъ провожатымъ нѣсколько словъ, Милланъ велѣлъ отвести арестанта въ тюрьму. «Никто не упрекнетъ меня въ томъ, чтобы я слишкомъ нѣжилъ себя, говоритъ Гарибальди въ своихъ мемуарахъ, — и что же — признаюсь, дрожь пробѣгаетъ по моему тѣлу всякій разъ, когда я вспомню объ этомъ обстоятельствѣ моей жизни». По прибытіи въ тюремную камеру, стражи, не развязывая рукъ узника за спиной, привязали у самыхъ кистей конецъ длинной веревки, перебросили черезъ бревно другой ея конецъ и, потянувъ веревку

къ себѣ, подняли его отъ земли на четыре или пять футовъ. «Послѣ этого, говоритъ Гарибальди, донъ Леонардо Миланъ вошелъ въ мою тюрьму и спросилъ, хочу ли я сдѣлать показаніе. Я могъ только плюнуть ему въ лицо и не отказалъ себѣ въ этомъ удовольствіи». Миланъ приказалъ продержать узника въ такомъ положеніи, пока послѣдній не признается. Тѣло несчастнаго горѣло, какъ раскаленные уголья; ежеминутно онъ просилъ пить; стража не отказывала ему въ водѣ, но жажда была неутолима. Наконецъ послѣ двухъ часовъ нестерпимыхъ мукъ стражи сжалились и спустили Гарибальди на землю, считая его умершимъ. Представляя изъ себя неподвижную массу, похожую скорѣе на трупъ, нежели на живого человѣка, Гарибальди былъ закованъ въ кандалы и отправленъ за пятьдесятъ миль въ другую тюрьму. Все это разстояніе прошелъ онъ пѣшкомъ по болотистымъ мѣстамъ со скованными ногами и руками, причемъ москиты искусали ему все тѣло.

По приходѣ въ тюрьму онъ былъ посаженъ вмѣстѣ съ однимъ убійцей. Одна добрая женщина госпожа Аллеманъ взяла на свое попеченіе умирающаго Гарибальди и снабжала его въ тюрьмѣ всѣмъ необходимымъ. Какъ только вернулись къ нему силы, онъ былъ отправленъ въ другую тюрьму и затѣмъ отпущенъ на свободу губернаторомъ. Впослѣдствіи тотъ же Леонардо Миланъ былъ взятъ въ плѣнъ отрядомъ Гарибальди; послѣдній не захотѣлъ видѣть его, желая избѣжать соблазна совершить поступокъ, который считалъ бы недостойнымъ себя. Очутившись на свободѣ, Гарибальди отправился въ дальнѣйшій путь вверхъ по рѣкѣ. Заѣхавъ по дорогѣ въ Монтевидео, онъ встрѣтился тамъ съ многими друзьями и между прочимъ съ Кунео, тѣмъ самымъ мадзинистомъ, который нѣсколько лѣтъ тому назадъ такъ плѣнилъ его своею рѣчью въ маленькомъ трактирѣ въ Таганрогѣ. У одного изъ этихъ друзей онъ втеченіе мѣсяца скрывался отъ преслѣдованія властей и затѣмъ отправился съ Россети въ Ипратинень, тогдашнее мѣстопребываніе республиканскаго правительства Ріо-Гранде.

Столица провинціи —Порто Алегръ—находилась во власти имперцевъ. За отсутствіемъ президента Бенто-Гонзалеса, находившагося тогда въ походѣ, Гарибальди былъ представленъ министру финансовъ, который разрѣшилъ ему примкнуть къ дѣйствующей арміи.

Съ этихъ поръ Гарибальди дѣлается героемъ длиннаго ряда

легендарныхъ подвиговъ, слава о которыхъ переносится за предѣлы океана и достигаетъ его родины. Перечисленіе всѣхъ этихъ подвиговъ требовало бы цѣлой книги; мы ограничимся въ своемъ разсказѣ лишь самыми выдающимися и характерными.

Вскорѣ послѣ прибытія Гарибальди въ армію Бенто-Гонзалеса ему было поручено вооруженіе двухъ ланціонъ, строившихся на рѣчкѣ Комакуа, предназначенныхъ для разъѣздовъ по озеру Лосъ-Патосъ. Эти небольшіе, легкіе на ходу, неглубокосидящіе шлюпы, крейсируя по озеру, сильно безпокоили большіе имперскіе суда. Встрѣчая на каждомъ шагу препятствія въ видѣ многочисленныхъ мелей и рифовъ, послѣдніе часто лишались возможности преслѣдовать врага.

По рѣкѣ Комакуа, гдѣ строились шлюпы, простирались громадныя земли, принадлежавшія братьямъ Бенто-Гонзалеса и его родственникамъ. Въ этихъ богатыхъ имѣніяхъ Гарибальди и его товарищи встрѣчали радушный пріемъ. Однажды, высадившись у фермы, принадлежавшей сестрѣ президента, и вытащивъ на берегъ суда, весь экипажъ расположился у сарая. Окончивъ завтракъ, команда разбрелась на работы въ разныя стороны. У сарая оставался одинъ Гарибальди съ поваромъ. Всѣ шестьдесятъ ружей по числу людей въ экипажѣ были составлены въ сараѣ. Никто не подозрѣвалъ, что въ пяти-шести шагахъ отъ сарая, въ лѣсу, скрылся съ ста пятидесятью австрійцами полковникъ Абреку, прозванный за хитрость *хитрецой*. Вдругъ къ великому своему удивленію Гарибальди слышитъ за собой выстрѣлъ и оглянувшись видитъ несущуюся къ нимъ галопомъ кавалерію. Однимъ прыжкомъ Гарибальди очутился въ сараѣ; за нимъ послѣдовалъ поваръ. Но непріятель былъ такъ близко, что въ то мгновеніе, когда Гарибальди переступилъ черезъ порогъ сарая, плащъ его былъ проткнутъ ударомъ пики. Онъ схватилъ одно изъ ружей, стоявшихъ въ козлахъ, выстрѣлилъ въ непріятеля, затѣмъ схватилъ другое, третье и т. д. Ни одинъ выстрѣлъ не пропадалъ даромъ. Между тѣмъ поваръ заряжалъ и подавалъ ружья. Если бы непріятелю пришло въ голову ворваться въ сарай, дѣло кончилось бы сразу; но полковникъ воображалъ, что здѣсь заперся весь экипажъ и вслѣдствіе этого предположенія отступилъ нѣсколько, продолжая стрѣлять. Тутъ скрытые облакомъ дыма сбѣжались одинъ за другимъ многіе товарищи Гарибальди. Пять часовъ продолжалась осада, сопровождаемая непрерывной пальбою. Австрійцы брали сарай приступомъ; они

взѣзали на крышу, стараясь такимъ образомъ пробраться внутрь, но тутъ же, пораженные пулями осажденныхъ, проваливались въ ими же самими продѣланныя отверстія. Наконецъ, получивъ опасную рану въ руку, полковникъ отступилъ. Гарибальди имѣлъ право торжествовать: онъ перехитрилъ «куницу».

Вскорѣ была назначена экспедиція въ провинцію Санта-Катарина. Приглашенный принять участіе, Гарибальди поступилъ подъ начальство генерала Канаваро. Двумъ новымъ, только-что построеннымъ шлюпамъ предстояло выйти въ море. Но по несчастью выходомъ изъ озера владѣли имперцы. Чтобы обойти это препятствіе, Гарибальди, для котораго не существовало слово *невозможно*, придумалъ комбинацію, удивительную по своей смѣлости.

Планъ его былъ въ точности выполненъ и оба судна вышли въ океанъ, всегда бурный и непривѣтливый въ этихъ краяхъ по причинѣ буруновъ, свирѣпствующихъ вдоль берега.

На суднѣ «Pio-Пардо . которымъ командовалъ Гарибальди, было 30 человѣкъ экипажа; судно пришлось сильно нагрузить. Между тѣмъ уже съ вечера, когда выходили въ море, съ страшною силою дулъ южный вѣтеръ, сгущая массу облаковъ. Чрезмѣрно нагруженное судно часто совершенно покрывалось волнами. Къ тремъ часамъ слѣдующаго дня вѣтеръ достигъ наибольшей силы. Внезапно набѣжавшая волна опрокинула корабль совершенно на бокъ. Гарибальди, сброшенный съ высоты фокъ-мачты, забылъ о собственной безопасности и, какъ искусный пловецъ, сталъ собирать разные плавучіе предметы, подавая ихъ товарищамъ. Тутъ онъ замѣтилъ, что на Людовикѣ Корнильи была толстая суконная куртка, въ которой онъ не могъ плыть. Гарибальди поспѣшно досталъ свой ножъ и разрѣзалъ ее на спинѣ; оставалось только стащить ее съ товарища. Въ эту минуту налетѣвшая волна навсегда разлучила ихъ и Корнилья, ближайшій другъ Гарибальди, больше не появлялся. Другой другъ его Эдуардъ Мутру какъ ключъ пошелъ ко дну въ ту самую минуту, когда Гарибальди протягивалъ ему руку, чтобы спасти его. Обезумѣвъ отъ горя, поплылъ Гарибальди къ берегу. «Міръ казался мнѣ пустыней, пишетъ онъ, я сѣлъ на морскомъ берегу, опустилъ голову и плакалъ». Изъ тридцати человѣкъ утонуло шестнадцать, и между ними всѣ итальянцы. Жалобный стонъ заставилъ несчастнаго очнуться: оставшіеся въ живыхъ напоминали о себѣ. Они окоченѣли отъ холода и многіе изъ нихъ ле-

жали, похожіе на трупы. Забывъ на время свое горе, Гарибальди занялся ихъ оживленіемъ. Съ великими усиліями поднявъ на ноги наиболѣе слабыхъ, онъ всѣхъ заставилъ бѣгать втеченіе цѣлаго часа. Эта гимнастика возвратила имъ гибкость членовъ, и они могли отправиться на сосѣднюю ферму, гдѣ жители оказали имъ гостепріимство. Крушеніе произошло у берега провинціи Св. Екатерины. Вскорѣ Гарибальди присоединился къ авангарду республиканской арміи и получилъ командованіе голетомъ для плаванія по озеру Св. Екатерины.

Отсутствіе погибшихъ друзей тяжело отзывалось на настроеніи Гарибальди; ему казалось, что онъ остался одинъ въ мірѣ. Гнетущее чувство одиночества овладѣло всѣмъ его существомъ и дало новое направленіе его мыслямъ. До сихъ поръ вопросы личной жизни не существовали для него; если у него было дѣло, отвѣчавшее его запросамъ, онъ былъ доволенъ и не искалъ другого счастья. Но разъ мысль его приняла извѣстное теченіе, она должна была привести его къ естественному заключенію. Гарибальди рѣшилъ, что выходомъ изъ тяжелаго его состоянія можетъ послужить только женитьба. До тѣхъ поръ онъ не допускалъ мысли о женитьбѣ; ему казалось, что для человѣка съ его задачами семейная жизнь неосуществима, и онъ былъ по своему правъ. Но умозаключенія людей счастливыхъ часто имѣютъ мало общаго съ логикой обездоленныхъ; Гарибальди, вышедшій изъ озера Трамандан, и Гарибальди, потерпѣвшій крушеніе, были разные люди и должны были думать различно. Съ этою мыслью о женитьбѣ, которая теперь не оставляла его, онъ обращалъ свои взоры на берегъ. Небольшая гора, на которой находилась ферма, была въ сосѣдствѣ, и онъ съ палубы своего судна видѣлъ красивыхъ молодыхъ дѣвушекъ, занимавшихся различными домашними работами. Особенно привлекала его вниманіе одна изъ нихъ,—смуглая какъ креолка, съ правильнымъ строгимъ лицомъ, съ огненными глазами и чудными, черными какъ смоль волосами. Получивъ приказаніе сойти на берегъ, Гарибальди немедленно отправился въ домъ, такъ долго приковывавшій его взоры. Съ бьющимся отъ волненія сердцемъ, но съ твердымъ намѣреніемъ достигнуть своей цѣли, онъ пошелъ къ дому. Какой-то человѣкъ пригласилъ его войти. «Впрочемъ, говоритъ Гарибальди,—я бы вошелъ, если бы даже онъ меня и не пригласилъ». Въ домѣ онъ увидѣлъ молодую дѣвушку, подошелъ къ ней и сказалъ: «Дѣва, ты будешь моею женой». Въ тотъ же вечеръ Анита оставила родительскій

домъ и навсегда связала судьбу свою съ судьбою Гарибальди. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ свободной любви они были обвѣнчаны.

Вскорѣ послѣ женитьбы Гарибальди по приказанію генерала Канаваро былъ отправленъ въ море съ тремя вооруженными судами для нападенія на имперскіе суда, крейсировавшія около береговъ. Здѣсь имъ было взято нѣсколько непріятельскихъ кораблей и пришлось выдержать не одно морское сраженіе. Анита все время неотлучно находилась при мужѣ, несмотря на его просьбы не сопровождать его. Особенной опасности подвергалась она въ одномъ сраженіи, когда пришлось выдержать нападеніе трехъ непріятельскихъ кораблей. Сраженіе происходило на такомъ близкомъ разстояніи, что можно было дѣйствовать карабинами. На голетѣ Гарибальди вся палуба была покрыта трупами. Но хотя бокъ судна и былъ избитъ ядрами, а снасти сильно повреждены, однако экипажъ рѣшилъ, что лучше умереть всѣмъ, нежели сдаться. Съ карабиномъ въ рукахъ Анита принимала участіе въ битвѣ и видомъ своимъ ободряла сражающихся. Вдругъ произошло нѣчто ужасное: пушечное ядро повалило ее вмѣстѣ съ нѣсколькими изъ людей, сражавшихся возлѣ. Двое изъ нихъ были убиты, но Анита была невредима. Она немедленно вскочила, готовая сражаться снова. Просьбы напуганнаго Гарибальди спуститься въ люкъ не могли убѣдить ее.—«Я сойду, сказала она, но только для того, чтобы выгнать оттуда трусовъ, которые тамъ прячутся». Она сошла и вскорѣ возвратилась, толкая передъ собой двухъ или трехъ матросовъ, пристыженныхъ тѣмъ, что оказались трусливѣе женщины.

Возвратившись въ озеро, Гарибальди засталъ тамъ печальныя событія. Жители возмутились противъ республиканцевъ и готовы были примкнуть къ имперцамъ; между тѣмъ со всѣхъ сторонъ въ громадномъ количествѣ надвигался непріятель. Но усмиреніи мятежа рѣшено было начать отступленіе. Нужно было перевезти всю дивизію на противуположный берегъ озера. Пока всѣ были заняты перевозкою багажа, за которымъ должны были слѣдовать войска, въ озеро вступила непріятельская флотилія. Сраженіе закипѣло съ невѣроятной яростью. Скоро изъ шести офицеровъ остался въ живыхъ одинъ Гарибальди. Когда были сбиты всѣ орудія, сраженіе продолжалось на карабинахъ. Все это время Анита стояла на самомъ опасномъ мѣстѣ, стыдясь наклониться, какъ дѣлаетъ самый храбрый солдатъ въ то время, какъ къ непріятельскому орудію прикладываютъ фитиль. Когда

же оказалось, что противъ непріятеля держаться невозможно, а подкрѣпленія ждать неоткуда, Гарибальди рѣшилъ зажечь свои корабли, предварительно переправивъ на берегъ орудія и боевые снаряды. Въ то время какъ онъ дѣлалъ осмотръ убитымъ и раненымъ, оставляя на каждомъ суднѣ огонь въ томъ мѣстѣ, гдѣ оно легче всего могло загорѣться,—все это подъ огнемъ непріятеля—Анита, за недостаткомъ офицера, распоряжалась перевозкою снарядовъ, причемъ отвозя оружіе на берегъ и возвращаясь опять на судно, совершила около двадцати поѣздокъ, постоянно подъ непріятельскимъ огнемъ. Она находилась на небольшой лодкѣ съ двумя гребцами. Въ то время, какъ они нагибались, сколько могли, чтобы избѣжать пуль и ядеръ, храбрая женщина стояла на кормѣ среди летающей смертоносной картечи, держалась прямо, спокойно и гордо, какъ статуя Паллады.

Отступленіе продолжалось. Отъ времени до времени происходили болѣе или менѣе серьезныя встрѣчи съ непріятелемъ. Въ этихъ стычкахъ Анита попеременно то являлась на лошади среди адской пальбы, то служила «Провидѣніемъ» для раненыхъ, которыхъ перевязывала за неимѣніемъ въ отрядѣ хирурга. Тяжело было это отступленіе: дороги не было, нужно было прокладывать ее черезъ непроходимыя заросли высокихъ тростниковъ, питаться приходилось одними кореньями растеній. Многіе въ отчаяніи бѣжали изъ отряда. Только по прошествіи пяти дней найдена была такъ называемая ресада, т. е. тропинка шириною въ одного, рѣдко въ два человѣка, и удалось добыть для продовольствія отряда двухъ быковъ. Теперь было легче пробираться къ Лажамъ. Все это время Аниты не было въ отрядѣ. Во время послѣдняго сраженія, не довольствуясь ролью свидѣтельницы, она безпрерывно хлопотала о подвозѣ пороха и патроновъ, въ которыхъ могъ оказаться недостатокъ. Когда она стала приближаться съ пороховыми ящиками къ главному пункту сраженія, ее окружили человѣкъ двадцать непріятельскихъ кавалеристовъ.

Тогда, пришпоривъ лошадь, она прорвалась сквозь толпу непріятелей. Пуля, пробивъ ея шляпу, вырвала часть волосъ, нисколько однако не задѣвъ черепа. Анита могла бы спастись, если бы другая пуля не убила подъ нею лошади. Принужденная сдаться, она была представлена полковнику. Въ присутствіи всего непріятельскаго штаба, изумленнаго ея мужествомъ, героиня съ презрѣніемъ и гордостью возразила на нѣкоторыя слова, которыя показались ей выраженіемъ презрительной ненависти къ рес-

публиканцамъ, и также упорно отбивалась словами, какъ и оружіемъ. Думая, что Гарибальди убитъ, Анита согласно своей просьбѣ получила позволеніе идти на поле битвы отыскать трупъ мужа среди множества другихъ. Долго ходила она одна по окровавленному полю, поворачивая и раздвигая ногами труны тѣхъ, которые лежали лицомъ къ землѣ и въ которыхъ по платью или по виду находила нѣкоторое сходство съ Гарибальди. Не найдя дорогого труна, она рѣшила бѣжать. Въ то время какъ непріятель веселой попойкой праздновалъ свою побѣду въ селѣ, сосѣднемъ съ полемъ битвы, она пробралась въ домъ, смежный съ тѣмъ, гдѣ содержалась плѣнницей. Здѣсь одна добрая женщина, принявшая въ ней участіе, снабдила ее лошадью, и Анита исчезла въ лѣсу, гдѣ скрылся отрядъ ея мужа. Здѣсь кромѣ всевозможныхъ лишеній, о которыхъ было сказано выше, Анитѣ угрожала на каждомъ шагу встрѣча съ окрестными жителями. Враждебно настроенные противъ республиканцевъ, они нападали на послѣднихъ вооруженной толпою въ наиболѣе непроходимыхъ мѣстахъ. По видъ этой женщины, стрѣлою несущейся на своемъ конѣ черезъ лѣсъ и скалы въ бурную ночь при яркомъ свѣтѣ молніи, при оглушительныхъ раскатахъ грома, наводилъ на всѣхъ суевѣрный трепетъ. Четыре кавалериста, поставленные у переправы черезъ рѣчку Кову, бросились бѣжать при видѣ этого привидѣнія, показавшагося изъ-за кустовъ на противуположномъ берегу. Горный потокъ, благодаря сильнымъ дождямъ и вѣтру, обратился въ большую рѣку. Но ничто не могло устрашить Аниту; она бросилась вплавь и, держась за гриву лошади, ободряя ее своимъ голосомъ, благополучно перебралась на другую сторону. Только въ Лаккахъ присоединилась она къ мужу. Можно себѣ представить, каково было свиданіе.

Послѣ неудачной осады одной крѣпостцы Гарибальди поселился на фермѣ Сенъ-Симонъ, оставленной своими владѣльцами. Здѣсь, именно въ хижинѣ бѣдной индѣйской семьи, родился Менотти, первый ребенокъ Гарибальди. Рожденіе его было чудомъ послѣ всѣхъ опасностей и лишеній, которымъ подвергалась его мать. Менотти родился съ рубцомъ на головѣ вслѣдствіе паденія Аниты съ лошади во время беременности. Такъ какъ для ребенка и больной нужны были многіе предметы, которыхъ нельзя было достать въ Сенъ-Симонѣ, то Гарибальди отправился за ними въ сосѣдній городокъ. Возвратившись черезъ нѣсколько дней, онъ не нашелъ ни Аниты, ни ребенка, ни индѣйской семьи, прію-

тившей ихъ. Оказалось, что въ его отсутствіе непріятель сдѣлалъ нападеніе на стоявшій вблизи республиканскій отрядъ. Анита на двѣнадцатый день послѣ родовъ въ страшную бурю, полунагая, слабая, безпомощная сѣла на лошадь, взявъ съ собою ребенка, и скрылась въ лѣсу. Тамъ нашелъ ихъ Гарибальди.

Между тѣмъ положеніе республиканской арміи становилось хуже со дня на день. Пѣхота была истреблена; недостатокъ во всемъ необходимомъ вызвалъ повальное дезертирство; въ народѣ прежній энтузіазмъ замѣнился утомленіемъ. Имперцы, видя состояніе непріятеля, предложили условія перемирія, но условія эти были отвергнуты республиканцами. Тѣмъ не менѣе въ виду общаго утомленія рѣшено было отступить. Въ самомъ началѣ отступленія Гарибальди потерялъ своего друга Россети, который, попавъ въ плѣнъ къ непріятелю, лишилъ себя жизни.

Отступленіе, начатое въ зимнее время, было ужасно. Приходилось пробираться черезъ гористую мѣстность подъ непрерывными дождями. Женщины и дѣти, послѣдовавшія за отрядомъ, страдали неимовѣрно. Анита трепетала за своего Менотти. Въ мѣстахъ, наиболѣе опасныхъ, и при переходахъ черезъ рѣки Гарибальди закутывалъ трехмѣсячнаго мальчика въ платокъ и привязывалъ его къ шеѣ, стараясь дыханіемъ согрѣть его маленькое тѣльце. Лошади за исключеніемъ только двухъ пали. Девять дней продолжалось это ужасное странствованіе, послѣ котораго отрядъ пришелъ наконецъ въ городъ Санъ-Габріэль, гдѣ была назначена главная квартира. Въ это время Гарибальди задумалъ оставить отрядъ. Шесть лѣтъ прослужилъ онъ въ республикѣ Ріо-Гранде и къ концу почувствовалъ утомленіе. Постоянный страхъ за семью, такъ много терпѣвшую въ походахъ, желаніе находиться въ такой мѣстности, гдѣ до него могли бы доходить вѣсти объ Италіи и родныхъ его, вызвали у него рѣшеніе поселиться въ Монтевидео. Онъ просилъ у президента отпуска и вмѣстѣ съ тѣмъ позволенія завести небольшое стадо быковъ; продавая ихъ поодиночкѣ, онъ думалъ покрывать издержки во время дороги. Съ разрѣшенія министра финансовъ Гарибальди втеченіе двадцати дней собралъ около 900 штукъ рогатаго скота и такимъ образомъ сдѣлался *трутверомъ* (быковожатымъ). Но трудности, встрѣчаемыя въ дорогѣ, и незнакомство съ новымъ ремесломъ заставили его отказаться отъ этого предпріятія. Онъ убилъ всѣхъ быковъ, снялъ съ нихъ шкуры и, продавъ ихъ, получилъ сумму вполнѣ достаточную для покупки всего необходи-

мало для семьи. Прибывъ въ Монтевидео, Гарибальди остановился у одного изъ своихъ друзей, которыхъ у него было здѣсь много и которые особенно тепло отнеслись къ нему. Не желая однако быть имъ въ тягость, онъ занялся торговлей, разносилъ всякого рода товары и торговалъ всѣмъ, начиная отъ итальянскаго тѣста и кончая руанскими матеріями. Затѣмъ, оставивъ торговлю, Гарибальди сдѣлался учителемъ математики.

Въ это время ріо-грандскій вопросъ сталъ разрѣшаться побѣдою имперцевъ и для Гарибальди не оставалось никакого дѣла въ Ріо-Гранде. Республика Монтевидео, или Уругвайская, зная, что онъ свободенъ, предложила ему командованіе корветомъ «Конституція» и вмѣстѣ съ тѣмъ участіе въ войнѣ, которую она вела съ диктаторомъ Буэносъ-Айреса.

Въ 1816 г. земли, лежащія по рѣкѣ Ла-Плата, провозгласили свою полную независимость отъ испанской короны, владѣвшей ими втеченіе трехъ столѣтій, и образовали соединенные штаты Ріо-де-Ла-Плата. Но независимость не дала спокойствія штатамъ, втеченіе многихъ лѣтъ они продолжали быть жертвою борьбы различныхъ партій. Въ 1828 году выдвинулись партіи унитаріевъ и федералистовъ. Первые требовали твердаго центральнаго правительства, отвѣтственнаго передъ народомъ и общаго всѣмъ провинціямъ главу. Федералисты провозглашали независимость отдѣльныхъ штатовъ и хотѣли общаго главу только для внѣшнихъ дѣлъ и для обороны страны. Предводителемъ послѣднихъ былъ Розасъ. Побѣдивъ своихъ противниковъ, онъ сталъ неограниченнымъ диктаторомъ Буэносъ-Айреса, а затѣмъ и всей Аргентинской республики. Преслѣдуемые его нечеловѣческими жестокостями, члены какъ той, такъ и другой партіи стали искать убѣжища въ республикѣ Монтевидео. Послѣдняя, оказывая имъ гостепріимство, навлекла на себя ненависть Розаса. Всегда вѣрный себѣ, Гарибальди примкнулъ къ слабѣйшимъ.

Оставивъ малоинтересныя для него занятія, онъ не замедлилъ поступить на службу въ республику Монтевидео.

Видя бѣдствія страны, Гарибальди обратился къ своимъ согражданамъ, которыхъ въ Монтевидео было много, убѣждая ихъ составить легіонъ и сражаться за тѣхъ, которые оказали имъ гостепріимство. Кромѣ итальянскаго образовались легіоны французскій и испанскій; но послѣдній вскорѣ перешелъ на сторону непріятеля.

Итальянскій легіонъ не получалъ жалованья отъ республики;

ему платили натурою, выдавая хлѣбъ, соль, масло, водку и т. д. Тѣмъ же пайкомъ, выдаваемымъ солдатамъ, довольствовался и начальникъ легіона—Гарибальди, никогда не бравшій денегъ отъ республики.

Мы не станемъ описывать всѣхъ сраженій, въ которыхъ отличился итальянскій легіонъ. Высоко цѣня его заслуги, правительство Монтевидео наградило его отдѣльнымъ знаменемъ.

Подвиги итальянскаго легіона покрыли его громкою славою. 30-го января 1845 г. генералъ Ривера, восхищенный храбростью и стойкостью легіонеровъ, написалъ Гарибальди письмо, въ которомъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ высказывалъ свое удивленіе и глубокое уваженіе къ заслугамъ его товарищей и предлагалъ ему въ подарокъ «за важныя услуги, оказанныя республикѣ», земли, на которыя посылалъ дарственную запись. Впослѣдствіи оказалось, что земли эти были ничто иное, какъ родовое имѣніе самого Риверы. На это письмо Гарибальди отвѣтилъ отъ имени всего легіона, что они «брались за оружіе и предлагали свои услуги республикѣ не изъ корыстныхъ цѣлей, но исключительно съ тѣмъ, чтобы имѣть честь раздѣлить опасности съ жителями области, которая оказала имъ такое радушное гостепріимство». Письмо заключалось увѣреніемъ, что легіонеры и на будущее время готовы служить республикѣ безъ всякаго вознагражденія. При письмѣ возвращалась дарственная запись на земли.

Наконецъ 8-го февраля 1846 года произошло знаменитое сраженіе при Сальто-Санть-Антоніо, въ которомъ итальянскій легіонъ, снова оказавшій чудеса храбрости, одержалъ рѣшительную побѣду надъ непріятелемъ, несмотря на его численность. Это было послѣднее большое дѣло легіона въ республикѣ Монтевидео. Военный министръ, получивъ донесеніе объ этомъ сраженіи, издалъ приказъ по войскамъ, которымъ «для выраженія легіонерамъ высокаго уваженія арміи» назначался парадъ гарнизону. Затѣмъ всѣ корпуса вмѣстѣ должны были продефилировать церемоніальнымъ маршемъ мимо легіона и привѣтствовать его крикомъ: «Да здравствуетъ отечество! Да здравствуетъ генералъ Гарибальди и его храбрые товарищи!» Декретомъ постановлялось: 1) Что на знамени итальянскаго легіона должно быть написано золотыми буквами: «За сраженіе 8-го февраля 1846 года итальянскаго легіона подъ командою Гарибальди». 2) Что итальянскій легіонъ будетъ занимать первое мѣсто во всѣхъ

парадахъ. 3) Что имена убитыхъ въ этомъ сраженіи будутъ вырѣзаны на доскѣ въ залѣ правительственной комиссіи, 4) Что всѣ легіонеры будутъ носить на лѣвой рукѣ въ знакъ отличія щитъ, посреди котораго вокругъ изображенія коропы будетъ слѣдующая надпись: «Invincibili combatterono 8 febraio 1846 *).

Адмиралъ Лене, командовавшій флотиліей на Ла-Платѣ, былъ такъ восхищенъ подвигами республиканцевъ, что написалъ Гарибальди письмо, въ которомъ выражалъ ему свое удивленіе къ тому пониманію дѣла и той смѣлости, которыми отличались его распоряженія, содѣйствовавшія совершенію такихъ военныхъ подвиговъ, какими «возгордились бы даже солдаты великой арміи, считающейся первою въ Европѣ». Онъ восхищался также той простотою и скромностью, которыми отличалось донесеніе Гарибальди, говоря, что по его мнѣнію слава за всѣ подвиги должна быть въ сущности отнесена на долю одного вождя легіонеровъ.

Лене не удовольствовался отсылкою этого письма, онъ пожелалъ лично повидать Гарибальди. Пріѣхавъ съ этою цѣлью въ Монтевидео, онъ отправился прямо къ нему. Квартира, въ которой жилъ герой столькихъ побѣдъ, ничѣмъ не отличалась отъ помѣщенія самаго бѣднаго легіонера. День и ночь она была открыта для всѣхъ, но въ особенности, по выраженію самого хозяина, для дождя и вѣтра.

Пришедши поздно вечеромъ, Лене толкнулъ дверь, вошелъ въ комнату и такъ какъ въ ней было совершенно темно, споткнулся тутъ же на стулъ. «Однако, сказалъ онъ,—неужели нужно непремѣнно сломать себѣ шею, чтобы увидѣть Гарибальди!» Хозяинъ позвалъ жену, и изъ разговора, которымъ обмѣнялись супруги, Лене узналъ, что въ домѣ не было и двухъ грошей для покупки свѣчи. Вошедши адмиралъ долженъ былъ назвать свое имя, чтобы Гарибальди зналъ, съ кѣмъ говоритъ; до того было темно въ комнатѣ.—«Вы меня извините, адмиралъ, сказалъ хозяинъ,—я долженъ вамъ объяснить, что когда я заключалъ договоръ съ республикой Монтевидео, то забылъ включить свѣчи въ число прочихъ, слѣдующихъ мнѣ по уговору пришасовъ. Анита сказала, если вы слышали, что у насъ въ домѣ нѣтъ и двухъ грошей... поэтому мы и сидимъ въ потемкахъ. По счастью я догадываюсь, что вы, адмиралъ, пришли ко мнѣ не для того, чтобы смотрѣть

*) Непобѣдимымъ воинамъ 8 февраля 1846 года.

на меня, но чтобы поговорить со мною». Адмиралъ дѣйствительно разговаривалъ съ Гарибальди, но не видѣлъ его лица.

Разставшись съ вождемъ легіоперовъ, Лене отправился къ военному министру и разсказалъ ему о своемъ визитѣ у Гарибальди. Министръ отдалъ приказъ, о которомъ говорилось выше, и тутъ же въ присутствіи адмирала взялъ изъ своего бюро сто патагоновъ, которые послалъ Гарибальди. Послѣдній, не желая оскорблять министра, бывшаго съ нимъ въ дружескихъ отношеніяхъ, принялъ подарокъ, но на слѣдующій день рано утромъ отправился раздать эти деньги вдовамъ и сиротамъ солдатъ, убитыхъ въ сраженіи при Сальто-Сантъ-Антоніо. Для себя Гарибальди купилъ только фунтъ свѣчей, которыя отдалъ Анитѣ съ просьбою приберечь ихъ на случай, если адмиралъ посѣтитъ ихъ еще разъ.

Мы говорили уже, что итальянскій легіонъ не бралъ денегъ отъ республики Монтевидео, но жалованье свое получалъ натурою, причемъ вся плата ограничивалась выдачею пищевыхъ продуктовъ. Всѣ остальныя свои потребности, не исключая и обмундировки, легіонеры удовлетворяли, отыскивая себѣ заработокъ на сторонѣ. Большинство изъ нихъ въ свободное отъ военныхъ дѣйствій время занимались въ конторахъ своихъ соотечественниковъ-негоціантовъ, охотно принимавшихъ ихъ услуги. Гарибальди, подобно всѣмъ своимъ товарищамъ, не бралъ денегъ и довольствовался тѣмъ же солдатскимъ пайкомъ. Жилъ онъ болѣе чѣмъ скромно; пища его состояла изъ хлѣба и сыра и иногда супа, который варила ему Анита. Насколько онъ былъ бѣденъ, видно уже изъ только-что приведеннаго разсказа о визитѣ адмирала Лене, но еще болѣе яркою характеристикой домашней обстановки героя можетъ служить слѣдующій любопытный эпизодъ. Какъ-то разъ вернувшись домой, Гарибальди засталъ Аниту въ большомъ горѣ. «У насъ пропалъ кошелекъ съ деньгами», пожаловалась она. Но Гарибальди утѣшилъ жену: это онъ самъ захватилъ съ собой всѣ деньги, бывшія въ домѣ, чтобы купить игрушку для своей плакавшей дѣвочки, но встрѣтивъ человѣка, шедшаго къ нему по дѣлу, забылъ о своемъ намѣреніи. Дѣйствительно въ рукѣ своей онъ сжималъ три копѣйки. Это и была та сумма, о которой такъ тужила Анита.

Но при всей своей бѣдности Гарибальди имѣлъ способность всегда находить людей еще бѣднѣе себя. Однажды онъ встрѣтилъ легіонера, у котораго не было даже рубашки. Гарибальди отозвалъ его въ уголъ, снялъ свою рубашку и отдалъ ему. Вер-

нувшись домой, онъ спросилъ себѣ другую у Аниты. Но Анита печально сказала ему:

«Ты знаешь, что у тебя одна только рубашка; ты ее отдалъ... Тѣмъ хуже для тебя». Такимъ образомъ Гарибальди пришлось обходиться безъ рубашки до тѣхъ поръ, пока одинъ изъ его пріятелей не подарилъ ему дюжины новыхъ.

Не смотря на такую бѣдность, граничившую съ нищетой, Гарибальди поражалъ своимъ необыкновеннымъ безкорыстіемъ. Такъ напримѣръ, захвативъ однажды въ плѣнъ непріятельское судно, онъ раздѣлилъ добычу поровну между своими людьми, свою же часть отдалъ бѣднѣйшимъ. На суднѣ оказалась значительная сумма денегъ; Гарибальди не взялъ изъ нея ничего и цѣликомъ отослалъ ее въ монтевидейское казначейство.

ГЛАВА III.

Событія 1848 года.

Положеніе дѣлъ въ Италіи.—Изгнаніе австрійцевъ становится излюбленной мечтой всей націи.—Три главныя теченія въ общественной мысли Италіи.—Папа Пій IX и надежды, сопровождавшія его вступленіе на престолъ.—Письмо къ папѣ Гарибальди и Анзани.—Отъѣздъ въ Европу.—Поѣздка въ Ревербеллу.—Возвращеніе въ Италію. Событія въ Римѣ.—Гарибальди предлагаетъ свои услуги римской республикѣ.—Защита Рима.—Паденіе римской республики.—Переходъ черезъ Апенины.—Смерть Аниты.

Сражаясь на чужбинѣ, отстаивая чужую свободу, Гарибальди никогда не терялъ изъ виду своего отечества и своего народа. Въ самыя страшныя минуты, въ жестокихъ схваткахъ съ противникомъ, когда товарищи его, казалось, готовы были дрогнуть, однимъ напоминаніемъ: «дѣло идетъ о чести итальянскаго имени», онъ вызывалъ ихъ на новыя чудеса храбрости. Въ то-же время въ Италіи, на родинѣ, шла непрерывная работа, происходили событія, далеко подвинувшія ее на пути къ освобожденію. Помимо развитія и укрѣпленія въ обществѣ идеи независимости, переживавшей теперь новыя фазы, даже внѣшнія условія жизни страны способствовали ускоренію ея эмансипаціи. Можно сказать безошибочно, хотя на первый взглядъ это и звучитъ парадоксомъ, что самый характеръ и пріемы австрійской политики, всегда вѣрной себѣ въ подавленіи всякаго свободнаго движенія, служили благопріятнымъ условіемъ для дѣла итальянскихъ патріотовъ. Втеченіе тридцати лѣтъ Австрія руководилась принципомъ, что разъ она владѣетъ извѣстной областью въ Италіи, то въ силу этого владѣнія имѣетъ несомнѣнное право мѣшаться въ управленіе всего полуострова. Но теперь наступило время, когда это стало оспариваться и началъ падать кредитъ вѣнскаго правительства. Къ тому-же въ послѣднее время характерныя для австрійской политики неискренность и вѣроломство особенно ярко выступили въ обстоятельствахъ, сопро-

вождавшихъ подавленіе возстанія въ Папской области въ 1831 и 1832 гг. Созванная по усмиреніи перваго возстанія конференція въ Римѣ выработала планъ реформъ, который предполагалось предложить папѣ. Въ то время самъ Меттерних совмѣстно съ представителями другихъ державъ заявилъ о необходимости предполагаемыхъ реформъ. Тѣмъ не менѣе ни одна изъ реформъ не была приведена въ исполненіе, несмотря на то, что для введенія всѣхъ ихъ достаточно было одного требованія со стороны Австріи. Такой образъ дѣйствій, въ сущности традиціонный для австрійской политики въ дѣлахъ полуострова, возбудилъ всеобщее негодованіе, поддержанное и усиленное вліяніемъ господствовавшаго настроенія умовъ. Оружіе оказалось обоюдоострымъ; результатъ былъ болѣе печаленъ для притѣснителей, нежели для притѣсненныхъ. Хотя съ 1831 года Австрія *матеріально* болѣе чѣмъ когда-либо стала владычицей всего итальянскаго народа, за то *нравственно* она потеряла всякій престижъ, всякое довѣріе, всякое право на какое бы то ни было уваженіе. Для всѣхъ и каждаго стало ясно, что никакія реформы не могутъ быть введены ни въ Папской области, ни въ Неаполитанскомъ королевствѣ, пока Австрія владѣетъ Ломбардіей и Венеціей. Съ тѣхъ поръ изгнаніе чужеземцевъ составило излюбленную задачу не только тѣхъ, кто мечталъ о созданіи для итальянцевъ независимой, самостоятельной національной жизни, но и для тѣхъ, чьи запросы были гораздо уже и ограничивались скромнымъ желаніемъ уничтожить злоупотребленія и притѣсненія въ какой-либо отдѣльной области. Такимъ образомъ съ теченіемъ времени для серьезно мыслящихъ людей постепенно стало ясно, что первая, стоящая на очереди задача для Италіи заключается въ возможно скорѣйшемъ сверженіи австрійскаго ига. На этомъ убѣжденіи сходились всѣ партіи при всемъ разнообразіи дальнѣйшихъ подробностей въ своихъ программахъ.

Въ теченіи общественной мысли Италіи рѣзко обозначились къ этому времени три главныя направленія. Представителемъ одного изъ нихъ служилъ журналъ Мадзини «Молодая Италія». Мы уже говорили о задачахъ, которыя преслѣдовалъ основатель этого органа, мечтавшій о созданіи *итальянской республики*, свободной отъ козней духовенства и суевѣрій, обязанной только самой себѣ своею независимостью и упроченной подъ дѣйствіемъ равнаго для всѣхъ закона.

Идеи Мадзини быстро распространялись въ обществѣ. Со-

трудниками его журнала были талантливѣйшіе итальянскіе писатели: Джанноне, Руффини, Гверрацци, Сисмонди и др. Кромѣ того по всей странѣ расходились разныя сочиненія въ духѣ «Молодой Италіи», а въ Неаполѣ было организовано тайное общество съ программой Мадзини. Австрійская полиція зорко слѣдила за революціонными изданіями, но оказывалась безсильною удержать ихъ распространеніе. Въ донесеніи венеціанской полиціи за май 1844 г. значилось: «Въ Падуѣ распространилось сочиненіе на нѣмецкомъ языкѣ «Молодая Италія» и ему подобныя, цѣна на которыя вслѣдствіе запроса на нихъ поднялась до невѣроятности». Между прочимъ и самъ Меттерних крайне интересовался «Молодой Италіей» и выписывалъ нумера журнала черезъ своего агента въ Миланѣ. Благодаря шуму, производимому итальянской пропагандой въ связи съ общимъ духомъ времени, идея независимости и единства Италіи перестала быть достояніемъ однихъ итальянцевъ; прочія государства Европы не смотрѣли уже на нее какъ на химеру и признали ея raison d'être.

Несмотря однако на свою популярность, идеи Мадзини служили выраженіемъ только одного изъ трехъ главныхъ направленій, принятыхъ общественною мыслью Италіи. Среди уроженцевъ Пьемонта образовалась группа людей изъ военныхъ и политиковъ съ совершенно противуположными идеалами, возлагавшихъ всѣ свои надежды на армію и государя Пьемонта, какъ на единственно-надежную опору въ борьбѣ Италіи съ иноземцами. Представителемъ этой партіи былъ Карлъ-Альбертъ, король Пьемонтскій, непримиримый врагъ Мадзини, жестоко преслѣдовавшій агентовъ его программы. Апостоломъ этого направленія въ литературѣ былъ Чезаре Бальбо, въ своей «Speranza d'Italia» проповѣдывавшій союзъ противъ Австріи итальянскихъ королей съ королемъ Пьемонта во главѣ.

Наконецъ третье направленіе выразилось въ сочиненіяхъ поэта Джоберти. Въ своей книгѣ «Il Primato» онъ изображалъ новую, славную Италію, возрожденную не философскимъ республиканствомъ или мечомъ свѣтскаго государя, а нравственною силою реформированнаго и реформирующаго папства.

Осуществить идею Джоберти думалъ вступившій въ 1846 г. на папскій престолъ Пій IX—праздная фантазія со стороны человѣка, не обладавшаго ни умомъ, ни выдержкой, ни стойкостью, потребными для проведенія подобной роли. Въ 1846 г. умеръ оставившій по себѣ печальную память, благодаря своему дурному

управленію и жестокостямъ, папа Григорій XVI. Престолъ его занялъ Мастаи Феррети, подъ именемъ Пія IX. Съ избраніемъ его, казалось, должна была наступить новая свѣтлая эра въ исторіи Папской области. Первые дни его правленія ознаменовались объявленіемъ всеобщей амнистіи, двери тюремъ были открыты, учрежденъ былъ государственный совѣтъ, жителямъ всѣхъ провинцій разрѣшено было поступать во вновь учрежденную гражданскую гвардію. Эти реформы и ожиданіе еще цѣлаго ряда другихъ возбудили въ народѣ радужныя надежды и окружили личность новаго папы небывалымъ престижемъ. Всюду встрѣчаемый восторженными криками «evviva Pio Nono!» онъ видѣлъ одобреніе не только у себя дома, но и со стороны иностранныхъ государственныхъ людей, каковы Пальмерстонъ и Гизо. Слухи о новомъ, либеральномъ папѣ разнеслись по всей Европѣ, вызвали серьезныя опасенія со стороны Меттерниха и нагнали страхъ на прочихъ государей страны. Они достигли Монтевидео и дошли до Гарибальди.

Давно жаждавшій вернуться въ Италію и поработать для нея, Гарибальди съ другомъ своимъ Анзани написалъ письмо къ папскому нунцію, въ которомъ просилъ послѣдняго засвидѣтельствовать его святѣйшеству глубокое почтеніе и преданность отъ имени всего легіона и предлагалъ ему свои услуги въ борьбѣ съ австрійцами. Мы приведемъ изъ этого письма лишь небольшой отрывокъ:

«Если намъ суждено принять участіе въ дѣлѣ искупленія, взятомъ на себя Піемъ IX, писали Гарибальди и Анзани,—то мы готовы заплатить за эту честь цѣною нашей крови. Если Вы, высокочтимый синьоръ, находите, что предложеніе наше можетъ быть угодно его Святѣйшеству, то благоволите повергнуть оное къ подножію его престола. Не тщеславная увѣренность въ необходимости помощи нашей руководить нами; мы знаемъ, что престолъ Святого отца утвержденъ на основахъ столь прочныхъ, что никакія человѣческія усилія не могутъ ни поколебать, ни тѣмъ паче низвергнуть его. Къ тому же новый порядокъ вещей имѣетъ многихъ защитниковъ, которые съумѣютъ устранить всѣ несправедливыя нападки враговъ его. Пока же мы возсылаемъ Богу благодареніе за спасеніе его Святѣйшества отъ козней нечестивыхъ и горячо молимъ Провидѣніе о продленіи дней его на благо христіанства и Италіи».

Долго не получая отвѣта ни отъ папы, ни отъ нунція его, Гарибальди рѣшилъ, не ожидая долѣе, ѣхать въ Европу. Аниту съ двумя дѣтьми, Менотти и Терезитой, онъ отправилъ впередъ въ Ниццу къ своей матери; самому же ему предстояло добыть необходимую сумму для уплаты фрахта за судно, которое должно было отвезти его съ товарищами въ Италію. Дѣло это было нелегкое, и въ концѣ концовъ пришлось прибѣгнуть къ подпискѣ.

Многіе богатые негоціанты охотно вносили свои пожертвованія. Правительство Монтевидео, узнавъ о намѣреніи Гарибальди, предложило ему также свою посильную помощь. Но зная, насколько бѣдна казна республики, онъ ничего не захотѣлъ принять кромѣ двухъ пушекъ и восьмисотъ ружей, которыя и были перенесены на корабль. Сборы продолжались довольно долго: письмо къ нунціо было отправлено въ октябрѣ 1847 г., а выѣхалъ Гарибальди изъ Монтевидео только 27 марта 1848 г. Съ нимъ отправилось 56 человѣкъ легіонеровъ; многіе товарищи его не рѣшились послѣдовать за нимъ, боясь предстоявшихъ трудовъ и лишеній.

Въ Наоло, недалеко отъ Аликанте, Гарибальди случайно сошелъ на берегъ и здѣсь узналъ о недавнихъ событіяхъ. Въ это время вся Европа была охвачена волною политическихъ движеній: надъ Франціей разразилась февральская революція, Орлеанскій домъ былъ изгнанъ; въ Сициліи вспыхнуло возстаніе: король неаполитанскій былъ вынужденъ даровать конституцію; Карлъ-Альбертъ издалъ статутъ, установившій конституціонный порядокъ въ Піемонтѣ; въ Ломбардіи и Венеціи происходили волненія; государи Италіи, въ томъ числѣ и папа, замышляли общій союзъ противъ Австріи.

Водрузивъ трехцвѣтный флагъ на своемъ суднѣ, исполненный радостныхъ надеждъ, Гарибальди поспѣшилъ на родину. Надъ нимъ все еще тяготѣлъ приговоръ 1833 года, а потому по прибытіи въ Ниццу товарищи совѣтовали ему не сходить на берегъ безъ предварительныхъ рекогносцировокъ. Но не успѣлъ Гарибальди показаться на палубѣ, какъ стоявшіе на берегу моря узнали его. Мгновенно собралась на набережной толпа и радостными криками привѣтствовала его возвращеніе. Оставивъ въ Ниццѣ умирающаго Аизани, Гарибальди поспѣшилъ въ Ревербеллу, гдѣ находился въ то время Карлъ-Альбертъ. Послѣдній примкнулъ къ возставшимъ ломбардцамъ и объявилъ войну Австріи. Гарибальди ѣхалъ въ Ревербеллу съ цѣлью предложить свои услуги королю Піемонта; онъ помирился съ необходимостью сдѣлать временно нѣкоторыя поправки въ программѣ Мадзини: многолѣтній опытъ въ Америкѣ научилъ его терпѣнію. Но въ глазахъ Карла-Альберта Гарибальди былъ мадзинистъ и ничего болѣе, и этого было достаточно для отказа. Король посовѣтовалъ ему отправиться въ Туринъ и ждать тамъ приказаній отъ его министра. Военный министръ Риччи обошелся съ Гарибальди высокомѣрно и совѣтовалъ ему отправиться въ Венецію, гдѣ онъ могъ

быть полезенъ въ качествѣ корсара. Гарибальди не счелъ нужнымъ отвѣчать на подобное предложеніе и немедленно отправился въ Миланъ. Столица Ломбардіи только что выдержала съ успѣхомъ пятидневную борьбу съ двадцатитысячнымъ корпусомъ Радецкаго.

Временное правительство Милана дало Гарибальди титулъ генерала и уполномочило его образовать батальоны ломбардскихъ волонтеровъ. Кое-какъ обучивъ, обмундировавъ и вооруживъ своихъ волонтеровъ, Гарибальди двинулъ ихъ въ Бергамо. Въ это время армія Карла-Альберта уже испыта ia свои первыя неудачи. Въ Бергамо къ корпусу волонтеровъ присоединился Мадзини, встрѣченный общимъ взрывомъ радости, и поступилъ въ ряды его въ качествѣ знаменосца. Вскорѣ однако Гарибальди былъ снова отозванъ въ Миланъ: австрійцамъ удалось вторично занять городъ и жители его просили защиты. По дорогѣ въ Миланъ Гарибальди узналъ о капитуляціи города, на которую былъ вынужденъ согласиться Карлъ-Альбертъ. Видя, что въ Миланѣ дѣлать болѣе нечего, Гарибальди распустилъ прокламацію, въ которой называлъ короля Пьемонта «измѣнникомъ отечества» и объявилъ, что, не стѣсняясь никакими обязательствами, принятыми на себя королемъ Альбертомъ, намѣренъ вести партизанскую войну.

Но въ Ломбардіи дѣлать было нечего: тамъ все было потеряно. Гарибальди отправился въ Геную. Здѣсь явилась къ нему депутація отъ сицилійцевъ съ предложеніемъ стать во главѣ возстанія въ Сициліи. Сначала онъ было принялъ это предложеніе, но узнавъ о событіяхъ въ Папской области, рѣшилъ придти на помощь Риму. Здѣсь дѣла приняли совершенно новый оборотъ. 23-го марта былъ созванъ митингъ, на которомъ согласно требованію нѣсколькихъ демагоговъ рѣшено было призвать народъ къ оружію. Во главѣ собравшейся многочисленной толпы народные вожди отправились къ папѣ съ просьбою благословить оружіе. Папа, уже успѣвшій измѣнить своимъ прежнимъ идеаламъ и потерять популярность, отказался принять ихъ. Къ тому времени за выходомъ въ оставку министра Маміани, который долженъ былъ оставить портфель, благодаря реакціонымъ мѣропріятіямъ папы, мѣсто его занялъ Пелегрино-Росси, патріотъ стараго закала, совершенно чуждый новѣйшимъ стремленіямъ. При входѣ въ залу парламента онъ былъ убитъ ударомъ кинжала. Испуганный папа приписалъ это дѣло либераламъ и, обманувъ французскаго посла, предлагавшаго ему гостепріимство въ своемъ отечествѣ, тайно бѣжалъ въ Гаэту. Въ Римѣ

свѣтская власть папы была объявлена упраздненною и учреждена республика, управленіе которой ввѣрено тріумвирату, составленному изъ Армелини, Саффи и Мадзини, выбраннаго заочно большинствомъ 9000 голосовъ.

Послѣднія событія застали Гарибальди въ Равеннѣ, гдѣ онъ формировалъ сильный отрядъ волонтеровъ; онъ отправился въ Римъ пока одинъ для переговоровъ съ временнымъ правительствомъ. Сначала тріумвиры не рѣшились допустить Гарибальди въ Римъ; но скоро произошли событія, заставившія ихъ призвать новаго генерала на защиту города. 24 апрѣля 1849 г. французская эскадра, состоящая изъ 14 военныхъ кораблей, прибыла въ Чивита-Веккію. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ комендантъ крѣпости полковникъ Меллара и городскія власти дозволили высадиться войскамъ, которыя, по увѣренію генерала Удино, были присланы для защиты Папскихъ владѣній отъ произвола австрійцевъ. Но первымъ проявленіемъ дружескихъ намѣреній французскаго генерала было обезоруженіе гарнизона Меллары. Въ сущности осада Рима была заранѣе рѣшена въ Парижѣ и генералъ Удино явился съ отрядомъ въ 8000 человѣкъ. 28 апрѣля онъ двинулся къ Риму. При извѣстіи о прибытіи французской эскадры въ Чивита-Веккію римское собраніе открыло ежедневныя засѣданія. Дебатировался вопросъ, принять ли французовъ въ столицу, какъ друзей или же силѣ противупоставить силу. Въ результатѣ долгихъ дебатовъ рѣшено было защищаться до послѣдней крайности. Изданъ былъ декретъ, сообщавшій это рѣшеніе собранія; на улицахъ города началось сооруженіе барикадъ и установка орудій на возвышенныхъ мѣстахъ. Въ это время Гарибальди по вызову явился въ Римъ.

Верхомъ на лошади, живописно задрапированный въ свой бѣлый пончо, въ широкой красной рубашкѣ, въ большой черной шляпѣ, украшенной развѣвающимся страусовымъ перомъ, съ разсыпавшимися по могучимъ плечамъ прекрасными золотистыми кудрями, Гарибальди представлялъ фигуру, исполненную гордаго величія. Мигомъ всю толпу осѣнила одна и та-же мысль, одна и та же надежда: вотъ онъ тотъ человѣкъ, которому надлежитъ взять на себя защиту вѣчнаго города, вотъ тотъ, кто одинъ можетъ отразить врага, какъ бы силенъ онъ ни былъ. «Гарибальди! Гарибальди!» слышалось со всѣхъ сторонъ, въ то время, какъ въ воздухѣ высоко взлетали платки и шляпы; безчисленные голоса сливались въ общій гулъ, и народъ бушевалъ

въ неистовомъ восторгѣ, встрѣчая легендарнаго героя, въ эту минуту напоминавшаго одного изъ своихъ великихъ предковъ.

Какъ только прошли первые восторги толпы, Гарибальди принялся за дѣло. Прежде всего предстояло набрать достаточное количество людей. Гарибальди дали бригаду, представлявшую удивительную смѣсь людей всевозможныхъ возрастовъ, профессій, состояній и даже національностей. Но всѣ эти люди, такъ рѣзко различавшіеся на первый взглядъ, составляли одно тѣсно сплоченное гармоническое цѣлое, связанное общимъ патріотическимъ чувствомъ. Сюда входили два батальона легіонеровъ, одѣтыхъ въ красныя блузы съ зеленой отдѣлкой, между ними сорокъ человѣкъ, пріѣхавшихъ изъ Монтевидео, триста волонтеровъ, вернувшихся изъ Венеціи, четыреста студентовъ, триста таможенныхъ служителей, триста эмигрантовъ; всего двѣ тысячи пятьсотъ человѣкъ. Гарибальди поручили защиту самаго опаснаго пункта.

Между тѣмъ французы успѣли подойти къ городу. Выбравъ себѣ проводниками священниковъ, шедшихъ впереди съ распятіемъ въ рукахъ, Удино двинулся въ такомъ направленіи, чтобы избѣжать огня бастіоновъ, расположенныхъ между воротами св. Панкратія и Тибромъ. Замѣтивъ это движеніе, Гарибальди аттаковалъ непріятеля въ томъ мѣстѣ, гдѣ послѣдній менѣе всего предполагалъ опасность. Втеченіе девяти часовъ непрерывнаго боя невозможно было рѣшить, на чьей сторонѣ будетъ побѣда. Это, какъ говорили тогда, была битва монтевидейскихъ тигровъ съ африканскими львами. Наконецъ, ударивъ въ штыки, Гарибальди привелъ осаждающихъ въ полное смятеніе. Потери французовъ были громадны. Удино отступилъ. Съ удаленіемъ непріятеля весь городъ былъ иллюминованъ; всюду слышны были звуки пѣсенъ и музыки.

Не довольствуясь своей побѣдой, Гарибальди обратился къ тріумвирату съ просьбою дозволить ему отрѣзать французскому генералу отступленіе къ Чивита-Веккіи. «Я обѣщалъ вамъ, говорилъ Гарибальди,—что разобью французовъ, и сдержалъ слово; теперь я обѣщаю вамъ, что не дамъ имъ времени вернуться къ своимъ кораблямъ». Но Мадзини, бывшій въ то время фактическимъ диктаторомъ Рима, воспротивился такому плану: «Не слѣдуетъ, говорилъ онъ,—рѣшительнымъ пораженіемъ наживать себѣ врага во Франціи». Это была несчастная мысль; если-бы послѣ пораженія для Удино оказалось невозможнымъ пробрать-

ся въ Чивита-Веккію, римская республика могла бы быть спасена, и задача французскаго генерала вмѣсто взятія Рима свелась бы къ обратному завоеванію Чивита-Веккіи. Когда Удино прислалъ просить перемирія, Мадзини далъ свое согласіе и такимъ образомъ свелъ на нуль блестящее дѣло 30 апрѣля. Между тѣмъ французское правительство прислало Лессепса, будущаго строителя Суэцкаго канала, уладить мирными переговорами отношенія съ республикой. Въ то время, пока велись переговоры, территорія республики постепенно была занята вновь прибывшими войсками неаполитанскими, австрійскими и испанскими.

Утромъ 13-го мая на помощь Удино прибыло значительное подкрѣпленіе войсками и орудіями. Въ этотъ же день доблестный защитникъ Рима получилъ званіе дивизіоннаго генерала. То же званіе дано было полковнику Розелли, которому Мадзини ввѣрилъ главное начальство надъ войсками. Это распоряженіе было результатомъ недоброжелательнаго отношенія диктатора къ Гарибальди, что ни для кого не составляло тайны; но чуждый мелочнаго самолюбія, всецѣло преданный отечеству, герой покорился; онъ готовъ былъ сражаться въ качествѣ простого солдата.

Гарибальди двинулся на Монте-Фортино съ цѣлью отрѣзать арміи Фердинанда сообщеніе съ Неаполемъ. Надѣясь получить подкрѣпленіе отъ генерала Розелли, онъ заставилъ непріятеля сосредоточить свои силы и вызвалъ его къ атакѣ. Видя свое численное превосходство, непріятель началъ наступленіе. Но Гарибальди всегда умѣлъ во время приготовить неожиданный сюрпризъ противнику и въ этомъ случаѣ по своему обыкновенію стойко выдерживалъ натискъ неаполитанцевъ. Въ пылу сраженія онъ былъ выбитъ изъ сѣдла и отброшенъ саженя на полторы отъ лошади. Была минута, когда его считали умершимъ, но Гарибальди быстрымъ прыжкомъ вскочилъ на лошадь и, размахивая саблей съ надѣтой на нее шляпой чтобы быть узнанымъ, продолжалъ возбуждать храбрость своихъ товарищей. Вскорѣ однако сказалось численное превосходство непріятеля; пришлось просить подкрѣпленія у Розелли; тотъ отказалъ. Не смущаясь этимъ отказомъ, Гарибальди пустилъ въ ходъ свои единственные два орудія и послѣ страшной схватки угналъ непріятеля обратно въ Велетри. Фердинандъ успѣлъ уже бѣжать изъ города. Потерявъ надежду взять его въ плѣнъ за неприбытіемъ своевременнаго подкрѣпленія, Гарибальди просилъ у Розелли разрѣшенія отрѣзать непріятелю отступленіе въ Неаполь; но и на это предложеніе послѣдовалъ отказъ. Такимъ обра-

зомъ блестящая побѣда при Велетри не принесла тѣхъ серьезныхъ выгодъ, которыя могли быть достигнуты, еслибы Мадзини иначе отнесся къ своему старому другу.

Когда отъ тріумвирата послѣдовалъ приказъ привести въ Римъ войска, бывшія въ дѣлѣ при Велетри, Гарибальди протестовалъ противъ такого сосредоточенія всѣхъ боевыхъ силъ въ городѣ, открытомъ для непріятеля на протяженіи 24 верстъ въ окружности. Онъ заявилъ, что мало надѣется на возможность серьезнаго и продолжительнаго отпора при такихъ условіяхъ. Гарибальди предлагалъ перенести правительство республики подальше въ горы и искать союза съ возставшими противъ Неаполя сицилiанцами. Мадзини рѣшительно отвергъ этотъ проэктъ Гарибальди. Между тѣмъ Лун Наполеонъ, тогда уже президентъ французской республики, послалъ генералу Удино письмо въ которомъ, выражая свое негодованіе по поводу пріема, оказаннаго послѣднему въ Римѣ, приказывалъ ему для «поддержанія военной чести» немедленно возобновить враждебныя дѣйствія противъ республики. Однако пресловутая «военная честь» служила ширмами, за которыми скрывались клерикальныя стремленія, а эти послѣднія были маской, прикрывавшей династическіе и чисто личные виды авантюриста-президента. Въ основѣ политики Луи Бонапарта касательно Папской области лежало опасеніе, что австрійцы отнимутъ у него честь реставраціи папскаго престола и лишатъ его связанныхъ съ этою «честью» практическихъ выгодъ. Руководствуясь полученными инструкціями, Удино двинулъ свои войска за сутки до окончанія перемирія среди глубокой ночи. Обманувъ стражу, охранявшую ворота такъ называемые «Четыре вѣтра» крикомъ «да здравствуетъ Италія», онъ занялъ эту позицію, составлявшую ключъ ко вступленію въ Римъ и овладѣлъ городскими предмѣстьями.

Первые пушечные выстрѣлы разбудили Гарибальди, только-что вступившаго въ городъ со своимъ отрядомъ, измученнымъ въ сраженіи при Велетри. Вскочивъ на лошадь, онъ бросился къ воротамъ св. Панкратія, но узнавъ. что «Четыре вѣтра» заняты непріятелемъ. тутъ же рѣшилъ мысленно, что римская республика погибла. По своей привычкѣ быстро схватывать всѣ подробности положенія, Гарибальди немедленно увидѣлъ, что прежде всего ему необходимо занять виллу Корсини, какъ пунктъ наиболѣе важный. Нѣсколько разъ вилла переходила изъ рукъ въ руки; люди падали, какъ мухи; всѣ дорожки парка были но-

крыты трупами; но ничто не могло удержать бѣшенаго натиска гарибальдійцевъ. Была минута, когда въ большой залѣ дворца во второмъ этажѣ внезапно выросла конная статуя. Это гарибальдіецъ Массина въ мгновеніе, когда побѣда, казалось, улыбнулась осаждавшимъ, пришпоривъ коня вскочилъ на терассу и оттуда стрѣлою понесся по лѣстницѣ въ залу. Нѣсколько выстрѣловъ въ упоръ положили конецъ подвигамъ героя.—«Я много видѣлъ страшныхъ сраженій, говорилъ Гарибальди,—но ни одно изъ нихъ не можетъ сравниться съ бойней на виллѣ Корсини». Дѣло продолжалось 14 часовъ. Гарибальди оставилъ виллу послѣднимъ; его пончо былъ весь пробитъ пулями, но ни одной раны не оказалось на его тѣлѣ. На 10-е іюня Розелли назначилъ вылазку въ надеждѣ оттѣснить французовъ; но вылазка не удалась и 13-го началась бомбардировка. Пули и ядра осыпали городъ, не щадя ни Ватикана, ни собора св. Петра, ни Сикстинской капеллы, оставляя слѣды разрушенія на фрескахъ Буонаротти, Л. Винчи, Рафаэля. Великая нація позабыла свою руководящую роль носительницы культуры и безпощадною рукою губила завѣщанныя вѣками созданія человѣческаго генія. 20-го образовались уже три бреши; въ ночь съ 20-го на 21-е было взято два бастіона. На всѣхъ колокольняхъ раздавались удары набата. Все было потеряно. 30-го французы взяли остальные бастіоны.

Гарибальди съ ружьемъ въ рукахъ, такъ же какъ и другіе офицеры затерянный въ рядахъ, послалъ послѣдній прощальный залпъ генералу Удино. Народное собраніе признало дальнѣйшее сопротивленіе невозможнымъ. Пригласили въ собраніе Гарибальди. Онъ явился покрытый кровью, закопченный пороховымъ дымомъ и предложилъ очистить одну половину города и укрѣпиться въ другой.

— Сколько же времени въ такомъ случаѣ продлится сопротивленіе? спросилъ кто-то.

— Нѣсколько дней, отвѣчалъ Гарибальди.

Послѣ этого отвѣта рѣшено было сдать городъ. Римская республика отошла въ область исторіи.

3-го іюля въ четыре часа пополудни французская армія вступила въ Римъ, неся французское знамя на одномъ древкѣ съ папскимъ. Но въ залѣ народнаго собранія въ Капитоліи депутаты продолжали провозглашать республику до той минуты, пока не были вытѣснены французскими солдатами. Тогда Гарибальди съ 2,500 человѣкъ пѣхоты, 400 человѣкъ кавалеріи и однимъ

горнымъ орудіемъ, сопровождаемый Анитой, вышелъ изъ города по направленію къ Тиволи. Къ людямъ, послѣдовавшимъ за нимъ, онъ обратился съ такою рѣчью:

— Васъ ожидаетъ зной и жажда днемъ, холодъ и голодъ ночью. Усталость и опасности будутъ вашей наградой; у васъ не будетъ ни крова, ни отдыха; вамъ грозитъ безусловная нищета. Вамъ предстоятъ: бодрствованіе до потери силъ, изнурительные переходы и сраженія на каждомъ шагу. Кто любитъ Италію, слѣдуй за мной!

Гарибальди рѣшилъ пробраться въ Венецію, гдѣ не все еще было проиграно. Преслѣдуемый съ одной стороны австрійцами, съ другой—французами, не встрѣчая уже въ населеніи прежняго энтузіазма, онъ съ невѣроятными трудностями перешелъ Аппенины, гдѣ потерялъ свой аріергардъ, уничтоженный въ схваткѣ съ австрійцами. Совершивъ этотъ ужасный переходъ, Гарибальди пришелъ въ маленькую республику Санъ-Марино, которая по счастливой случайности была оставлена австрійцами въ покоѣ.

— Мы пришли къ вамъ просить отдыха и хлѣба, сказалъ онъ регенту — солдаты мои сложатъ свое оружіе, и на вашей землѣ кончится война за независимость Италіи. Вамъ будетъ принадлежать честь отстоять неприкосновенность тѣхъ, кто слѣдовалъ за мною, и мою собственную.

Регентъ обласкалъ Гарибальди, велѣлъ накормить его людей, далъ помѣщеніе раненымъ и просилъ только не подвергать республику бѣдствіямъ войны. Такъ какъ австрійцы требовали отъ Гарибальди безусловной сдачи, въ противномъ-же случаѣ грозили нападеніемъ, то, исполняя обѣщаніе, данное имъ регенту, онъ рѣшилъ покинуть Санъ-Марино, и распустилъ своихъ солдатъ, напомнивъ имъ, что они могутъ согласиться только на временную пріостановку военныхъ дѣйствій, что кровь ихъ до послѣдней капли принадлежитъ отечеству, и наступитъ минута, когда они снова будутъ призваны къ оружію.

— Италія, говорилъ онъ,—не должна оставаться обезславленной; мы клянемся посвятить себя ея независимости до послѣдней капли крови, до послѣдняго біенія сердца. Смерть въ тысячу разъ предпочтительнѣе ненавистнаго ига чужеземцевъ. Да здравствуетъ Италія!

250 человѣкъ изъ отряда не захотѣли разстаться со своимъ вождемъ; онъ велѣлъ имъ собраться, помѣстилъ среди нихъ Аниту, готовившуюся черезъ мѣсяцъ сдѣлаться матерью, а также своего

капелана Уго Басси и ночью прошелъ сквозь непріятельскій лагерь. На слѣдующій день Гарибальди былъ уже на берегу Адріатическаго моря. Здѣсь онъ размѣстилъ своихъ волонтеровъ на тринадцати большихъ рыбацкихъ лодкахъ и поплылъ по направленію къ Венеціи. Уже можно было различить видиѣвшійся вдали городъ, когда раздалась пушечная пальба съ трехъ австрійскихъ фрегатовъ, пустившихся въ погоню за бѣглецами. Часть лодокъ тотчасъ разсѣялась въ разныя стороны, другія-же, находившіяся вблизи лодки Гарибальди, продолжали плыть въ прежнемъ направленіи. Видя, что ему не уйдти отъ погони, Гарибальди причалилъ къ берегу и скрылся въ сосѣднемъ лѣсу. Голова его была оцѣнена. Анита изнемогала отъ усталости и лишеній; неимовѣрныя трудности похода отняли у нея послѣднія силы. Два дня шелъ Гарибальди, скрываясь то здѣсь, то тамъ, неся на рукахъ умирающую Аниту. Измученная жаждой, чувствуя приближеніе смерти, она не произнесла ни одной жалобы, не издала ни одного стона; послѣднія слова ея относились къ дѣтямъ; она понимала, что не увидитъ ихъ болѣе. Окрестные жители, сразу узнавшіе героя, который не потрудился даже сбрить бороду, вездѣ по мѣрѣ силъ помогали его бѣгству. Гарибальди спѣшилъ въ Равену, но состояніе жены заставило его свернуть съ дороги и просить гостепріимства на небольшой фермѣ среди сосноваго лѣса. Бѣдное семейство, жившее въ домикѣ, снабдило ихъ водой и небольшимъ количествомъ пищи. Гарибальди послалъ въ сосѣдній городокъ за врачомъ. Когда по совѣту послѣдняго укладывали больную въ постель, Гарибальди замѣтилъ по выраженію ея лица, что она разстается съ жизнью. «Надѣясь исхитить ее изъ челюстей смерти, говоритъ онъ,—я судорожно сжималъ ея пульсъ для того, чтобы считать послѣднія его біенія, я дышалъ ея скорымъ дыханіемъ, я губами своими ловилъ прерывающіеся ея вздохи... Увы! я съ благоговѣніемъ лобзалъ умирающія губы... Увы! я сжималъ въ своихъ объятіяхъ трупъ!.. я плакалъ слезами отчаянія»... Измученный лихорадкой, изнемогающій отъ непосильныхъ трудовъ, голода и бодрствованія, Гарибальди самъ еле держался на ногахъ. Въ то время какъ съ нѣжнаго личика Аниты постепенно сходили слѣды вышесенной муки, и отъ холоднаго дуновенія смерти медленно ложилось на него величавое выраженіе неземнаго покоя, безумныя рыданія Гарибальди такъ же медленно, такъ же постепенно утихали и утихли совсѣмъ. Незамѣтно для себя несчастный погрузился въ глубокій, тяжелый сонъ...

Но не дремали преслѣдователи бѣглеца. Они уже заняли страну и ежеминутно грозили овладѣть фермой. Гарибальди снова взялъ на руки едва охладѣвшій трупъ своей незабвенной Аниты, отнесъ его далеко въ поле и наскоро зарылъ въ пескѣ подъ кустомъ тайно отъ всѣхъ. На утро австрійцы заняли ферму, но Гарибальди былъ уже далеко. Когда миновалъ первый панический страхъ, овладѣвшій жителями фермы, никто не могъ сказать, гдѣ находятся останки несчастной женщины. Черезъ нѣсколько времени они были найдены при обстоятельствахъ, возмутительнымъ образомъ оскорбляющихъ память покойной. Однажды жившій на фермѣ работникъ замѣтилъ собаку, что-то искавшую въ полѣ подъ сосною; подойдя онъ увидѣлъ торчавшую изъ песка, наполовину съѣденную руку Аниты. Животное собиралось вырыть весь трупъ. Впослѣдствіи тѣло было перевезено въ Ниццу, а оттуда на островъ Капреру.

Анита была единственною серьезною привязанностью Гарибальди. Хотя впослѣдствіи у него было безчисленное множество романовъ самаго разнообразнаго характера, но онъ никогда болѣе не могъ такъ искренно и глубоко привязаться къ женщинѣ. Всѣ его послѣдующія мимолетныя увлеченія носили характеръ легкаго ухаживанія или почтительной дружбы и не имѣли ничего общаго съ тѣмъ чувствомъ, которое привязывало его къ преданной ему до самозабвенія бразильской амазонкѣ.

Тѣмъ не менѣе, несмотря на безпредѣльную любовь съ обѣихъ сторонъ, отношенія супруговъ не всегда носили характеръ безмятежнаго счастья. Анита жестоко ревновала мужа. Идя рука объ руку съ любимымъ человѣкомъ, стоя рядомъ съ нимъ въ минуты смертельной опасности, гордо перенося лишенія и трудности его походной жизни, Анита требовала для себя одной награды: безраздѣльной его преданности, исключительнаго права царить въ его сердцѣ. Когда она подозрѣвала, что мужъ ея увлекается другой женщиной, она являлась къ нему съ двумя пистолетами, чтобы убить мужа и соперницу. Однажды Гарибальди остригъ свои прекрасныя золотистыя кудри, и, когда его спросили, почему онъ это сдѣлалъ, ему пришлось сознаться, что, сдѣлавъ себя менѣе привлекательнымъ, онъ надѣялся успокоить ревнивыя опасенія жены. Много лѣтъ спустя, вступивъ во второй бракъ, онъ измѣнилъ своему чувству къ Анитѣ, но горько пришлось ему искупить эту измѣну и жестоко поплатиться за необдуманный, легкомысленный шагъ.

ГЛАВА IV.

Война 1859-го года.

Тюрьма.—Отъѣздъ изъ Италіи.—Танжеръ.—Отъѣздъ въ Америку.—Фабрикантъ свѣчей и пожарный. — Путешествіе въ Китай. — Рейсы въ Европу на торговомъ суднѣ.—Покупка острова Капреры.—«Національное итальянское общество».—Графъ Кавуръ и его политическая программа.—Вызовъ Гарибальди въ Туринъ. — Объявленіе войны. — Альпійскіе охотники.—Варезе.—Комо.—Письмо Наполеона III и приказъ Виктора-Эмануила.—Пребываніе въ Комо.—Гарибальди въ описаніи русскаго путешественника.—Трепонти.—Обманутыя ожиданія.—Волненія въ Средней Италіи.—Приглашеніе въ Тоскану.—Королевская милость.—Поѣздка по Средней Италіи.—Народныя овація. — Воспоминанія прошлаго.—Тосканская армія. — Второй бракъ.—Тяжкая обида.—Гарибальди въ туринскомъ парламентѣ.—Капрера.

По пятамъ преслѣдуемый врагами, Гарибальди бѣжалъ въ Тоскану и оттуда въ Пьемонтъ. Здѣсь ожидали его новыя разочарованія. По распоряженію правительства онъ былъ арестованъ королевскими войсками и препровожденъ въ Геную, гдѣ его заключили въ тюрьму. Но въ парламентѣ поднялись голоса въ защиту заключеннаго и вотировано было категорическое порицаніе дѣйствіямъ правительства. Послѣднее, вынужденное уступить общественному мнѣнію, отмѣнило распоряженіе объ арестѣ, но этимъ самымъ создало для себя еще большія затрудненія: король и его министръ не знали, какъ поступить теперь съ освобожденнымъ вождемъ волонтеровъ.

Видя, что оставаясь въ Италіи, онъ вызываетъ новыя осложненія въ дѣлахъ страны, Гарибальди рѣшилъ на время покинуть родину и этимъ добровольнымъ изгнаніемъ избавить Пьемонтъ и его государя отъ всякихъ заботъ объ его участи.

Не сразу удалось Гарибальди найти для себя убѣжище. Прежде всего отправился онъ въ Тунисъ, но встрѣтилъ здѣсь препятствіе со стороны французскаго консула, по настоянію котораго ему запрещено было сойдти на берегъ. То-же случилось и въ Гибралтарѣ. Не найдя и здѣсь гостепріимства, Гарибальди

отправился въ Танжеръ, гдѣ его другъ, сардинскій консулъ, далъ ему пріютъ на шесть мѣсяцевъ. По истеченіи этого срока онъ отправился въ Америку. Здѣсь Гарибальди поселился въ Нью-Іоркѣ, вступилъ въ компанію съ однимъ фабрикантомъ свѣчей и самъ занялся этимъ производствомъ. Одинъ морякъ-итальянецъ, посѣтившій его въ Нью-Іоркѣ, засталъ защитника Рима съ засученными рукавами у котла съ растопленымъ саломъ. Не довольствуясь этимъ мирнымъ занятіемъ, Гарибальди зачислился еще въ пожарную команду. Съ этихъ поръ сталъ онъ постоянно носить красную рубашку, служившую форменной одеждой пожарныхъ. Скоро однако оставилъ онъ и то, и другое дѣло и получилъ командованіе торговымъ судномъ, на которомъ совершилъ нѣсколько рейсовъ въ Китай. Свѣдѣнія объ этомъ періодѣ жизни Гарибальди очень небогаты. Въ 1855 г. Гарибальди уже совершаетъ рейсы въ Европу, продолжая заниматься торговлей. Въ одинъ изъ такихъ рейсовъ поразилъ его своею дикой красотой пустынный островъ Капрера. На деньги, собранныя во время путешествій, онъ купилъ сначала часть острова, а впослѣдствіи пріобрѣлъ его весь въ исключительную собственность. Здѣсь, вдали отъ житейскихъ волненій, герой нашелъ себѣ пріютъ и занялся устройствомъ своего маленькаго хозяйства.

Живя отшельникомъ на своемъ каменистомъ островѣ, Гарибальди неусыпно слѣдилъ за ходомъ событій на родинѣ. Спустя годъ онъ получилъ отъ маркиза Палавичини предложеніе принять участіе въ обществѣ, основанномъ имъ вмѣстѣ съ Маниным, венеціанскимъ патріотомъ, главою возстанія въ Венеціи въ 1848 году. Программа общества, названнаго «національнымъ итальянскимъ обществомъ», заключала въ себѣ слѣдующіе главные пункты:

1) Выше всякой политической идеи и всякихъ муниципальныхъ интересовъ ставить великій принципъ независимости и объединенія;

2) стоять за Савойскій домъ въ предѣлахъ возможнаго и разумнаго, пока онъ будетъ стоять за Италію;

3) не отдавать предпочтенія ни одному пьемонтскому министерству, но поддерживать всякое министерство, защищающее дѣло Италіи и стоять внѣ вопросовъ внутренней администраціи Пьемонта;

4) объявить, что независимость и объединеніе Италіи нуждаются столько же въ участіи народныхъ силъ, сколько въ содѣйствіи пьемонтскаго правительства.

Программа эта, предполагая согласное участіе всѣхъ силъ страны въ общемъ для всѣхъ дѣлѣ объединенія, создавала возможность того единодушія, которое одно можетъ служить прочною

гарантіей успѣха въ подобныхъ случаяхъ. Ее не могъ не одобрить Гарибальди. Отвѣтное письмо его, въ которомъ онъ снѣзшель заявить о своемъ согласіи вступить въ общество, вызвало взрывъ негодованія среди мадзиниетскихъ органовъ. Въ своихъ ожесточенныхъ нападеніяхъ они не только шли гораздо дальше своего учителя, но и противорѣчили его собственнымъ воззрѣніямъ. Гарибальди могъ напомнить имъ слова, сказанныя Мадзини, когда послѣдній былъ тріумвиромъ въ Римѣ и ему предлагали союзъ съ королемъ Пьемонта.

«Мы возсоздадимъ Италію, хотя бы при помощи самого чорта», сказалъ тогда Мадзини и далъ свое согласіе на союзъ. Гарибальди былъ того мнѣнія, что теперь точно такъ-же, какъ и тогда, всякія попытки создать республику должны быть пока отнесены къ области несбыточныхъ мечтаній. Несмотря на свою способность часто и сильно увлекаться, онъ никогда не былъ и не могъ быть утопистомъ уже по свойству своей натуры: великій патріотъ охотно шелъ на компромиссы, если видѣлъ, что они нужны для блага Италіи; въ вопросахъ политики онъ всегда держался честнаго и разумнаго опортунизма.

Однимъ изъ главныхъ дѣятелей «національнаго итальянскаго общества» былъ туринскій премьеръ графъ Кавуръ. Вступивъ въ 1850 г. въ министерство Массимо д'Азеліо въ качествѣ министра торговли, онъ послѣ временнаго удаленія отъ дѣлъ уже въ 1852 г. занялъ постъ перваго министра и съ тѣхъ поръ неуклонно преслѣдовалъ планъ постепеннаго объединенія Италіи на прочныхъ и вѣрныхъ основахъ.

Программа его вкратцѣ состояла въ слѣдующемъ: создать сильное итальянское государство изъ сѣверныхъ областей Италіи, а затѣмъ одну за другой присоединять остальныя части полуострова до полнаго его объединенія. Средства, которыми Кавуръ думалъ осуществить эту программу, заключались въ организаціи правильной арміи и сильнаго флота. Такъ какъ то и другое могло быть создано лишь помощью поднятія общаго благосостоянія страны и развитія въ ней промышленности, то Кавуръ прежде всего предпринялъ рядъ мѣръ въ этомъ направленіи и вскорѣ достигъ блестящихъ результатовъ. Такъ-же быстро, какъ развитіе промышленности, шло усиленіе арміи и флота въ Пьемонтѣ.

Готовя такимъ образомъ родную страну къ многотрудной борьбѣ съ чужеземнымъ владычествомъ, Кавуръ однако слишкомъ хорошо понималъ положеніе Италіи, чтобы вѣрить въ возможность

для нея собственными силами завоевать свою независимость. По его мнѣнію, слѣдовало прежде всего искать союзника, не уступающаго въ силѣ австрійцамъ. Съ этою цѣлью онъ послалъ свои войска подъ Севастополь сражаться рядомъ съ французами и англичанами. Хотя участіе сардинской арміи въ крымской кампаніи не принесло странѣ непосредственной пользы, тѣмъ не менѣе косвенныя его выгоды были громадны. Участіе это предотвратило возможность союза двухъ державъ съ Австріей въ томъ случаѣ, если бы она рѣшилась выйти изъ нейтралитета, и создало для Италіи такія дружескія связи, которыя могли принести ей существенную помощь въ ея борьбѣ съ притѣснителями. Мало того, оно дало Кавуру возможность занять въ качествѣ союзника мѣсто рядомъ съ представителями великихъ державъ на парижской конференціи 1856 года. По окончаніи главныхъ занятій конференціи Кавуръ въ пламенной рѣчи нарисовалъ картину бѣдствій, причиненныхъ его родинѣ австрійскимъ правительствомъ. Рѣчь эта вызвала сочувствіе и поддержку со стороны французскихъ и англійскихъ уполномоченныхъ и сильно повредила Австріи во мнѣніи европейскихъ державъ.

Именно этого результата и добивался Кавуръ. Зная между тѣмъ, что Англія не окажетъ ему военной поддержки противъ австрійцевъ, онъ рѣшилъ ближе сойтись съ Наполеономъ III, хотя и не сомнѣвался, что помощь послѣдняго не будетъ безкорыстна. Для Наполеона, желавшаго во что бы то ни стало поддержать престижъ своей династіи, война съ Австріей представляла удобный случай громкими побѣдами прославить свое имя. Онъ вызвалъ Кавура въ Пломбьеръ и на этомъ свиданіи обѣщалъ ему свою помощь. Рѣшено было, что Пьемонтъ вызоветъ Австрію къ нападенію, а затѣмъ уже получитъ поддержку со стороны Франціи. Дальнѣйшій планъ Наполеона состоялъ въ образованіи итальянской конфедераціи подъ предсѣдательствомъ папы. Въ составъ конфедераціи долженъ былъ между прочимъ войти и Пьемонтъ съ присоединеніемъ къ нему Легатствъ и Мархіи и съ присвоеніемъ ему названія «Сѣверной Италіи». Въ вознагражденіе за свое содѣйствіе Наполеонъ надѣялся получить Савойю, а также можетъ быть и Ниццу. Въ этой надеждѣ тщательно поддерживалъ его Кавуръ.

Теперь министру оставалось окончательно приготовить Италію для предстоящихъ событій. Мало довѣряя искренности и стойкости Наполеона, онъ находилъ необходимымъ создать въ странѣ

такія силы, которыя, разъ придя въ движеніе, уничтожили бы для императора всякую возможность отступленія и сдѣлали бы дѣло объединенія Италіи дѣломъ всего народа. Задавшись такою цѣлью, Кавуръ усиленно поддерживалъ «національное итальянское общество», распространившееся по всѣмъ городамъ страны и вступилъ въ сношеніе съ нѣкоторыми республиканскими вождями, несмотря на свою ненависть къ ихъ доктринамъ, которыя считалъ причиною, поселяющей анархію въ странѣ. Съ тою же цѣлью сближенія Кавуръ обратился къ Гарибальди, прося его пріѣхать въ Туринъ для переговоровъ. Убѣждая Гарибальди принять дѣятельное участіе въ предстоящей войнѣ, Кавуръ скрылъ отъ него, какою цѣною должна была достаться сѣверной Италіи ея независимость; онъ не рѣшился сказать Гарибальди, что его родной городъ Ницца будетъ уступленъ императору, какъ заранѣе условленное вознагражденіе за услугу. Съ другой стороны отъ Наполеона, ненавидѣвшаго Гарибальди, какъ революціоннаго героя и защитника Римской республики, было скрыто предполагаемое участіе послѣдняго въ военныхъ дѣйствіяхъ.

Въ январѣ 1859 года часть договора въ Пломбьерѣ была оформлена въ трактатъ, по которому Наполеонъ обязывался въ случаѣ нападенія со стороны Австріи оказать поддержку Пьемонту и при благопріятномъ исходѣ войны присоединить къ нему Ломбардію и Венецію, получивъ взамѣнъ Савойю. Вопросъ объ уступкѣ Ниццы оставался пока открытымъ. Еще до подписанія трактата Викторъ-Эмануилъ, въ 1848 году наслѣдовавшій престолъ Карла-Альберта, заявилъ въ палатѣ, что не можетъ оставаться равнодушнымъ къ страданіямъ родной страны. Это заявленіе было равносильно вызову, брошенному по адресу Австріи. Несмотря на многократныя попытки со стороны Англіи добиться мирнаго соглашенія, несмотря на постоянныя колебанія Наполеона, боявшагося навлечь на себя гнѣвъ Пруссіи, война къ великой радости Кавура была признана неизбѣжной. 29-го апрѣля 1859 года австрійскія войска перешли Тичино. Вслѣдъ затѣмъ послѣдовало объявленіе войны въ Парижѣ, и Наполеонъ III во главѣ своихъ войскъ явился въ Пьемонтъ. Со всѣхъ сторонъ стекались сюда добровольцы для поступленія въ армію. Когда окончательно были сформированы регулярныя войска, Кавуръ, желая поддержать въ народѣ популярность своего дѣла, разрѣшилъ образованіе отрядовъ волонтеровъ, не взирая на формальный протестъ Наполеона III.

Вызванный въ Туринъ, Гарибальди былъ назначенъ начальникомъ только-что учрежденнаго корпуса «альпійскихъ охотниковъ». На это назначеніе онъ отозвался слѣдующимъ письмомъ:

«Этимъ высокимъ доказательствомъ своего довѣрія, писалъ онъ,—правительство короля навсегда приковало къ себѣ мое глубокое чувство благодарности; я почту себя счастливымъ, если дѣйствія мои окажутся на высотѣ горячаго моего желанія служить ему».

Вначалѣ кампаніи Гарибальди находился подъ начальствомъ генерала Чіальдини, но вскорѣ ему было предоставлено дѣйствовать вполнѣ самостоятельно. Предоставивъ такимъ образомъ вождю альпійской арміи распоряжаться по своему, туринское правительство не стало затруднять себя дальнѣйшими заботами о немъ. Всѣ хлопоты по вооруженію и обмундировкѣ волонтеровъ лежали на Гарибальди. Напрасно просилъ онъ о присылкѣ ему отряда артиллеріи и батальона саперовъ; всѣ требованія и просьбы его оставались безъ отвѣта. При переходахъ черезъ рѣки, на которыхъ австрійцы заботливо уничтожали мосты, ему приходилось прибѣгать къ содѣйствію населенія и пользоваться связанными между собою барками. Очутившись на лѣвомъ берегу Тичино, отдѣленный отъ союзной арміи обширной равниной, удаленный на 50 верстъ отъ ближайшаго отряда Чіальдини, Гарибальди укрѣпился въ Варезе. Отсюда онъ разослалъ во всѣ стороны эмиссаровъ для возбужденія всеобщаго возстанія согласно порученію Кавура.

Между тѣмъ въ австрійскомъ лагерѣ рѣшено было строго «наказать Гарибальди». Съ этою цѣлью былъ посланъ генералъ Урбанъ. Но Гарибальди не привыкъ терять драгоцѣнное время. Расположивъ свои силы въ городѣ и вокругъ него, онъ укрѣпилъ его баррикадами, обезпечилъ себѣ отступленіе въ случаѣ неудачи и ждалъ непріятеля съ твердымъ намѣреніемъ побѣдить. Сраженіе длилось четырнадцать часовъ. Два раза австрійцы возобновляли атаку и оба раза были отброшены съ громаднымъ урономъ. Отступая, разбитый на голову генералъ уводилъ съ собою лишь одного плѣннаго.—«Онъ стоитъ мнѣ, по крайней мѣрѣ, 200 человѣкъ убитыми», говорилъ Урбанъ въ бѣшенствѣ, подразумѣвая этого единственнаго плѣнника; «я потерялъ въ Варезе 1000 человѣкъ; они будутъ отомщены, все будетъ предано огню и мечу». Но второе сраженіе, данное Гарибальди Урбану, окончилось такимъ же пораженіемъ для послѣдняго. Гарибальдійцы дѣйствовали такъ рѣшительно, что Урбанъ ни за что не хотѣлъ

вѣрить, что дѣло обошлось безъ участія союзныхъ войскъ. Въ виду успѣховъ Гарибальди австрійцамъ было послано подкрѣпленіе. Узнавъ объ этомъ, начальникъ альпійскихъ охотниковъ рѣшилъ предупредить движеніе непріятеля и первый явился въ Комо. Пока онъ входилъ въ городъ съ одной стороны, занимавшій его австрійскій гарнизонъ удалялся съ другой. Такимъ образомъ Комо безъ бою достался волонтерамъ. Овладѣвъ городомъ, Гарибальди нашелъ въ немъ множество жизненныхъ припасовъ, а главное большіе запасы оружія и аммуниціи, въ которыхъ онъ сильно нуждался для снабженія ими вновь прибывающихъ волонтеровъ.

Узнавши, что генералъ Урбанъ, извѣстный своей звѣрской жестокостью, идетъ на Варезе, чтобы наказать жителей, Гарибальди поспѣшилъ на защиту города и пошелъ прямо на Урбана, занявшаго позицію по дорогѣ отъ Милана въ Варезе. По пути волонтерамъ встрѣтилась карета, которая, поровнявшись съ генераломъ, остановилась. Изъ нея вышла въ сопровожденіи священника молодая дѣвушка рѣдкой красоты и передала Гарибальди письмо, съ извѣстіемъ, что его ждутъ въ Комо. Городу въ это время грозила серьезная опасность какъ со стороны австрійцевъ, такъ и со стороны готовившейся клерикальной реакціи. Дѣвушка была та самая маркиза Раймонди, которой суждено было сыграть такую печальную роль въ жизни Гарибальди. Переговоривъ съ маркизой и давши обѣщаніе быть въ городѣ на слѣдующій день, Гарибальди прибылъ туда въ назначенное время:—генералъ Урбанъ былъ отозванъ въ Миланъ, гдѣ готовилось возстаніе. Съ своей стороны и Гарибальди получилъ приглашеніе отъ жителей Милана придти на помощь городу. Онъ собирался въ путь, когда получилъ письмо отъ Наполеона III съ просьбою отказаться отъ похода въ Миланъ. Насколько императоръ боялся смѣлыхъ дѣйствій Гарибальди и его популярности, настолько послѣдній ненавидѣлъ Наполеона за его постоянныя колебанія и неискреннее отношеніе къ дѣлу Италіи. Такимъ образомъ полученное письмо могло только утвердить его въ намѣреніи содѣйствовать возстанію въ Миланѣ. Разорвавъ письмо пополамъ, онъ отослалъ его вмѣсто отвѣта императору и собирался оставить безъ вниманія требованіе Наполеона. Но составленный въ томъ же смыслѣ приказъ отъ Виктора-Эмануила, которому всей душой былъ преданъ Гарибальди, удержалъ его въ Комо. Здѣсь, въ то время какъ союзная армія готовилась къ битвѣ при

Маджентѣ, Гарибальди занялся формированіемъ новыхъ батальоновъ.

Мы воспользуемся этой временной пріостановкой военныхъ дѣйствій, чтобы привести описаніе наружности и привычекъ генерала, найденное нами въ письмѣ одного русскаго путешественника, которому удалось въ это время лично познакомиться съ Гарибальди.

«Я увидѣлъ передъ собой, пишетъ онъ,—человѣка средняго роста, лѣтъ подъ пятьдесятъ, съ русой бородкой въ просѣдь и съ коротко остриженной головой, въ новомъ генеральскомъ мундирѣ пьемонтскихъ войскъ... Я представился. Гарибальди заговорилъ быстро, немного рѣзкимъ, но пріятнымъ голосомъ, извиняясь, что не могъ принять меня вчера... Онъ произвелъ на меня самое выгодное впечатлѣніе. Въ немъ много простоты съ достоинствомъ необыкновеннымъ. Въ голосѣ энергія и сила, что-то командное. Я не помню, чтобы слышалъ когда-нибудь подобный голосъ. Онъ говоритъ не останавливаясь, безъ всякой запинки (особенно на родномъ языкѣ). Пишетъ такъ-же, какъ говоритъ, четко, плавно, красиво, какъ рисуетъ. Можно сказать, что онъ хорошъ собой, особенно пріятны глаза. Ихъ никогда не нарисуютъ — этого мягкаго граціознаго движенія широкихъ вѣкъ,—хотя бы рисовалъ Брюловъ, помноженный на Ванъ-Дика. Трудно передать бравость и поэтическую осанку солдата Гарибальди, воспитанную командой въ разныхъ бояхъ. Но странно, бываютъ минуты, когда онъ какъ то незамѣтно выйдетъ изъ кабинета весь тихій и спокойный, какъ бы осѣвшій, опустившійся,—и ходитъ, и стоитъ тутъ между своими офицерами, совсѣмъ никому не видный; вамъ и въ голову не придетъ, сколько поэзіи, прелести, силы и жизни пробудится въ слѣдующую минуту въ этой небольшой, тихой и простой фигурѣ. Говорятъ, его надо видѣть въ бою или... хоть въ обществѣ дамъ».

Далѣе идетъ описаніе привычекъ Гарибальди. Вставалъ онъ рано, въ 3 часа; въ 4 уже выѣзжалъ изъ дому. Многіе представлялись ему въ половинѣ четвертаго. Ложился онъ также рано, часу въ 9-мъ, но сонъ служилъ только предлогомъ, чтобы его не безпокоили. Уйдя въ свою комнату, онъ ложился на постель, завернутый въ свой неизмѣнный пончо, и до глубокой ночи читалъ газеты, грудами лежавшія возлѣ него на постели. Это были его любимые часы, единственные, когда онъ жилъ для себя. Весь остальной день проходилъ для него въ постоянныхъ трудахъ. Канцеляріи у него никогда не было; всѣ бумаги писалъ онъ большею частью самъ или поручалъ кому-нибудь изъ дежурныхъ офицеровъ, и вообще до minimum'а сокращалъ всю письменную часть. Устраивая свою главную квартиру, онъ выбиралъ для себя самую маленькую и простую комнату и довольствовался самой скромной обстановкой, допуская въ качествѣ

убранства только букетъ цвѣтовъ; онъ очень любилъ окружать себя цвѣтами. Вообще говоря, Гарибальди не имѣлъ ни малѣйшей склонности къ комфорту, не говоря уже о роскоши; его бѣлье, его одежда, даже сѣдло для лошади составляли заботу его близкихъ друзей; часто всѣмъ этимъ снабжали его знакомыя дамы. Денегъ у него никогда не бывало въ рукахъ; онъ совсѣмъ не зналъ имъ цѣны, и всѣ расходы, какъ его личные, такъ и касающіеся содержанія арміи, велись его секретаремъ.

5-го іюня вышелъ Гарибальди изъ Комо, по прежнему продолжая безпокоить непріятеля. Захвативъ фортъ делла Рокка и овладѣвъ желѣзнодорожной станціей, онъ надѣлалъ много бѣдъ австрійцамъ тѣмъ, что отвѣчалъ по своему на перехваченныя телеграммы.

Изъ сраженій, данныхъ имъ австрійцамъ въ это время, особенно знаменито дѣло при Треонти. Это дѣло подготовило сраженіе при Сольферино, заставивъ непріятеля измѣнить прежній планъ дѣйствій. Побѣдою при Треонти завершилось участіе альпійскихъ охотниковъ въ кампаніи 59-го года.

Стоя въ сторонѣ отъ дипломатическихъ разсчетовъ союзниковъ, Гарибальди не подозрѣвалъ, что начавъ войну съ австрійцами, императоръ рѣшилъ остановиться на полпути. Не предполагая, что обѣщанное въ прокламаціяхъ Наполеона освобожденіе Италіи отъ Альпъ до Адріатики имѣло мало общаго съ его дѣйствительными намѣреніями, вождь волонтеровъ собирался идти на помощь Венеціи. Между тѣмъ отъ правительства послѣдовало распоряженіе, запрещавшее подъ какимъ бы то ни было предлогомъ переступать границы Тироля. Гарибальди получилъ приказъ идти обратно къ востоку съ цѣлью будто бы сразиться съ новой арміей—пруссаками, какъ значилось въ конфиденціальномъ сообщеніи. Повинуясь приказу, онъ предпринялъ движеніе на востокъ, но на всемъ пути не встрѣтилъ никакой арміи. Наконецъ къ нему явился въ качествѣ парламентера австрійскій офицеръ, привезшій съ собою уже подписанный договоръ о перемиріи. Теперь въ Пьемонтѣ ему дѣлать было нечего.

Въ то время, какъ сѣверная Италія служила театромъ войны съ австрійцами, въ Средней Италіи происходили волненія, вызванныя отозваніемъ австрійскихъ войскъ на сѣверъ для подкрѣпленія дѣйствующей арміи. Великій герцогъ Тосканскій бѣжалъ изъ своихъ владѣній, и страна готова была примкнуть къ Пьемонту въ борьбѣ за независимость. Точно также оставили

свои владѣнія герцогъ Моденскій и герцогиня Пармская. Въ Романьи удаленіе австрійцевъ привело немедленно къ ниспроверженію папской власти. Всюду раздавались голоса въ пользу присоединенія къ Пьемонту.

Гарибальди получилъ приглашеніе отъ временнаго правительства Тоскапы принять начальство надъ войсками. Съ другой стороны Кавуръ поручилъ ему объѣхать государства Средней Италіи и поднять народъ, такъ какъ трудно было ожидать болѣе благопріятной минуты для народнаго возстанія. Преслѣдуя послѣднюю цѣль, Гарибальди разстался со своимъ отрядомъ, при помощи котораго могъ бы сдѣлать чудеса, и отправился въ Модену.

Подводя итоги кампаніи 59-го года, Викторъ-Эмануилъ не могъ не оцѣнить заслугъ «предводителя альпійскихъ охотниковъ». Не взирая на протесты своихъ министровъ, онъ предложилъ ему званіе генералъ-лейтенанта. Увѣдомленный о королевской милости, Гарибальди написалъ письмо къ своему государю, въ которомъ въ почтительныхъ выраженіяхъ просилъ его отложить пока это назначеніе, могущее лишить его дорогой ему свободы дѣйствій.

Поѣздка Гарибальди по Средней Италіи служила блестящимъ доказательствомъ возрастающей популярности народнаго героя. Особенно трогательна была встрѣча, оказанная ему въ Романьи, жители которой 10 лѣтъ назадъ съ такой любовью и самоотверженіемъ оберегали его жизнь, когда, потерявъ жену, удрученный горемъ, преслѣдуемый врагами, онъ скрывался въ чащахъ Пинеты. Много старыхъ знакомыхъ, много дорогихъ лицъ и воспоминаній встрѣтилъ онъ въ этихъ краяхъ. Пребываніе его въ Равеннѣ носило характеръ настоящаго народнаго празднества; поѣздка его въ Пинету походила на тріумфальное шествіе. Въ Пинетѣ находилась могила незабвенной Аниты и къ этой могилѣ спѣшилъ Гарибальди. Въ глубинѣ лѣса, въ маленькой часовнѣ, съ трогательною торжественностью, въ присутствіи генерала и всей его семьи совершенъ былъ обрядъ погребенія надъ останками покойной, 10 лѣтъ ожидавшими послѣдняго благословенія. Изъ Равенны Гарибальди предпринялъ поѣздку въ Болонью; поѣздка эта сопровождалась еще большими овапіями, нежели предшествовавшая. Народъ буквально неистовствовалъ; изъ экипажа, въ полномъ смыслѣ слова засыпаннаго цвѣтами, были выпряжены лошади; ихъ замѣнили энтузіасты изъ толпы, оспаривавшіе другъ у друга честь везти своего идола; неумолкавшіе крики: «Evviva

Italia! evviva Garibaldi!» сопровождали его на протяженіи всего пути. Нелюбившій подобныхъ овацій, генералъ серьезно страдалъ отъ всего этого шума.—«Questo sono propriamente giornate dell'inferno» (это поистинѣ адскіе дни)! со вздохомъ говорилъ онъ своимъ спутницамъ.

Среди бурнаго ликованія толпы, среди всеобщаго восторга, тихою грустью повѣяло на героя отъ воспоминанія о вѣрномъ его спутникѣ, покойномъ Уго Басси, дѣлившимъ съ нимъ всѣ неимовѣрныя трудности похода черезъ Романью въ 49-мъ году. Въ то время товарищи Гарибальди, народный вождь Чигероваіо и священникъ Уго Басси не избѣгли мести австрійцевъ; оба были взяты въ плѣнъ и казнены.

Вызванный изъ-за стола во время одного изъ многочисленныхъ банкетовъ, Гарибальди вернулся совершенно разстроенный. Блѣдный, съ трудомъ подавляя свое волненіе, показалъ онъ окружающимъ только что врученныя ему четки, которыя велѣлъ передать ему на память Уго Басси, идя къ мѣсту казни съ окровавленными руками и лицомъ *).

Совершивъ задуманную поѣздку, Гарибальди занялся организаціей тосканской арміи, при помощи которой надѣялся возобновить военныя дѣйствія, прерванныя дѣломъ при Сольферино. Изъ Тосканы онъ съѣздилъ въ Комо, гдѣ обвѣнчался съ маркизою Раймонди, той самой красавицей, которая вручила ему письмо на дорогѣ изъ Милана въ Варезе. Браку этому не суждено было состояться фактически. Непосредственно послѣ обряда вѣнчанія, при выходѣ изъ церкви, Гарибальди было вручено письмо, въ которомъ сообщалось, что молодая жена его давно принадлежитъ другому и готовится быть матерью. Такъ какъ маркиза ничего не могла сказать въ свое оправданіе, то Гарибальди уѣхалъ немедленно съ тѣмъ, чтобы никогда болѣе не встрѣчаться съ ней. Впослѣдствіи онъ развелся съ маркизой и женился на простой крестьянкѣ.

Но не долго занималъ мысли героя этотъ печальный эпизодъ личной жизни. Ему готовилась обида гораздо болѣе чувствительная, надолго заглушившая въ немъ всякія личныя вопросы. Гарибальди узналъ объ уступкѣ французамъ Савои и Ниццы по Виллафранкскому договору.

---

*) Священникамъ было принято сдирать передъ казнью кожу съ рукъ и съ тонзуры.

Наполеонъ III предложилъ Виктору-Эмануилу присоединить къ своимъ владѣніямъ Парму съ Моденой и управлять Романьей въ качествѣ намѣстника папы, а въ Тосканѣ образовать отдѣльное правительство. Въ вознагражденіе за содѣйствіе онъ требовалъ исправленія французскихъ границъ присоединеніемъ къ Франціи Савои и Ниццы. Считая союзъ съ Наполеономъ необходимымъ условіемъ для осуществленія итальянскаго единства, Кавуръ согласился на его условія. Жителямъ Савои и Ниццы было объявлено согласіе короля на присоединеніе ихъ къ Франціи, и подъ давленіемъ правительства обѣихъ державъ, плебисцитъ высказался въ пользу присоединенія.

Переходъ во власть чужеземцевъ родного города, въ то время, какъ онъ столько лѣтъ своей жизни, всѣ помыслы свои, всѣ силы души положилъ на освобожденіе Италіи, казался Гарибальди дѣломъ вопіющей несправедливости, горькой ироніей судьбы, преступленіемъ со стороны людей, согласившихся на такое вопіющее насиліе. Ослѣпленный горемъ, будучи не въ силахъ снести обиду, явился онъ въ парламентъ въ качествѣ депутата отъ своей родины Ниццы и огласилъ палату воплями негодованія. Бросивъ Кавуру въ презрительно-негодующихъ выраженіяхъ обвиненіе въ лишеніи его отечества, онъ оставилъ залу засѣданія. Не смотря на внѣшнее хладнокровіе Кавура, въ блестящей рѣчи оправдавшаго свою политику, оскорбительныя слова Гарибальди глубоко запали въ душу министра. Спустя годъ, лежа на смертномъ одрѣ, Кавуръ съ горестью вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ.—«Поступокъ мой, прорывшій между нами такую пропасть, говорилъ онъ,—былъ самымъ тяжелымъ событіемъ моей жизни. По тому, что я чувствовалъ самъ, я знаю, что долженъ былъ чувствовать Гарибальди. Если онъ отказываетъ мнѣ въ прощеніи, я не могу упрекать его за это». Разочарованный въ своихъ ожиданіяхъ, Гарибальди удалился на свой скалистый островъ, гдѣ могъ на свободѣ отдаться своему горю.

Капрера принадлежитъ къ многочисленной группѣ мелкихъ острововъ, окружающихъ сѣверный берегъ Сардиніи у входа въ проливъ Бонифаціо; узкій рукавъ Монетта отдѣляетъ ее отъ острова Мадалены. Съ восточной стороны островъ представляетъ колоссальную сплошную стѣну, родъ ширмы чудовищныхъ размѣровъ, въ мрачномъ величіи поднимающуюся изъ лона водъ; на западѣ гранитныя глыбы нагромождены одна на другую точно послѣ взрыва гигантской мины. Спускаясь отвѣсными террасами,

онѣ образуютъ обширный амфитеатръ, нижнія ступени котораго омываются морскими волнами. Однообразные сѣрые и бѣловатые тоны гранитныхъ твердынь слегка оживляются лишь тощими мастиковыми и миртовыми деревьями и деревцами толокнянки. Печально высматриваютъ эти хилые представители растительнаго царства. Низко клонятъ они къ востоку жалкіе, искривленные стволы свои, пригибаемые къ землѣ напоромъ сирокко, со страшною силою врывающагося въ проливъ Бонифацію. Вой и свистъ непрерывно дующаго вѣтра сливается съ прибоемъ волнъ въ дикую, поющую мелодію, и еще мрачнѣе, еще тоскливѣе отъ этого на островѣ. Въ былыя времена печальное уединеніе Капреры отъ времени до времени нарушалось видомъ пакетботовъ, проходившихъ мимо изъ Леванта и заходившихъ въ маленькую гавань Маддалены. Теперь же, когда на островѣ поселился Гарибальди, онъ былъ лишенъ и этого развлеченія, и пустынные берега Капреры лишь изрѣдка посѣщались искателями коралловъ, причаливавшими сюда свои лодки для короткаго отдыха. Разъ въ недѣлю почтовый пароходъ заходилъ въ опустѣвшую гавань Маддалены и составлялъ единственное сообщеніе острова съ материкомъ.

На этомъ-то дикомъ, непривѣтномъ утесѣ основалъ Гарибальди свое уединенное жилище, выбравъ для него наиболѣе живописное мѣстоположеніе и съ любовью руководя работами по его устройству. Изящно сложенный изъ гранита въ стилѣ южноамериканскихъ построекъ, домикъ состоялъ изъ одного этажа съ плоскою крышею и маленькимъ бельведеромъ, который заканчивался красивымъ куполомъ. Съ западной стороны въ разстояніи нѣсколькихъ саженей отъ дома возвышалась мельница, работавшая исключительно на единственнаго владѣльца острова. Внутренность дома состояла изъ двухъ комнатъ и кухни; убранство его отличалось крайней простотой, близко граничившей съ бѣдностью. Одна изъ комнатъ служила одновременно спальней и рабочимъ кабинетомъ Гарибальди. Подъ поломъ этой комнаты была устроена небольшая цистерна, за неимѣніемъ на островѣ другой воды, годной для питья. Отверстіе цистерны приходилось подъ кроватью и сырыя испаренія, поднимавшіяся изъ подъ пола, много содѣйствовали развитію ревматическихъ болей, которыя Гарибальди вывезъ еще изъ Америки и которыми онъ такъ страдалъ особенно въ послѣдніе годы жизни. Кровать съ тюфякомъ, до того жесткимъ, что на немъ могъ спать только неприхотливый его владѣлецъ, столъ, старое кресло и сундучокъ, гдѣ хра-

нились бумаги, составляли все убранство комнаты. Надъ кроватью висѣлъ портретъ «дорогой старушки-матери». Единственнымъ предметомъ роскоши среди этой убогой обстановки служила небольшая, толково составленная библіотека, по преимуществу изъ хорошихъ серьезныхъ книгъ. Между солидными англійскими сочиненіями по навигаціи и тактикѣ здѣсь встрѣчались творенія Шекспира, Байрона, Юнга, Гумбольдта, Плутарха, Боссюэта и т. д. Въ другой, болѣе просторной комнатѣ стояли три желѣзныя кровати для друзей, иногда пріѣзжавшихъ погостить у героя. Здѣсь-же помѣщался Фрусціанте, бывшій священникъ, ставшій послѣ защиты Рима factotumомъ Гарибальди. Эта вторая комната была убрана разнообразнымъ иностраннымъ оружіемъ—военными трофеями хозяина, и нѣсколькими знаменами, между которыми особенно выдавалось черное шелковое съ изображеніемъ Везувія, пожалованное итальянскому легіону послѣ сраженія подъ Сантъ-Антоніо. Въ помѣщавшейся у самаго дома маленькой желѣзной постройкѣ, похожей на тѣ передвижные домики, которые возятъ съ собой американскіе піонеры, жилъ Джіованни Бассо, секретарь и вмѣстѣ казначей Гарибальди. Онъ познакомился съ послѣднимъ во время его путешествій въ Китай, сильно привязался къ нему, послѣдовалъ за нимъ въ Европу и навсегда остался при немъ. Недалеко отъ дома находилась деревянная хижина, первое временное жилище Гарибальди на Капрерѣ, гдѣ теперь помѣщалось около тридцати овецъ и нѣсколько коровъ вмѣстѣ со своимъ пастухомъ. Наконецъ въ небольшой пристройкѣ, называемой Ватиканомъ, обиталъ старый оселъ, по мысли Фрусціанте названный Pio Nono. Бывшій священникъ приносилъ ему ежедневно нѣсколько пучковъ травы, которые назывались лентою св. Петра. Подлѣ дома находился большой, тщательно обработанный участокъ земли, гдѣ кромѣ разнообразныхъ овощей росли кипарисныя, миндальныя, грушевыя и каштановыя деревья въ сосѣдствѣ съ нѣсколькими яблонями и виноградными лозами; гдѣ воздѣлывался даже прихотливый сахарный тростникъ. Это пространство было огорожено заборомъ, сложеннымъ изъ камней, не связанныхъ цементомъ и предназначеннымъ для защиты плантацій отъ нашествія дикихъ быковъ и цѣлаго племени низкорослыхъ дикихъословъ, населявшихъ Капреру. Эту стѣну сложилъ Гарибальди съ помощью своихъ товарищей по оружію, экъ-офицеровъ альпійскихъ охотниковъ. Пріѣзжая погостить у

своего вождя и заставая его неизмѣнно за работой, они покорно слѣдовали примѣру хозяина, брались за тачку и свозили груды камней, изъ которыхъ складывалась стѣна. Разведя виноградную лозу, Гарибальди счелъ нужнымъ заняться винодѣліемъ. Съ наслажденіемъ попивалъ онъ свое самодѣльное вино, находя его безподобнымъ и любезно потчуя имъ своихъ гостей. Пробуя это до невозможности кислое питье, никто однако не рѣшался сдѣлать вполнѣ простительную гримасу,—такъ велика была радость хозяина, когда хвалили вино его лозъ. Охота запрещалась на Капрерѣ; гуманное чувство хозяина не допускало этой варварской по его мнѣнію забавы. Иногда однако Гарибальди продавалъ мяснику одного или двухъ дикихъ быковъ, которыхъ ловилъ самъ при помощи лассо. Тогда на Капрерѣ появлялась говядина. Въ остальное время питались рыбой, которая въ изобиліи ловилась по берегамъ острова. Такимъ образомъ, поселившись на угрюмомъ, пустынномъ островкѣ съ безплодною почвою, едва способною питать растущія на ней жалкія деревца, Гарибальди въ нѣсколько лѣтъ упорнаго труда съумѣлъ прекрасно устроить свое маленькое хозяйство и чувствовалъ себя вполнѣ счастливымъ въ обществѣ своихъ артишоковъ, спаржи и арбузовъ. Между тѣмъ наступала весна 1860 года, а съ нею новыя событія на материкѣ и новые тріумфы для скромнаго землевладѣльца Капреры.

ГЛАВА V.

Экспедиція «тысячи.»

Медлительность турпнскаго правительства. — Вызванныя ею волненія.— Возстаніе въ Сициліи. – Планъ Гарибальди. - Взглядъ Кавура на сицилійскія волненія.—Письмо Мадзини.— Францискъ II, король неаполитанскій.— Гарибальди на виллѣ Спинола. — Письмо Гарибальди къ Виктору-Эмануилу.—Отъѣздъ экспедиціи въ Сицилію.—Тысяча.—Прибытіе въ Марсалу. — Каталафими. — Палермо. - - Свиданіе на кораблѣ «Ганнибалъ». — Генералъ Боско.—Капитуляція.—Новые волонтеры.—Отзывъ Виктора Гюго о Гарибальди.—Милаццо. —Мессина.—Письмо короля.—Неудавшаяся экспедиція въ Папскую область.

Вслѣдъ за миромъ въ Вилафранкѣ турпнское правительство, судя по его упорному молчанію, казалось, намѣрено было остановиться на полдорогѣ въ вопросѣ объединенія страны. Придерживаясь своей осторожной политики, Кавуръ боялся слишкомъ быстро идти къ цѣли, хотя и рѣшилъ мысленно, что до Вилафранкскаго мира объединеніе Италіи было возможно, но послѣ него стало необходимо. Опасаясь потерять союзника въ лицѣ императора французовъ, онъ избѣгалъ всякаго смѣлаго шага и на этомъ основаніи отвергъ планъ Мадзини, предлагавшаго ему возбудить одновременно возстаніе въ Неаполѣ и Римѣ и, занявъ послѣдній, сразу покончить дѣло объединенія. Въ Италіи политика Кавура возбудила недовольство среди партіи дѣйствія и вызывала волненія. Всюду замѣчались явные признаки броженія, предвѣщавшіе грозу. Въ то время какъ Гарибальди потребовалъ въ парламентѣ преданія суду Кавура за уступку Савои и Ниццы, въ Сициліи вспыхнуло возстаніе. Оно было подавлено неаполитанскимъ правительствомъ, но волненіе не улеглось и грозило разразиться новыми безпорядками. Еще раньше, Гарибальди обѣщалъ нѣкоторымъ друзьямъ своимъ, уроженцамъ Сициліи, принять участіе въ возстаніи ихъ соотечественниковъ, какъ только

они поднимутъ оружіе противъ неаполитанскаго правительства. Дѣятельная помощь сицилійцамъ вытекала изъ плана, который составилъ Гарибальди—расшатать абсолютизмъ тамъ, гдѣ онъ былъ сильнѣе всего, т. е. въ Неаполѣ и въ Римѣ. Примыкая къ возстанію въ Сициліи, онъ собирался возбудить одновременно возстаніе въ Папской области и въ Неаполитанскомъ королевствѣ. Съ этой цѣлью онъ думалъ организовать въ различныхъ пунктахъ страны небольшіе революціонные очаги, чтобы не дать противникамъ возможности сосредоточить свои силы въ одномъ мѣстѣ.

Создавая этотъ планъ, Гарибальди ни въ какомъ случаѣ не могъ надѣяться осуществить его собственными средствами и потому разсчитывалъ на содѣйствіе туринскаго правительства. Но Кавуръ смотрѣлъ на дѣло со своей точки зрѣнія и рѣшилъ пока не помогать партіи дѣйствія въ ея начинаніяхъ, но и не ставить ей никакихъ преградъ; боясь смутить своего союзника доброжелательнымъ отношеніемъ къ ненавистной ему партіи, онъ дѣлалъ видъ, что всѣми силами преслѣдуетъ сторонниковъ революціоннаго направленія. Поставленный между двухъ огней, министръ Виктора-Эмануила взялъ на себя трудную, быть можетъ ему одному посильную задачу—направить къ общей цѣли революцію и дипломатію, то пользуясь услугами первой, то сдерживая ее, когда она грозила повредить его добрымъ отношеніямъ къ союзнику, взявшему теперь подъ свое явное покровительство папу и его престолъ.

При такомъ положеніи дѣлъ побѣды Гарибальди въ 1859 году и его постоянно возраставшая популярность сильно заставляли задумываться туринскаго дипломата. У него возникало опасеніе, что разъ выйдя изъ повиновенія, Гарибальди, при своемъ стремленіи немедленно довести дѣло до конца, пойдетъ въ разрѣзъ съ его политикой и погубитъ дѣло родины. Кавуръ не одобрилъ плана Гарибальди. На возстаніе въ Сициліи онъ смотрѣлъ совершенно своеобразно, находя, что оно случилось весьма кстати для Пьемонта, отъ котораго отвлекло безпокойные элементы. «Сицилія, говорилъ онъ,—это фонтанель, куда направляется все вредное для Пьемонта». Не менѣе Гарибальди и Мадзини желая объединенія Италіи, Кавуръ хотѣлъ въ то-же время, чтобы оно совершилось постепенно и медленно, по возможности мирнымъ путемъ и во всякомъ случаѣ безъ потрясеній; вотъ почему проэкты революціонныхъ вождей не находили въ немъ сочувствія. Съ своей стороны и Викторъ-Эмануилъ, съ

недовѣріемъ относившійся къ грандіознымъ планамъ Гарибальди не подавалъ ему ни малѣйшей надежды на поддержку.

При такомъ отношеніи туринскаго правительства Мадзини и Гарибальди рѣшили на свой страхъ продолжать дѣло Италіи. Мадзини написалъ письмо на имя одного изъ своихъ друзей, который долженъ былъ вручить его королю Пьемонта. Въ письмѣ этомъ онъ убѣждалъ Виктора-Эмануила оказать терпимость его партіи, не препятствуя членамъ ея дѣйствовать среди народа; онъ просилъ поддержать Гарибальди въ борьбѣ за независимость Италіи и помочь ему въ случаѣ, если одна изъ державъ выступитъ на защиту короля неаполитанскаго. Съ своей стороны бывшій диктаторъ обѣщалъ королю сохранить въ строгой тайнѣ его содѣйствіе, разжечь возстаніе въ Сициліи и Неаполѣ, по присоединеніи которыхъ къ Пьемонту объединеніе совершится само собою безъ всякихъ затрудненій. Въ концѣ письма Мадзини предостерегалъ короля, говоря, что броженіе умовъ, вызванное его медлительностью, начинаетъ грозить анархіей, что къ тому же военный энтузіазмъ, благодаря бездѣятельности, въ которой оставляютъ народъ, начинаетъ слабѣть, отчего дѣло родины можетъ быть проиграно. Мало разсчитывая на сочувствіе туринскаго правительства, въ которомъ онъ разочаровался уже раньше, Мадзини распустилъ прокламаціи, обращенныя къ сицилiанцамъ, съ цѣлью подготовить послѣднихъ къ прибытію Гарибальди. Въ это время капрерскій отшельникъ, развязавшій себѣ руки отклоненіемъ королевской милости, задался цѣлью набрать необходимое оружіе и обучить солдатъ для борьбы за независимость. Онъ примкнулъ къ обществу «Вооруженной націи», а затѣмъ, когда вслѣдствіе правительственныхъ репрессій она распалась и возродилась въ обществѣ «Подписка на милліонъ ружей», сдѣлался членомъ послѣдняго.

Не смотря на преслѣдованія, начатыя дипломатіей противъ «Вооруженной нации», не смотря на неодобреніе, съ какимъ отнесся Кавуръ къ плану дѣйствій, выработанному въ совмѣстныхъ совѣщаніяхъ Мадзини, Гарибальди и Ратацци, большая часть политическихъ изгнанниковъ, не устрашившись антиреволюціонныхъ вѣяній, вернулась въ Италію. Они-то взяли на себя руководящую роль въ дѣлѣ приготовленія возстанія въ Неаполѣ и Сициліи.

Въ то время королевствомъ обѣихъ Сицилій управлялъ Францискъ II Бурбонъ, сынъ Фердинанда II, своимъ управленіемъ заслужившаго презрительную кличку *короля-бомбы*. Вѣрный

традиціонной политикѣ своей династіи, возбудившей къ себѣ общую ненависть, юный король ко всѣмъ порокамъ своихъ предшественниковъ присоединялъ еще чрезвычайную нерѣшительность. Отсутствіе характера выражалось у него въ постоянныхъ колебаніяхъ и переходахъ отъ уступокъ и либеральныхъ реформъ къ самымъ тяжелымъ репрессіямъ, къ звѣрски-жестокой расправѣ съ непокорными. Мѣры правительства вызывали возстанія, особенно частыя въ послѣднее время. Тогда начиналась расправа, сопровождаемая кровавыми сценами, трудно поддающимися описанію.

Гарибальди поселился на виллѣ Спинола, недалеко отъ Генуи, и занялся приготовленіями къ экспедиціи. Со всѣхъ концовъ стекались къ Гарибальди волонтеры и вскорѣ число ихъ возросло до тысячи. Гарибальди стоило неимовѣрныхъ усилій собрать вооруженіе, достаточное для экспедиціи. Наконецъ покончивъ съ главными приготовленіями, онъ объявилъ 4-го мая, что думаетъ выступить на другой день. Ко дню отъѣзда онъ приготовилъ нѣсколько писемъ, изъ которыхъ одно было адресовано къ Виктору-Эмануилу, другое—къ пьемонтской арміи. Онъ убѣждалъ послѣднюю честно служить королю, который «только временно подчинился вліянію своихъ приближенныхъ и вскорѣ приведетъ армію къ окончательной побѣдѣ». Два письма были адресованы друзьямъ героя, получившимъ порученіе возбуждать возстаніе въ народѣ, и наконецъ послѣднее—къ владѣльцамъ захваченныхъ пароходовъ—заключало въ себѣ извиненіе въ нанесенномъ имъ ущербѣ и обѣщаніе со временемъ возмѣстить всѣ убытки. Виктору Эмануилу Гарибальди писалъ между прочимъ слѣдующее:

«Государь! Вопль—*помогите*—разразившійся въ Сициліи тронулъ мое сердце и сердца нѣсколькихъ сотъ моихъ прежнихъ солдатъ. Я не совѣтовалъ моимъ братьямъ въ Сициліи поднимать возстаніе; но съ тѣхъ поръ, какъ они возмутились во имя представляемаго Вами итальянскаго единства противъ постыднѣйшей тираніи нашего времени, я не задумался стать во главѣ экспедиціи. Если мы побѣдимъ, я надѣюсь, что Италія и Европа не забудутъ, что это предпріятіе было внушено самымъ великодушнымъ порывомъ патріотизма. Если мы будемъ побѣдителями, мнѣ достанется слава украсить Вашу корону новою и, можетъ быть наиболѣе цѣнною изъ ея жемчужинъ съ тѣмъ единственнымъ однако условіемъ, что Вы никогда не позволите своимъ совѣтникамъ передать ее чужестранцамъ, какъ было поступлено съ моимъ роднымъ городомъ».

5-го мая съ большими предосторожностями, пароходы «Пьемонтъ» и «Ломбардо» вышли изъ Генуэзской гавани, увозя съ собою Гарибальди и тысячу семьдесятъ человѣкъ волонтеровъ.

Никто кромѣ вождя экспедиціи не зналъ, куда она собственно направляется. По пути зашли въ небольшую тосканскую гавань, гдѣ захватили четыре орудія и нѣсколько боченковъ съ порохомъ; здѣсь же высадилась часть экспедиціи, которой было поручено возбудить возстаніе въ Папской области. Затѣмъ была сдѣлана перекличка оставшимся волонтерамъ; ихъ оказалась тысяча и съ этихъ поръ явилось названіе *«Экспедиціи тысячи»*. Не смотря на всѣ принятыя предосторожности, объ экспедиціи знала уже вся Европа и общее вниманіе было направлено на нее. По пути въ Сицилію, взадъ и впередъ крейсировали неаполитанскія суда, отправленныя съ цѣлью помѣшать высадкѣ гарибальдійцевъ. Чтобы избѣгнуть непріятной встрѣчи Гарибальди направился перпендикулярно тому направленію, въ которомъ слѣдовало идти въ Сицилію и пошелъ прямо къ берегамъ Африки, а затѣмъ неожиданно повернулъ къ сѣверо-востоку по направленію къ Марсалѣ. Недалеко отсюда встрѣтилъ онъ неаполитанское военное судно и ловкимъ маневромъ выигралъ цѣлый часъ времени, втеченіе котораго успѣлъ войти въ рейдъ Марсалы и разгрузиться. Когда же неаполитанскій пароходъ вошелъ въ рейдъ и началъ пальбу, почти всѣ волонтеры были уже на берегу. Пріемъ, встрѣченный гарибальдійцами въ Марсалѣ, былъ холоденъ. Возможно, что такое равнодушіе объяснялось страхомъ передъ стоявшимъ на рейдѣ неаполитанскимъ судномъ. Вскорѣ послѣднее прекратило пальбу и ушло обратно въ море. Гарибальди направился въ Палермо. Онъ распустилъ прокламацію, въ которой объявлялъ себя диктаторомъ острова отъ имени Виктора-Эмануила, короля Италіи. Вскорѣ примкнула къ нему толпа инсургентовъ, вооруженныхъ кто охотничьимъ ружьемъ, кто пикой, кто просто саблей. Это были люди, отозвавшіеся на недавнее возстаніе въ Палермо и теперь готовые сражаться подъ знаменемъ героя.

Къ двѣнадцати часамъ дня съ высоты холма гарибальдійцы увидѣли Каталафими и вблизи его расположенный по склону горы пятитысячный отрядъ неаполитанцевъ. При первомъ натискѣ неаполитанцевъ гарибальдійцы бросились въ штыки. Этотъ маневръ всегда удавался имъ, и теперь, не смотря на свою численность, неаполитанцы съ генераломъ Ланди во главѣ, были разбиты на голову. Ланди очистилъ Каталафими и ушелъ въ Палермо. По дорогѣ войска его оставляли за собой изуродованные трупы, дымящіяся развалины и вопли отчаянія. Они грабили города и безчеловѣчно предавали смерти жителей. 17-го мая

Гарибальди вышелъ со своей арміей изъ Каталафими. Видъ разрушенія и отчаянія, въ которое была повержена страна бурбонскими войсками, еще болѣе разжигалъ мужество волонтеровъ. Число ихъ росло съ каждымъ днемъ, ряды пополнялись постоянно прибывавшими инсургентами. Приходя въ разграбленные города, они погребали убитыхъ, приносили утѣшеніе оставшимся въ живыхъ. Водворивъ порядокъ въ городѣ Партинико, оказавшемъ сопротивленіе австрійскимъ войскамъ и потому пострадавшемъ болѣе другихъ, Гарибальди направился въ Палермо.

Благодаря революціонному комитету, сообщившему ему подробныя свѣдѣнія, онъ въ точности зналъ число непріятельскихъ войскъ, сосредоточенныхъ въ городѣ; ихъ было по крайней мѣрѣ пятнадцать тысячъ подъ начальствомъ генерала Боско. Гарибальди расположился въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Палермо. Держась партизанской тактики, онъ растянулъ свои войска въ виду города въ длинную линію, за которой можно было предположить многочисленные отряды. Снизу нельзя было разглядѣть что дѣлалось за аванпостами, нельзя было составить себѣ понятіе о численности арміи волонтеровъ. Гарибальди составилъ планъ отвлечь отъ Палермо большую часть войскъ и въ ихъ отсутствіи овладѣть городомъ. Генералъ Боско поддался обману и бросился въ погоню за отряженными для этой цѣли инсургентами, предполагая, что это и есть главная армія гарибальдійцевъ. Войска встрѣтились возлѣ села Парко; до наступленія ночи длилось сраженіе, но непріятель не могъ одолѣть волонтеровъ. Пострадавшіе уже подъ Каталафими бурбонскіе солдаты, начинали приходить въ уныніе отъ столькихъ неудачъ. Ночью Гарибальди раздѣлилъ свой отрядъ на двѣ колонны, изъ которыхъ одна двинулась вглубь страны, увлекая за собою Боско, другая же, предводимая имъ самимъ, направилась къ Палермо. Теперь городъ былъ лишенъ большей части своихъ защитниковъ. Подойдя къ нему, Гарибальди сдѣлалъ смотръ своему отряду. «Завтра, сказалъ онъ волонтерамъ, —я буду въ Палермо, или меня не будетъ въ живыхъ».

Подъ вечеръ 27-го мая, какъ только сгустились сумерки, отдѣльныя маленькія группы волонтеровъ осторожно спустились къ дорогѣ, ведущей въ городъ съ восточной стороны. Спокойно дремала стража; ничто не возбуждало ея бдительности. Вдругъ съ крикомъ: «Италія! Италія!» Гарибальди ударилъ въ атаку и, опрокинувъ стражу, понесся по мосту. Мгно-

венно со всѣхъ сторонъ завязался бой. Только темнота ночи спасала волонтеровъ отъ гибели. Проникнувъ въ городскія ворота, Гарибальди клиномъ врѣзался въ городъ, гоня передъ собой обезумѣвшихъ отъ внезапнаго нападенія бурбонскихъ солдатъ. Казармы св. Антонія, гдѣ они искали спасенія, были взяты приступомъ. Къ серединѣ дня гарибальдійцы овладѣли городской ратушей и итальянскій флагъ взвился на башняхъ собора и на публичныхъ зданіяхъ. Городскіе жители, до сихъ поръ довольствовавшіеся пассивной ролью зрителей, увидя своихъ земляковъ, поддались общему энтузіазму. Въ воздухѣ стоялъ стонъ отъ криковъ «evviva l'Italia!» и вскорѣ улицы Палермо огласились побѣдными пѣснями.

Между тѣмъ въ непріятельскомъ лагерѣ обнаружились признаки деморализаціи; многіе солдаты дизертировали и присоединялись къ волонтерамъ.

Видя невозможность справиться съ возстаніемъ, генералъ Ланца обмѣнялся нѣсколькими телеграммами съ Франциской II и получилъ отъ него приказъ капитулировать. Конвенція была подписана, и съ этихъ поръ Гарибальди имѣлъ право смотрѣть на Сицилію, какъ на землю, вошедшую въ составъ «единой Италіи». Дѣло освобожденія не встрѣчало болѣе преградъ на островѣ. Неаполитанскія войска очистили городъ и размѣстились на судахъ, стоявшихъ на рейдѣ, чтобы отправиться обратно въ Неаполь. Для жителей Палермо тревожные, печальные дни смѣнились общимъ ликованіемъ. Городъ былъ великолѣпно иллюминованъ, и всюду развѣвалось трехцвѣтное знамя. Въ главной квартирѣ шла усиленная работа по внутренней организаціи страны, придумывались средства для облегченія участи вдовъ и сиротъ погибшихъ за дѣло свободы.

Между тѣмъ изъ Италіи притекали денежныя средства, прибывали новые волонтеры. Послѣднихъ встрѣчали съ распростертыми объятіями; диктаторъ, болѣе всего нуждавшійся въ хорошо вооруженныхъ воинахъ, съ радостью зачислялъ ихъ въ ряды своей арміи. Побѣды «тысячи» вызвали всеобщее сочувствіе и за предѣлами родины; всѣ націи отозвались на нихъ посильною помощью людьми и деньгами. Лучшіе защитники всемірной свободы зорко слѣдили за событіями въ Сициліи и при первой возможности стекались подъ знамена Гарибальди. Они бросали доходныя должности, выгодное положеніе и приходили умирать вмѣстѣ съ итальянскими патріотами.

Викторъ Гюго на островѣ Джерси произнесъ блестящую рѣчь, въ которой выяснялъ жителямъ острова значеніе недавнихъ событій въ Италіи:

«Что такое Гарибальди? спрашивалъ онъ. Человѣкъ, ничего болѣе. Но человѣкъ въ самомъ высокомъ смыслѣ этого слова. Человѣкъ свободы, человѣкъ человѣчности. Vir, какъ назвалъ бы его соотечественникъ его Виргилій. Есть у него армія? Нѣтъ. Только горсть волонтеровъ. Боевые запасы? Нѣтъ пхъ. Порохъ? Нѣсколько бочекъ. Орудія? Взятыя у непріятеля. Въ чемъ его сила? Что доставляетъ ему побѣду? Что стоитъ за него? Душа народовъ».

Иначе относились повидимому къ успѣхамъ Гарибальди въ Туринѣ. Вскорѣ появился изданный Кавуромъ циркуляръ, которымъ воспрещалась дѣятельность всѣхъ комитетовъ, созданныхъ для вербовки волонтеровъ. Съ этихъ поръ всѣ желавшіе придти на помощь Гарибальди должны были отправляться въ Сицилію по одиночкѣ и съ соблюденіемъ строгой тайны. Тѣмъ не менѣе въ половинѣ августа въ арміи Гарибальди насчитывалось уже $16^1/_2$ тысячъ солдатъ и офицеровъ. Въ этомъ случаѣ какъ и всегда Кавуръ оставался вѣренъ своей политикѣ; циркуляръ, такъ рѣзко выражавшій порицаніе экспедиціи, былъ изданъ лишь съ цѣлью отвести глаза кому слѣдуетъ. Въ сущности же министръ не только не препятствовалъ, но даже много содѣйствовалъ дѣлу гарибальдійцевъ различными тайными распоряженіями.

Въ половинѣ іюня Гарибальди съ частью волонтеровъ и полевою батареею отправился моремъ въ Милаццо на помощь Медичи, осадившему городъ и оттѣсненному затѣмъ генераломъ Боско. Высадившись въ Лимери, въ близкомъ разстояніи отъ Милаццо, Гарибальди приготовился къ немедленной атакѣ. Замѣтивъ, что успѣхъ начинаетъ клониться въ сторону противника, онъ спѣшитъ къ морю, пробирается на свое судно, самъ наводитъ орудіе на правое крыло неаполитанцевъ и такимъ образомъ отвлекаетъ отъ своего центра наиболѣе опасныя для него крѣпостныя орудія. Убѣдившись, что хитрость его удалась, онъ снова возвращается на прежнее мѣсто, чтобы за неимѣніемъ лошади, убитой подъ нимъ, сражаться пѣшкомъ въ рядахъ своихъ храбрыхъ волонтеровъ.

Наконецъ 23 іюля показались на рейдѣ нѣсколько судовъ и между ними неаполитанскій паровой фрегатъ съ поднятымъ на фокъ-мачтѣ парламентерскимъ флагомъ. Крѣпость Милаццо со всѣми боевыми запасами, съ провіантомъ и всѣмъ инвентаремъ передана была Гарибальди; неаполитанское войско должно было очистить крѣпость и уплыть на судахъ, стоявшихъ на рейдѣ. Кромѣ того было обѣщано прекращеніе на два мѣсяца

враждебныхъ дѣйствій противъ гарибальдійцевъ, какъ въ Сициліи, такъ и во всемъ Неаполитанскомъ королевствѣ.

Вскорѣ по очищеніи Милаццо сдалась и Мессина. Сдача послѣдней произошла безъ всякаго бою по конвенціи, заключенной съ комендантомъ. Въ силу той-же конвенціи, заключенной съ комендантомъ Мессины, Гарибальди предоставлена была и цитадель Сиракузы. Съ этихъ поръ Сицилія могла себя считать окончательно избавленной отъ гнета неаполитанскаго тирана. Здѣсь все было уже сдѣлано, и театръ военныхъ дѣйствій предстояло перенести въ Калабрію.

28-го іюля Гарибальди отправился къ Мессинскому маяку, чтобы распорядиться приготовленіями къ переправѣ на материкъ. Отправляясь 5-го мая во главѣ «тысячи» въ Сицилію, Гарибальди имѣлъ въ виду снарядить еще другую экспедицію, въ Папскую область. Такимъ образомъ онъ думалъ сразу покончить съ владѣніями папы и короля обѣихъ Сицилій. Но какъ ни практиченъ казался этотъ планъ его автору, онъ однако не совпадалъ съ видами будущаго короля Италіи и окружавшихъ его политиковъ. Думая остановить побѣдное шествіе народнаго героя, Викторъ-Эмануилъ отправилъ къ нему письмо, въ которомъ въ дружескихъ выраженіяхъ совѣтовалъ ему отказатся отъ высадки на континентъ. Письмо короля заканчивалось знаменательными словами: «Слѣдуйте моему совѣту, генералъ, вы увидите, какъ онъ полезенъ для Италіи, которой вы дадите возможность еще болѣе подняться во мнѣніи Европы, показавъ, что, умѣя побѣждать, она умѣетъ благоразумно пользоваться плодами своихъ побѣдъ». Такого-же мнѣнія держался и Кавуръ. Подъ давленіемъ французскаго императора, настоятельно требовавшаго отъ правительствъ Пьемонта, Неаполя и Англіи, чтобы положенъ былъ предѣлъ успѣхамъ Гарибальди и приняты мѣры противъ распространенія возстанія на материкѣ, онъ рѣшилъ помѣшать готовившейся экспедиціи въ Папскую область.

Глубоко огорченный недоброжелательнымъ отношеніемъ къ нему правительства, Гарибальди однако не склонился подъ гнетомъ неблагопріятныхъ условій и твердо рѣшилъ, вопреки всѣмъ препятствіямъ, собственными усиліями достигнуть намѣченной цѣли. На письмо Виктора Эмануила, онъ отвѣчалъ, что на этотъ разъ къ сожалѣнію долженъ оказать ему неповиновеніе: «Народъ зоветъ меня, писалъ онъ,—и я нарушу свой долгъ, если не откликнусь на его призывъ».

ГЛАВА VI.

Гарибальди въ Неаполѣ.

Планъ высадки.—Фаро.—Гарибальдійское войско, его внѣшній видъ, вооруженіе и внутренняя организація.—Взятіе Реджіо.—Походъ въ Неаполь.—Письмо Франциска II.—Борьба партій въ Неаполѣ.—Отъѣздъ короля въ Капую.—Въѣздъ Гарибальди въ Неаполь.—Народныя овація.—Первыя распоряженія диктатора.—Мадзини.—Падре Гавацци.—Празднество въ Сантефе.—Сраженіе при Волтурно.—Появленіе пьемонтскихъ войскъ въ Абруццахъ.—Несправедливыя обвиненія.—Свиданіе въ Теано.—Капитуляція Капуи.—Плебисцитъ.—Въѣздъ короля въ Неаполь.—Принятіе власти Викторомъ-Эмануиломъ.—Отъѣздъ Гарибальди.—Прощаніе съ волонтерами.—Прокламація.

Каждое утро, вставая по своему обыкновенію на зарѣ, Гарибальди отправлялся на Фаро (мессинскій маякъ). Здѣсь, взобравшись на башню маяка, онъ обдумывалъ подробности переправы на материкъ. Гарибальди любилъ эти утреннія прогулки, онѣ давали ему нѣсколько часовъ покоя и уединенія. Всякій разъ, когда у него назрѣвалъ планъ какого-нибудь важнаго предпріятія, онъ выбиралъ для своихъ прогулокъ гдѣ-нибудь по сосѣдству возвышенное мѣсто съ широкимъ горизонтомъ и живописнымъ видомъ и здѣсь въ тиши уединенія обдумывалъ подробности предстоящаго дѣла. Но поѣздки на Фаро имѣли для Гарибальди еще и другое значеніе: въ его присутствіи быстрѣе подвигались подготовительныя работы, имѣвшія цѣлью облегчить переправу на материкъ.

Почти каждый день сюда приставали суда съ войсками и военными снарядами. Оригинальную и пеструю картину представляли эти войска живописнымъ разнообразіемъ своихъ костюмовъ. Благодаря той спѣшности, съ какою производилось ихъ обмундированіе, не могъ быть принятъ никакой общій образецъ. По большей части въ этомъ вопросѣ предоставленъ былъ полный про-

сторъ личной фантазіи непосредственнаго начальника. Здѣсь смѣшивались красныя, бѣлыя, синія кепи, круглыя шляпы à la Гарибальди; сѣрыя, красныя фланелевыя, бумажныя и полотняныя блузы. Костюмъ самого Гарибальди состоялъ изъ красной рубашки, голубовато-сѣрыхъ брюкъ, небрежно повязаннаго шейнаго платка, венгерской шапочки и бѣлаго пончо. Въ вооруженіи войска замѣчалась та же пестрота какъ и обмундировкѣ. По образчикамъ различныхъ эпохъ и различныхъ системъ, тутъ можно было прослѣдить всю исторію успѣховъ огнестрѣльнаго дѣла, начиная отъ ружей съ кремневымъ замкомъ, передѣланнымъ въ ударныя, и оканчивая энфильдскими швейцарскими винтовками.

Не меньшею оригинальностью отличалась и внутренняя организація войска. Здѣсь не было полныхъ и правильныхъ списковъ и перекличекъ, присягу Гарибальди рѣшительно отвергалъ; внѣшнія мѣры для поддержанія порядка и дисциплины вполнѣ отсутствовали. Еще свободнѣе были офицеры: каждый находился гдѣ хотѣлъ, и нѣкоторыя роты въ самыя рѣшительныя и трудныя минуты не знали, гдѣ ихъ предводители и не заботились объ этомъ. Составъ войска былъ самый разнообразный: адвокаты, медики, студенты, купцы, ремесленники оставили свои занятія и взялись за ружье. Такъ называемыя «ученыя должности», т. е. должности горнистовъ, барабанщиковъ, трубачей и фурьеровъ были почти всѣ заняты старыми пьемонтскими солдатами, отслужившими свой срокъ или дизертировавшими изъ рядовъ регулярной арміи. Но вообще старыхъ солдатъ было мало, въ ротѣ едва можно было найдти до двадцати человѣкъ съ усами и бородой; остальные были юноши часто не старше четырнадцати лѣтъ, а многіе казались на видъ двѣнадцатилѣтними дѣтьми. И эти-то болѣе всего отличались въ минуты опасности. Герои 1848 года и другихъ войнъ за независимость занимали старшія офицерскія должности. Нѣкоторые изъ нихъ, отклоняя всякія почести, поступали рядовыми въ генуэзскіе карабинеры. Войско это, составленное изъ отборныхъ людей, большею частью изъ первой тысячи, пользовалось особымъ благорасположеніемъ Гарибальди за тѣ подвиги отчаянной храбрости и самопожертвованія, которыми оно не разъ отличалось. Какъ и всѣ партизаны, Гарибальди былъ бѣденъ кавалеріей; главную силу волонтеровъ составляли штыки.

Вся эта разношерстная, недисциплинированная толпа сдерживалась единственно нравственнымъ обаяніемъ вождя и тѣмъ энтузіазмомъ, который онъ такъ умѣлъ поддерживать среди своихъ

соратниковъ. Стойко и терпѣливо переносили они всевозможныя лишенія; они не роптали, когда при недостаткѣ денежныхъ средствъ наполовину сокращалось слѣдуемое имъ жалованье; ихъ патріотизмъ не останавливался ни передъ какою жертвою. Понятно, что при такихъ условіяхъ не было надобности въ дисциплинарныхъ взысканіяхъ. Единственное наказаніе, допускаемое Гарибальди—разстрѣляніе немедленное и безпощадное—примѣнялось крайне рѣдко. Военныхъ совѣтовъ не существовало, но каждый, имѣвшій что-нибудь сообщить, замѣтить или извѣстить о чемъ-нибудь, могъ во всякое время явиться къ самому генералу. Всѣ рѣшенія исходили отъ него и по большей части ему одному принадлежала инициатива всякаго новаго предпріятія. Разъ обдумавъ новый планъ, Гарибальди не зналъ колебаній. Когда наступало время приступить къ дѣлу, онъ точно просыпался отъ сна; приказаніе слѣдовало за приказаніемъ и они давались съ твердостью, которая показывала, что рѣшеніе не отмѣнимо. Но приказаніе всегда заключало въ себѣ лишь общую идею; подробности предоставлялись исполнителю.

Въ битвѣ Гарибальди являлся не столько главнокомандующимъ, сколько главнымъ помощникомъ въ затрудненіяхъ. Всегда появляясь въ наиболѣе опасномъ пунктѣ, онъ примѣромъ своимъ воодушевлялъ людей и быстро поправлялъ дѣло.

Обыкновенно ласковый и привѣтливый въ отношеніяхъ къ товарищамъ, герой не зналъ предѣловъ своему гнѣву, когда замѣчалъ въ комъ-нибудь изъ нихъ недостатокъ преданности дѣлу, желаніе уклониться отъ опасности. Тогда изъ устъ его вырывалось его знаменитое «Andate!» которое могли выносить только горячо любившіе его подчиненные. Это «Andate» заставило однажды посланнаго Виктора Эмануила, явившагося съ непріятнымъ генералу порученіемъ, пятиться назадъ черезъ всю залу до выходной двери, за которой онъ исчезъ, благословляя судьбу, что счастливо отдѣлался. Но достаточно было, чтобы Гарибальди замѣтилъ, что обвиненіе его несправедливо, и тогда не было дружескихъ словъ, не было извиненій, которыя онъ не пустилъ бы въ ходъ, чтобы вознаградить обиженнаго. Насколько онъ былъ ласковъ и привѣтливъ, видно уже изъ пріема, который оказывали ему крестьянскія дѣти во время его утреннихъ прогулокъ на Фаро.

На сосѣднихъ озерахъ, въ нѣсколько дней было построено двадцать баржъ для перевозки лошадей и артиллеріи; на мысѣ

были устроены батареи. Всѣ приготовленія дѣлались въ виду неаполитанскихъ военныхъ кораблей, крейсировавшихъ на такомъ близкомъ разстояніи, что съ нихъ можно было въ подробности разглядѣть все, что происходило въ Фаро.

Наконецъ въ ночь съ 17-го на 18-е августа Гарибальди переправился на калабрійскій берегъ и немедленно горами направился къ Реджіо. Взятіе города было бы немыслимо для всякаго другого кромѣ Гарибальди. Несмотря на инертность населенія, напуганнаго близкимъ сосѣдствомъ неаполитанскихъ судовъ, 22 августа послѣ девятичасового боя на крѣпости былъ выброшенъ парламентерскій флагъ, и городъ сдался. Послѣ высадки своей Гарибальди явился въ Неаполь ровно черезъ столько дней, сколько нужно употребить для этого пути арміи, идущей форсированнымъ маршемъ. Все время похода онъ преслѣдовалъ неаполитанскія войска, посланныя чтобы преградить ему путь въ столицу. Несмотря на свое численное превосходство послѣдніе уступали пунктъ за пунктомъ, такъ что походъ Гарибальди въ Неаполь имѣлъ видъ тріумфальнаго шествія.

Вскорѣ Гарибальди получилъ отъ Франциска II письмо, въ которомъ король предлагалъ ему миръ на почетныхъ условіяхъ. Францискъ соглашался признать независимость Сициліи и уступалъ диктатору всѣ свои владѣнія по ту сторону пролива, причемъ обѣщалъ уплатить 12 милліоновъ контрибуціи и предоставлялъ свой флотъ и пятьдесятъ тысячъ солдатъ для войны съ Австріей и для помощи въ освобожденіи всей итальянской территоріи. На это письмо Гарибальди не отвѣтилъ ни слова.

Въ столицѣ обѣихъ Сицилій не было единодушія, тамъ образовались четыре враждебныя между собою партіи: партія Гарибальди, Кавура, партія мюратистовъ и бурбонская. Колебанія въ политикѣ короля, постоянная смѣна либеральныхъ начинаній доведенными до крайности репрессіями создали массу недовольныхъ. Относительный порядокъ удерживался лишь благодаря популярности полицейскаго префекта Либоріо-Романо. Послѣдній убѣждалъ короля уступить общему настроенію и отказаться отъ престола. Францискъ, рѣшившій было защищать свою корону до послѣдней крайности и идти на встрѣчу Гарибальди, оставилъ теперь столицу и заперся въ Капуѣ.

7-го сентября Либоріо-Романо получилъ отъ Гарибальди телеграмму, въ которой генералъ извѣщалъ его о своемъ намѣреніи вступить въ Неаполь. На эту телеграмму Либоріо-Романо

отвѣчалъ, что Неаполь съ нетерпѣніемъ ждетъ пріѣзда героя, чтобы встрѣтить въ немъ искупителя Италіи и предать въ его руки судьбу государства. Въ тотъ же день, въ 10 часовъ утра, въ сопровожденіи семи изъ своихъ офицеровъ, депутаціи, присланной къ нему изъ Неаполя, и нѣсколькихъ офицеровъ національной гвардіи Гарибальди сѣлъ на поѣздъ въ Салерно. Къ 11 часамъ онъ прибылъ въ неапольтанскій вокзалъ, гдѣ былъ встрѣченъ министрами, которые поднесли ему привѣтственный адресъ отъ имени жителей города. Поблагодаривъ министровъ «за спасеніе страны», Гарибальди одетъ, безъ конвоя, невооруженный, вступилъ въ столицу обѣихъ Сицилій, не смущаясь тѣмъ, что форты еще заняты непріятельскими солдатами, что артиллеристы въ амбразурахъ крѣпости и на площадяхъ съ фитилями въ рукахъ стоятъ на своихъ постахъ возлѣ орудій, что улицы запружены грозными отрядами королевскихъ войскъ. Когда экипажъ поровнялся съ батареей между зданіемъ арсенала и дворцовой площадью, солдаты, находившіеся при ней, приготовились было встрѣтить его залпомъ изъ своихъ орудій, но Гарибальди поднялся въ экипажѣ и въ величавомъ спокойствіи, скрестивъ руки на груди, обратился къ нимъ съ одною изъ своихъ неотразимыхъ улыбокъ. Точно очарованные дѣйствіемъ обаятельной личности героя, солдаты немедленно, какъ бы по командѣ, отдали ему честь. Съ этой минуты единство Италіи стало совершившимся фактомъ.

Первыя минуты появленія въ городѣ Гарибальди, встрѣченнаго на вокзалѣ многочисленной толпой изъ людей всѣхъ общественныхъ классовъ, прошли относительно безшумно; но какъ только экипажи въѣхали на дворцовую площадь и поровнялись съ дворцомъ Форестьера, въ которомъ долженъ былъ остановиться диктаторъ, весь городъ сразу охватило общее ликованіе. Втеченіе десяти часовъ народъ стоялъ подъ окнами дворца, заставляя героя выходить на балконъ отъ времени до времени. Когда же появился Фра-Панталео и сказалъ, что генералъ усталъ и легъ спать, шумъ и крики на улицѣ смѣнились мертвой тишиной. Толпа на цыпочкахъ разошлась по городу, останавливая крикуновъ даже въ дальнихъ кварталахъ тихимъ шепотомъ: «Спитъ, онъ спитъ!»

Тотчасъ же по выслушаніи адресовъ, въ королевствѣ былъ обнародованъ сардинскій статутъ; въ заголовкѣ всѣхъ административныхъ актовъ приказано было писать слова: «Викторъ-Эмануилъ, король Италіи». Всѣ чиновники, не послѣдовавшіе за

франциском II, сохранили свои должности. Всѣмъ политическимъ арестантамъ объявлена свобода; тюремные порядки подверглись реформированію. Нѣкоторымъ семьямъ, особенно пострадавшимъ отъ преслѣдованія бурбонскаго правительства, назначены пенсіи. Фортъ Сентъ-Эльмо, грозившій городу бомбардировкой, былъ разрушенъ. Земли, принадлежавшія бурбонскому дому, объявлены національной собственностью. Всѣ іезуитскія корпораціи изгонялись изъ королевства.

Населеніе столицы выражало свой энтузіазмъ шумными праздествами, иллюминаціями, фейерверками и уличными концертами. Каждое утро громадная толпа собиралась вокругъ эстрады, съ которой развивалъ передъ публикой свои политическія теоріи близко стоявшій къ Гарибальди падре Гавацци, уже въ 48 году въ стѣнахъ Колизея произносившій огненныя рѣчи въ пользу возстанія въ Римѣ. Маленькій, черноволосый, съ лицомъ, желтымъ какъ померанецъ, съ горящими глазами, въ красной гарибальдійской рубашкѣ подъ распахнувшейся сутаной, съ пистолетами за поясомъ, онъ своимъ грубымъ, но въ высшей степени эффектнымъ и убѣдительнымъ краснорѣчіемъ производилъ чарующее дѣйствіе на толпу. Молодежь всѣхъ общественныхъ классовъ наперерывъ записывалась въ ряды освободителей. Францискъ II стянулъ свои силы у берега Волтурно. Гарибальди основалъ свою главную квартиру въ Казертѣ; въ войскѣ его насчитывалось 15,000 человѣкъ. Каждый день происходили небольшія стычки на аванпостахъ. Неаполитанцы готовились къ атакѣ, которая началась въ ночь на 1-е октября. Войско Франциска II было раздѣлено на четыре колонны, изъ которыхъ одною предводительствовалъ самъ король. Сраженіе продолжалось отъ 4-хъ часовъ утра до 6-ти вечера. Къ этому времени гарибальдійцы окончательно разбили послѣднюю непріятельскую колонну, которая принуждена была быстро отступить къ Коянцо. Гарибальди съ полнымъ правомъ могъ гордиться своей побѣдой. Онъ немедленно телеграфировалъ въ Неаполь: «Мы побѣдили на всей линіи». Въ битвѣ при Волтурно неаполитанцы потеряли 4,000 человѣкъ; кромѣ того на другой день сдался не участвовавшій въ битвѣ 4,000-ный отрядъ.

Теперь предстояла осада Капуи; въ гарибальдійскомъ лагерѣ начались приготовленія. Но въ Туринѣ было рѣшено иначе. При громадныхъ ресурсахъ, доставляемыхъ королевствомъ обѣихъ Сицилій, при обаяніи, которое окружало героя Милаццо, Мессины,

Реджіо и Волтурно, завершеніе задачи Гарибальди представлялось шуточнымъ дѣломъ. За Неаполемъ долженъ былъ послѣдовать Римъ,—Гарибальди открыто заявлялъ объ этомъ,—за Римомъ Венеція. Этого-то и боялись въ Туринѣ. Кавуръ страшился той отвѣтственности передъ Европой, которая всею тяжестью легла бы на Пьемонтъ, если бы дѣло возстанія завершилось борьбой съ Австріей на сѣверѣ полуострова. При такомъ положеніи вещей пьемонтское министерство рѣшило поставить Гарибальди непреодолимую преграду къ дальнѣйшимъ дѣйствіямъ. Въ то время какъ диктаторъ собирался уже отрѣзать королю Франциску путь въ Гаэту, пьемонтскіе войска вступили въ Абруццы. Узнавъ объ этомъ, Гарибальди не могъ въ первую минуту побѣдить своего негодованія и приготовилъ депешу, въ которой приказывалъ встрѣтить пьемонтцевъ ружейнымъ залпомъ. Но съ ними былъ Викторъ-Эмануилъ, предметъ благоговѣйнаго культа для Гарибальди—и депеша не была послана. 11-го октября Гарибальди встрѣтился съ Викторомъ-Эмануиломъ въ Теано. 30-го октября началась бомбардировка Капуи; 1-го ноября Францискъ II удалился въ Гаэту; 2-го Капуа сдалась на капитуляцію. Первою вошла въ нее бригада волонтеровъ, за ней пьемонтская бригада. На этомъ кончилась компанія такъ называемой *южной арміи*. Въ осадѣ Гаэты она не принимала никакого участія.

Между тѣмъ 15-го октября Гарибальди, предупредивъ рѣшеніе плебисцита, послалъ королю копію съ только что обнародованнаго имъ декрета.

«Обѣ Сициліи, значилось въ декретѣ,—обязанныя своимъ выкупомъ крови, пролитой итальянцами, и свободно рѣшившія назначить меня диктаторомъ, отнынѣ будетъ находиться, какъ составная часть единой и нераздѣльной Италіи,подъ скипетромъ Виктора-Эмануила и его потомковъ. Какъ только прибудетъ король, я передамъ ему диктатуру, предоставленную мнѣ націей.

Выполненіе декрета этого поручается продиктаторамъ».

Викторъ-Эмануилъ долго медлилъ своимъ въѣздомъ въ Неаполь. Если были причины, заставлявшія его спѣшить, то были другія, вынуждавшія его медлить. Надобно было оправдать плебисцитомъ появленіе новой власти взамѣнъ прежней, надобно было, чтобы вступающая въ городъ регулярная армія предварительно отличилась какимъ нибудь подвигомъ, обезпечивающимъ ей сочувствіе населенія. Съ этою цѣлью честь взятія Капуи была предоставлена пьемонтской арміи. Послѣ сдачи города Викторъ-Эмануилъ могъ совершить свой тріумфальный въѣздъ въ столицу.

21-го октября Гарибальди созвалъ гражданъ для плебис-

цита. Большинствомъ 1¾ милліоновъ голосовъ противъ 11 тысячъ Викторъ-Эмануилъ былъ провозглашенъ королемъ Неаполя. 6 ноября король въѣхалъ въ городъ въ экипажѣ рядомъ съ диктаторомъ. Сначала было рѣшено, что армія волонтеровъ выстроится шпалерами по обѣ стороны пути; но по распоряженію свыше это рѣшеніе было отмѣнено, и ни одна красная блуза не бросилась въ глаза королю впродолженіе всей дороги.

8-го ноября въ тронной залѣ происходило торжество принятія власти Викторомъ-Эмануиломъ. Король былъ окруженъ блестящимъ штабомъ. Гарибальди во главѣ своего правительства поднесъ ему плебисцитъ—выраженіе воли неаполитанскаго народа. Съ этого момента оканчивалось диктаторство Гарибальди; онъ сходилъ въ разрядъ простыхъ, обыкновенныхъ подданныхъ Виктора-Эмануила; онъ удалялся со сцены.

Гарибальди думали заплатить за его заслуги обыкновенными наградами. Ему предлагали званіе маршала, одинъ изъ королевскихъ дворцовъ для постояннаго жительства, богатое помѣстье изъ государственныхъ земель. На всѣ эти предложенія онъ отвѣчалъ рѣшительнымъ отказомъ. Такой категорическій отказъ былъ вызванъ не простымъ безкорыстіемъ, которымъ въ высокой степени отличался герой, но другими соображеніями такъ сказать высшаго порядка. Принявъ награду изъ рукъ короля, Гарибальди могъ связать себя долгомъ благодарности и утратить свою независимость, равно дорогую для него и для Италіи; кромѣ того въ глубинѣ души онъ считалъ себя не въ правѣ принять возмездіе за свою услугу родинѣ.

Рано утромъ на слѣдующій день, когда большая часть жителей столицы еще покоилась мирнымъ сномъ, Гарибальди въ сопровожденіи небольшого числа своихъ друзей сѣлъ на пароходъ «Вашингтонъ» и удалился на Капреру. Герой, завоевавшій полцарства своему монарху, вернулся домой съ мѣшкомъ бобовъ подъ мышкою.

Прощаясь со своими волонтерами, онъ издалъ прокламацію, изъ которой мы приведемъ здѣсь лишь нѣсколько заключительныхъ строкъ:

«Молодые волонтеры, примите, какъ послѣднее заключеніе десяти битвъ, прощальное отъ меня слово. Я произношу это слово съ сильнымъ чувствомъ и изъ глубины моей души. Сегодня я долженъ удалиться, но только на нѣсколько дней. Въ день битвы я снова буду съ вами, рядомъ съ вошнами за итальянскую свободу... Мы вскорѣ сойдемся и пойдемъ вмѣстѣ освобождать нашихъ братьевъ, находящихся еще подъ чужеземнымъ владычествомъ. Мы вскорѣ сойдемся и пойдемъ вмѣстѣ къ новымъ торжествамъ».

ГЛАВА VII.

1861—1866 гг.

Коммиссія по вопросу объ арміи волонтеровъ.—Засѣданіе перваго итальянскаго парламента.—Примиреніе Гарибальди съ Кавуромъ.—Смерть послѣдняго.—Аспромонте.—Гарибальди въ плѣну.—Возвращеніе на Капреру.—Поѣздка въ Англію.

Дѣятельность новаго правительства выразилась прежде всего въ стараніи предупредить всякую возможность реакціи и подавить въ корнѣ дѣятельность крайнихъ партій. Съ этой цѣлью оно немедленно обратило вниманіе на армію волонтеровъ, услуги которой казались ему теперь ненужными. Но главнымъ образомъ правительство не могло считать себя гарантированнымъ отъ всевозможныхъ неожиданностей, пока существовала эта сила, вызванная Гарибальди и способная создать серьезныя затрудненія для дальнѣйшей дѣятельности туринскаго кабинета. Рѣшено было распустить ее. Всѣмъ офицерамъ и солдатамъ ея предоставлено было право вернуться домой.

Служба въ арміи Гарибальди не освобождала отъ установленной обыкновенной воинской повинности. Затѣмъ возникъ вопросъ, должно ли правительство признать чины, розданные Гарибальди. Признательность по отношенію къ бывшему диктатору и его товарищамъ, завоевавшимъ королю многіе милліоны новыхъ подданныхъ, требовала утвержденія этихъ чиновъ. Но въ арміи Гарибальди было чрезвычайно много полковниковъ и генераловъ, заслуги которыхъ казались пьемонтцамъ сомнительными, тѣмъ болѣе, что они не обладали спеціальнымъ военнымъ образованіемъ. Въ виду этихъ соображеній назначена была особая комиссія для рѣшенія вопросовъ о чинахъ. Такой контроль надъ дѣйствіями Гарибальди не могъ не оскорбить его; кромѣ того онъ счелъ себя обиженнымъ въ лицѣ своихъ волонтеровъ

и воспользовался открытіемъ перваго итальянскаго парламента, какъ первымъ удобнымъ случаемъ, чтобы публично высказать правительству свое глубокое негодованіе.

Сильно волновалось итальянское общество передъ выборами въ парламентъ. Было много причинъ для правительственной партіи ожидать паденія министерства. Вынужденное удаленіе Гарибальди на островъ Капреру, лишеніе его диктатуры и замѣна его въ Неаполѣ и Сициліи людьми, которыхъ ненавидѣлъ бывшій диктаторъ и которые, благодаря этому, стали ненавистны народу,—всѣ эти и многія другія оскорбленія, нанесенныя туринскимъ кабинетомъ народному идолу, возбудили общее негодованіе въ рядахъ его приверженцевъ. Но состоявшіеся выборы разсѣяли опасенія министерства. Правительство получило большинство, превзошедшее всѣ ожиданія. Гарибальди былъ выбранъ представителемъ отъ Неаполя; точно также вошли въ составъ парламента его лучшіе товарищи, которымъ нація пожелала такимъ образомъ выразить свою признательность и уваженіе.

Значительная доля участія въ этомъ результатѣ парламентскихъ выборовъ безъ сомнѣнія принадлежала Гарибальди. Обаяніе, производимое въ странѣ однимъ его именемъ, было такъ могущественно, что еслибы онъ захотѣлъ, забывъ благоразуміе и патріотизмъ, сдѣлать парламентъ ареною для своей борьбы съ Кавуромъ и рѣзко поставить вопросъ между собой и министромъ, то вызвалъ бы серьезныя затрудненія, съ которыми неизвѣстно какъ справилась бы Италія. Чувства націи были бы несомнѣнно на сторонѣ капрерскаго отшельника. Но Гарибальди больше всего любилъ Италію и выше всего ставилъ ея благо, а потому уклонился отъ борьбы съ министерствомъ на избирательномъ поприщѣ.

13-го февраля послѣдовала наконецъ сдача Гаэты. Убѣдившись, что всякое сопротивленіе безполезно, Францискъ II подписалъ капитуляцію и удалился въ Римъ, гдѣ папа предложилъ ему гостепріимство. Ровно черезъ мѣсяцъ сдалась и Мессинская цитадель, до сихъ поръ находившаяся еще во власти бурбонскихъ солдатъ.

Въ мартѣ состоялось открытіе перваго итальянскаго парламента. Для полнаго единства Италіи недоставало еще присоединенія двухъ областей: Венеція была въ рукахъ австрійцевъ, Римъ занятъ французскими войсками. О Венеціи теперь и думать было нечего: присоединеніе ея могло состояться только путемъ войны.

Другое дѣло Римъ; вопросъ о немъ былъ теперь предметомъ

общаго вниманія и сдѣлался главною темою парламентскихъ дебатовъ. На римскомъ вопросѣ столкнулись между собою самые противоположные и могущественные интересы, интересы всего католическаго міра, всѣхъ католическихъ державъ вмѣстѣ взятыхъ и каждой изъ нихъ въ отдѣльности, интересы Франціи, Австріи, Испаніи, Италіи, интересы папы и всего духовенства, интересы Наполеона, Виктора-Эмануила, Кавура, Гарибальди, интересы подданныхъ папы и жителей города. Кавуръ въ своей рѣчи категорически высказался въ пользу Рима—столицы Италіи. Мысль, что безъ Рима не можетъ устроиться Италія, красною нитью проходила черезъ всю рѣчь министра. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ рѣшительно отказывался занять «вѣчный городъ» вопреки желанію Франціи и выражалъ надежду, что въ этомъ вопросѣ она со временемъ уступитъ общественному мнѣнію. Что же касается папы, онъ признавалъ, что потеря имъ свѣтской власти и отдѣленіе церкви отъ государства одно способно создать для папскаго престола желательную для него свободу. Такимъ образомъ желанія министра въ принципѣ совпадали съ желаніями народнаго героя. Цѣль у нихъ была общая и расходились они только во взглядѣ на средства къ ея достиженію. Въ то время какъ Гарибальди, всегда склонный всецѣло отдаваться чувству, не хотѣлъ признать на своемъ пути никакихъ преградъ, Кавуръ напротивъ всѣ средства своего громаднаго ума тратилъ на постепенную и терпѣливую работу, устраняя дипломатическимъ путемъ тѣ самыя препятствія, которыя въ пылу своего увлеченія думалъ силою сломить Гарибальди.

Расположеніе духа, въ которомъ находился Гарибальди, глубоко обиженный въ лицѣ своихъ волонтеровъ, выразилось въ отвѣтѣ его депутаціи отъ миланскихъ рабочихъ.

«Съ нами поступили дурно, говорилъ онъ,—хотѣли создать настоящій дуализмъ между регулярной арміей и волонтерами, которые однако же, какъ вы знаете, сражались храбро... Но не будемъ говорить объ этомъ. не станемъ заниматься этимъ... къ этому сору не слѣдуетъ прикасаться изъ уваженія къ самому себѣ».

Въ этой рѣчи онъ не пожалѣлъ рѣзкихъ выраженій чтобы унизить своихъ противниковъ: министровъ Виктора-Эмануила онъ называлъ «лакеями», ихъ политику—чудовищною, антинаціональною, вассальною, говорилъ, что король «дышетъ дурнымъ воздухомъ». Въ такомъ настроеніи оставилъ онъ вначалѣ апрѣля Капреру и прибылъ въ Туринъ. Здѣсь ревматическія боли продер-

жали его нѣсколько дней въ постели и потому онъ могъ явиться въ парламентъ только 18 апрѣля. День этотъ начался страшною грозою, которая могла навлечь на Италію бѣдственныя послѣдствія; но въ самую рѣшительную минуту Кавуръ и Гарибальди протянули другъ другу руку примиренія. Гроза миновала, благодаря благоразумію, великодушію и благородству характера съ обѣихъ сторонъ.

За нѣсколько часовъ до открытія засѣданія сѣни, лѣстницы и коридоры зданія были переполнены публикой; на площади передъ парламентомъ и на сосѣднихъ улицахъ было необычайное стеченіе народа. Гарибальдійцы въ своихъ красныхъ рубашкахъ заняли верхнія галереи, набитыя ими биткомъ. Въ два часа пополудни, когда всѣ члены засѣданія заняли свои мѣста, и одинъ изъ секретарей читалъ отчетъ предыдущаго засѣданія, раздались громкіе крики, возвѣстившіе о прибытіи Гарибальди. Генералъ вошелъ въ шотландскомъ пледѣ поверхъ красной рубашки и опираясь на руку друга своего Макки. Три или четыре минуты продолжались восторженные рукоплесканія, прервавшія ходъ засѣданія. На лицѣ Гарибальди не было видно слѣдовъ болѣзни, которую онъ недавно перенесъ; онъ только замѣтно постарѣлъ; въ длинныхъ волосахъ его прибавилось много сѣдинъ. Выраженіе лица было по обыкновенію тихое, кроткое въ высшей степени достойное. Народнаго героя сопровождали друзья его, генералы арміи волонтеровъ. Онъ занялъ то же мѣсто, что и въ прошломъ году, на крайней лѣвой. За нѣсколько дней передъ тѣмъ Гарибальди представилъ президенту Ратацци проэктъ закона, постановляющаго сформированіе въ странѣ національной гвардіи, и теперь явился защищать его.

Прешія начались рѣчью Риказоли, бывшаго правителя Тосканы, требовавшаго, чтобы парламентъ выслушалъ жалобы волонтеровъ, судьбу которыхъ, по его мнѣнію, слѣдовало отнести къ великимъ интересамъ народа. Затѣмъ послѣдовало объясненіе по этому вопросу министра Фанти, покрытое рукоплесканіями толпы. Послѣ нѣсколькихъ словъ, сказанныхъ членами его партіи, и отвѣта на нихъ Фанти, поднялся Гарибальди. Начавъ сдержанно и умѣренно, народный герой постепенно отдался страсти и негодованію. Въ рѣзкихъ выраженіяхъ, не щадя своихъ противниковъ, отрицалъ онъ всякій дуализмъ между арміей короля и волонтерами, доказывалъ отсутствіе въ Неаполѣ анархіи, послужившей яко бы причиною отнятія у него

диктаторской власти, упомянувъ о той, не зажившей еще ранѣ, которую нанесъ ему министръ отчужденіемъ Савои и Ниццы; напомнилъ ему, что уступалъ всякій разъ, когда видѣлъ, что Италіи грозитъ опасность отъ ихъ взаимныхъ распрей, «но, говорилъ онъ,—пусть рѣшитъ палата и самъ Кавуръ: могу ли я пожать руку тому, кто сдѣлалъ меня чужеземцемъ въ Италіи?» Втеченіе рѣчи Гарибальди президенту нѣсколько разъ приходилось призывать его къ порядку, прося не оскорблять противниковъ. Нѣсколько разъ прерывалась эта рѣчь и негодующими восклицаніями Кавура, которому бросались въ лицо несправедливыя, незаслуженныя обвиненія. Шумъ и волненіе возрастали. Президенту пришлось на время прервать засѣданіе. Этимъ перерывомъ воспользовались друзья Гарибальди и уговорили его быть сдержаннѣе и умѣреннѣе. Когда возобновилось засѣданіе, волненіе Гарибальди улеглось и онъ спокойно—въ выраженіяхъ вполнѣ парламентскихъ—изложилъ свой взглядъ на мѣры правительства относительно арміи волонтеровъ. «Я явился сюда, заключилъ онъ свою рѣчь,—чтобы защитить мое предложеніе. Исправьте его, измѣните, если найдете нужнымъ, но займитесь имъ: этого требуетъ безопасность страны».

Умѣренная рѣчь Гарибальди произвела благопріятное впечатлѣніе; имъ воспользовался другъ его, генералъ Биксіо, чтобы призвать къ примиренію раздраженныхъ вождей и ихъ партіи. Въ теплыхъ, задушевныхъ выраженіяхъ представилъ онъ несогласіе, раздѣлившее Кавура и Гарибальди, какъ результатъ печальнаго недоразумѣнія, которому пора положить предѣлъ. «Я приглашаю графа Кавура, говорилъ онъ, забыть слова,—сказанныя генераломъ Гарибальди». Во время отвѣтной рѣчи Кавура, когда послѣдній прямо и откровенно назвалъ причины чисто политическаго характера, поставившія его въ невозможность иначе поступить съ арміей волонтеровъ, на сторонѣ которой были всѣ его симпатіи, Гарибальди нѣсколько разъ порывался подойти къ министру и пожать его руку, но всякій разъ былъ останавливаемъ мадзинистомъ Цуппети, сидѣвшимъ возлѣ него. Впечатлительный до крайности, Гарибальди легко поддавался вліянію близко стоявшихъ къ нему людей и иной разъ одному изъ злыхъ геніевъ, въ которыхъ при немъ не было недостатка, удавалось заставить его служить интересамъ партіи въ ущербъ благу Италіи, что и произошло въ данномъ случаѣ. Послѣ нѣкоторыхъ преній президентъ прочелъ два предложенія, одно Га-

рибальди, другое Риказоли, по мысли согласное съ первымъ, но менѣе требовательное и съ выраженіемъ полнаго довѣрія къ правительству. Выслушавъ это предложеніе, Гарибальди взялъ свое назадъ.

Многочисленная толпа ожидала у входа конца преній. Когда вышелъ Кавуръ, народъ привѣтствовалъ его рукоплесканіями; но болѣе сильныя рукоплесканія, болѣе громкіе возгласы достались на долю Гарибальди. Шумныя манифестаціи сопровождали его до дома, гдѣ онъ остановился, и долго продолжались передъ домомъ. Народныя симпатіи ясно высказались за освободителя.

24 апрѣля, вечеромъ король пригласилъ къ себѣ Гарибальди. Въ королевскомъ кабинетѣ кромѣ Виктора-Эмануила послѣдній засталъ Кавура. Послѣ продолжительной бесѣды между ними послѣдовало окончательное примиреніе. Нѣсколько дней спустя Гарибальди вернулся на Капреру.

6-го іюня страшная вѣсть разнеслась по Европѣ и громовымъ ударомъ поразила всѣхъ: смерть отняла у Италіи человѣка, которымъ жило и держалось столь многое, о которомъ сложилась народная поговорка, что «на свѣтѣ не шевельнется ни одинъ листокъ, если Кавуръ не захочетъ». Уже втеченіе нѣсколькихъ дней телеграфъ сообщалъ тревожныя извѣстія о здоровьѣ графа, но всѣ раздѣляли надежды лѣчившихъ его докторовъ, никто не хотѣлъ вѣрить, что такъ неожиданно сойдетъ со сцены государственный дѣятель, жизнь котораго была такъ дорога, такъ нужна не только Италіи, но и всей Европѣ. Но какъ ни много потеряла страна со смертью Кавура, однако дѣло не умерло вмѣстѣ съ нимъ. Преемникъ и ученикъ его Риказоли твердо держался политики покойнаго министра и взялъ на себя задачу осуществить тотъ планъ, который выразился въ послѣднихъ словахъ умирающаго: «Свободная церковь въ свободномъ государствѣ». Обстоятельства благопріятствовали новому министру.

Предсказанія Кавура сбывались, Франція начинала уступать общественному мнѣнію. Въ самой средѣ духовенства образовался расколъ, появились партіи. Уже въ числѣ волонтеровъ Гарибальди насчитывалось немало духовныхъ лицъ, но то были отдѣльные случаи. Гораздо болѣе значенія по количеству адептовъ имѣла образовавшаяся тогда среди духовенства ассоціація съ цѣлью распространенія въ народѣ здравыхъ понятій о правахъ папской власти. Ассоціація пропагандировала уничтоженіе свѣтской власти папы, «такъ какъ оно не только не повредитъ дѣлу религіи, но необхо-

димо поведетъ къ очищенію церкви отъ вредныхъ наростовъ». Все видимо клонилось къ желательному разрѣшенію римскаго вопроса. Теперь это было только дѣломъ времени и туринское правительство продолжало держаться своей выжидательной политики.

Гарибальди, слишкомъ страстно относившійся къ задачѣ, на которой сосредоточены были всѣ его помыслы, потерялъ терпѣніе и рѣшилъ предпринять новую экспедицію въ Сицилію съ тѣмъ, чтобы оттуда направиться на Римъ. Викторъ-Эмануилъ, увѣдомленный объ этомъ планѣ, сначала отказалъ ему въ разрѣшеніи. Но когда генералъ заявилъ ему, что намѣренъ эту экспедицію устроить какъ частное лицо на свой рискъ и страхъ и готовъ въ случаѣ неудачи подвергнуться участи обыкновеннаго бунтовщика, король уступилъ. Высадившись въ Палермо 1-го іюля 1862 г., Гарибальди обидными рѣчами противъ союзника короля, Наполеона III, сталъ возбуждать населеніе къ новому возстанію. Военнымъ лозунгомъ на этотъ разъ было: «Римъ или смерть»! Соединивъ подъ своими знаменами 3500 человѣкъ волонтеровъ, онъ прошелъ цѣлый рядъ городовъ и достигъ Катаніи. 24 іюля Гарибальди посадилъ свою армію на два парохода и высадился въ Калабріи. Въ это время Викторъ-Эмануилъ подъ давленіемъ съ одной стороны императора, съ другой—партіи клерикаловъ, рѣшилъ во что бы то ни стало преградить арміи Гарибальди дорогу въ Римъ. Въ Калабрію былъ посланъ отрядъ кондотьеровъ подъ начальствомъ маркиза Палавичини съ приказаніемъ окружить волонтеровъ со всѣхъ сторонъ. Двѣ арміи сошлись у подошвы Астромонте. Непріятель началъ перестрѣлку, но Гарибальди сдѣлалъ распоряженіе не стрѣлять. Въ то время, какъ онъ выѣхалъ впереди фронта, отдавая это приказаніе, съ непріятельской стороны по приказу маркиза данъ былъ по немъ залпъ. Гарибальди сдѣлалъ нѣсколько шаговъ и упалъ, у него оказалось двѣ раны: одна въ лѣвое бедро, другая въ щиколотку правой ноги. Волонтеры сдались; предводитель ихъ въ качествѣ военноплѣннаго перевезенъ былъ въ крѣпость Варпиьяно. Хотя плѣнному оказывали вниманіе, подобное тому, какимъ окружаютъ особъ царской крови, въ народѣ однако упорно держался слухъ, что идола его рѣшено отравить. Къ нему не допускали никого изъ друзей, пріѣзжавшихъ посѣтить его; всѣ присылаемыя ему письма подвергались предварительной цензурѣ. Тѣмъ не менѣе, несмотря на эти строгости, друзья Гарибальди, напуганные слухами объ отравѣ, находили средства снабжать его пищей,

приготовленной подъ ихъ собственнымъ надзоромъ. Въ своемъ заключеніи Гарибальди сильно страдалъ отъ раны въ правой ногѣ; это была наиболѣе серьезная рана изъ всѣхъ полученныхъ имъ до сихъ поръ. Долго не могли вынуть пули и поговаривали уже объ отнятіи ноги. Противъ такого рѣшенія горячо возсталъ нашъ знаменитый Пироговъ, къ которому больной сохранилъ за это глубокую благодарность. Послѣ продолжительныхъ совѣщаній пуля была искусно вынута профессоромъ Цаниотти. Хотя Гарибальди и избѣгъ ампутаціи, но астромонтская рана имѣла самыя роковыя послѣдствія въ его жизни; онъ навсегда утратилъ способность свободно двигаться, и сдѣлался калѣкой, вѣчно нуждавшимся въ посторонней помощи.

Какъ только больной оправился, насколько было возможно, ему возвратили свободу. Онъ вернулся домой на Капреру и болѣе года провелъ здѣсь въ тихомъ уединеніи, дѣля свое время между работами по хозяйству, чтеніемъ газетъ и литературными занятіями, которымъ вождь волонтеровъ охотно отдавалъ свои свободные часы.

Здѣсь кстати сказать нѣсколько словъ о Гарибальди, какъ литераторѣ. Пожиная все новые и новые лавры въ качествѣ полководца, генералъ не менѣе дорожилъ и тѣми, которые надѣялся заслужить работая перомъ. Кромѣ своихъ мемуаровъ онъ написалъ нѣсколько полуромановъ и большое количество стиховъ, не выдерживающихъ, какъ литературныя произведенія, ни малѣйшей критики. Они могутъ быть интересны только какъ лишній матеріалъ для уясненія нравственной личности автора, но къ сожалѣнію за исключеніемъ мемуаровъ не даютъ намъ о немъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній. Вотъ почему каждый разъ при выходѣ въ свѣтъ одного изъ такихъ произведеній публика, искавшая въ нихъ только новыхъ фактовъ изъ столь богатой содержаніемъ жизни героя, испытывала сильнѣйшее разочарованіе. Люди близкіе къ Гарибальди и дружески къ нему расположенные не разъ давали ему искренній совѣтъ не публиковать своихъ сочиненій, но по какому то непонятному ослѣпленію онъ никогда не хотѣлъ слушать этихъ добрыхъ совѣтовъ.

Въ 1864 году, разставшись съ идилическою жизнью на Капреѣ, Гарибальди предпринялъ свою знаменитую поѣздку въ Англію, вызвавшую такіе разнообразные толки и коментаріи во всей Европѣ. Какъ только стало извѣстно въ Лондонѣ, что итальянскій герой ѣдетъ въ Англію, въ столицѣ поднялось сильнѣйшее волненіе. Начали собираться митинги, стали обсуждаться

проэкты тѣхъ овацій, какими намѣревались почтить дорогого гостя, составились комитеты для его пріема. Толковали о тріумфальныхъ аркахъ, торжественныхъ процессіяхъ, адресахъ и т. д. Среди высшей аристократіи нашелся восторженный поклонникъ Гарибальди, молодой герцогъ Сотерлендъ, пославшій генералу приглашеніе остановиться въ его домѣ. Такимъ образомъ Гарибальди, принявшій это приглашеніе, долженъ былъ сдѣлаться гостемъ англійской аристократіи въ лицѣ одного изъ блестящихъ его представителей. Герцогъ Сотерлендъ принадлежалъ къ одной изъ древнѣйшихъ фамилій, ведущей свой родъ отъ завоеванія Англіи норманами. Мать его пользовалась необыкновеннымъ авторитетомъ при дворѣ, являлась въ придворныхъ церемоніяхъ рядомъ съ королевой и извѣстна была народу подъ названіемъ *герцогини* безъ прибавленія имени. Сотерлендъ былъ страшно богатъ и любимъ въ аристократическомъ обществѣ и кромѣ того чрезвычайно популяренъ среди народа, благодаря своимъ личнымъ заслугамъ, безумной смѣлости и безграничной преданности дѣлу поданія помощи ближнему. Этотъ то любимецъ англійскаго общества долженъ былъ сдѣлаться гостепріимнымъ хозяиномъ Гарибальди; никто безъ сомнѣнія не могъ лучше исполнить эту роль.

4-го апрѣля на пароходѣ «Рипонъ» прибылъ Гарибальди въ Саутэмптомъ. Съ ранняго утра весь городъ находился въ какомъ-то лихорадочномъ волненіи. На пристани собралась большая толпа; репортеры всѣхъ англійскихъ газетъ съѣхались чтобы описать встрѣчу, которую сдѣлаютъ жители. На берегу стояло несмѣтное множество народу; много виднѣлось красныхъ гарибальдійскихъ рубашекъ, особенно—на женщинахъ. Когда показался на палубѣ Гарибальди, громкій восторженный крикъ огласилъ воздухъ, завѣяли платки, замахали шляпы, загремѣла музыка. Гарибальди привѣтливо кланялся и махалъ шляпою. Онъ былъ одѣтъ въ мундиръ итальянскаго легіона и въ широкій, откинутый назадъ сѣрый плащъ. Съ нимъ были сыновья его, Менотти и Ричіоти, секретарь Негретти и докторъ Базиле.

На другой день былъ назначенъ пріемъ Гарибальди городскими властями. Съ девяти часовъ утра у дома мэра толпилась необозримая масса публики. При появленіи Гарибальди поднялись восторженные крики; силою своею они заглушали звуки цѣлаго оркестра, шедшаго впереди торжественнаго поѣзда, направлявшагося въ ратушу. Зала ратуши была наполнена наро-

домъ; посреди оставленъ былъ только узкій проходъ. Медленно, среди восторженныхъ восклицаній, прошелъ герой къ предназначенному ему мѣсту и, снявъ шляпу, раскланялся. Когда утихли первые привѣтственные крики и рукоплесканія, мэръ города представилъ генерала собранію и сказалъ свою привѣтственную рѣчь. Гарибальди отвѣчалъ по-англійски. Онъ выражался съ нѣкоторымъ затрудненіемъ, но вполнѣ понятно.

Изъ Саутэмптона Гарибальди сдѣлалъ поѣздку на островъ Уайтъ, а черезъ нѣсколько дней отправился по желѣзной дорогѣ на экстренномъ поѣздѣ въ Лондонъ. Въ Лондонѣ ему готовился торжественный пріемъ. Огромный дебаркадеръ былъ наполненъ народомъ, но все происходило въ величайшемъ порядкѣ. Когда Гарибальди вышелъ изъ вагона на особо приготовленную платформу, его встрѣтили восторженные крики. Женскіе голоса были слышнѣе всего. Гарибальди привѣтливо оглянулъ собраніе, и его прекрасные сѣрые глаза засіяли удовольствіемъ и гордостью. Когда крики немного стихли, секретарь комитета, составившагося для пріема Гарибальди, Ричардсонъ, прочелъ взволнованнымъ голосомъ привѣтственный адресъ. По окончаніи чтенія Гарибальди пожалъ руку Ричардсона и приблизился къ краю платформы. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ онъ отвѣчалъ по-англійски: «Я крайне счастливъ, что могу сегодня принести мою благодарность этой благородной націи за ея великодушное сочувствіе дѣлу моей страны и всего человѣчества. Давно ждалъ я этого дня и очень радъ, что могу выразить вамъ всю мою благодарность». Послѣ этого секретаремъ комитета рабочихъ былъ прочтенъ второй адресъ, написанный въ горячихъ, восторженныхъ выраженіяхъ. Генералъ былъ растроганъ до слезъ и отвѣчалъ: «Мнѣ хочется сказать рабочимъ въ особенности, что я имъ очень благодаренъ и никогда не забуду привѣтствіе класса, къ которому считаю себя принадлежащимъ. Я люблю называть моими братьями рабочихъ всѣхъ частей свѣта». Этотъ отвѣтъ, такъ же какъ и предыдущій, вызвалъ общее одобреніе.

Гарибальди и окружавшіе его двинулись къ выходу; огромныя двери дебаркадера открылись настежъ, и итальянскій герой въ изумленіи остановился передъ невиданнымъ, безпримѣрнымъ зрѣлищемъ. Передъ нимъ тянулась длинная улица, сплошь покрытая народомъ; стеченіе его было такъ многочисленно, что депутаціи рабочихъ цеховъ и клубовъ, насчитывавшія болѣе

пяти тысячъ человѣкъ, терялись среди этого моря головъ. Улица, которая вела къ дому герцога Сотерленда, тянулась черезъ весь городъ, и вездѣ, на всемъ этомъ протяженіи, толпа имѣла тѣ же размѣры. Между тѣмъ порядокъ царилъ замѣчательный. Сами зрители первыхъ рядовъ, взявшись за руки, образовали цѣпь, сквозь которую нельзя было пробраться ни одному человѣку. Всѣ крыши были усѣяны народомъ; во всѣхъ окнахъ развѣвались флаги и платки. Медленно подвигался поѣздъ, такъ медленно, что, отправившись съ дебаркадера въ 2 часа пополудни, прибылъ въ Стаффордъ-Гоузъ, гдѣ жилъ герцогъ Сотерлендъ, только въ 7 часовъ вечера. Гарибальди былъ сильно утомленъ.

На другой день начались безконечные визиты. Вся знать перебывала у Гарибальди. На обѣдахъ и вечерахъ, гдѣ онъ появлялся, толпился цвѣтъ англійскаго общества. Всѣ министры наперерывъ приглашали къ себѣ героя. Онъ перебывалъ у лорда Пальмерстона, графа Росселя, Гладстона, лорда Кларендона, герцога Аргайля и др. Торіи не отставали отъ виговъ; графъ Дерби, графъ Мальмсбюри, лордъ Шефтсбюри состязались въ любезности къ нему. Не было такого вниманія, такой почести, которыми не осыпали бы эти гордые лорды, графы, герцоги и бароны великаго итальянскаго плебея. Но среди шумныхъ выраженій симпатіи и одобренія, среди блеска торжественныхъ пріемовъ Гарибальди не забывалъ своихъ старыхъ друзей и находилъ время повидаться съ ними; онъ побывалъ у Мадзини, видѣлся съ Саффи, принималъ депутаціи отъ рабочихъ и клубовъ.

Между тѣмъ жители Лондона готовили ему торжественное, оффиціальное выраженіе сочувствія. Сити собирался поднести ему грамоту на званіе почетнаго гражданина, а различные комитеты устраивали торжественный пріемъ отъ имени всѣхъ лондонскихъ гражданъ. Для пріема былъ избранъ Кристальный дворецъ, служившій обычнымъ мѣстомъ для народныхъ торжествъ. При появленіи Гарибальди въ день «народнаго пріема» раздался крикъ: «шляпы долой!».

Чрезвычайно торжественный характеръ носило также врученіе грамоты на гражданство Сити. Послѣднее составляетъ величайшую честь, какой можетъ дождаться иностранецъ отъ англичанъ. Вездѣ, гдѣ ни появлялся Гарибальди, его встрѣчали привѣтствія громадной толпы. На нѣсколько недѣль жители Лондона забыли обо всемъ, кромѣ своего знаменитаго гостя. Провинція не отставала отъ столицы. Провинціальные города, одинъ за дру-

гимъ присылали Гарибальди приглашеніе посѣтить ихъ. На всѣ эти приглашенія добродушный герой, далеко не любившій овацій, отвѣчалъ согласіемъ.

Вскорѣ однако изъ Лондона была получена телеграмма, извѣщавшая, что здоровье Гарибальди, сильно потрясенное волненіями, испытанными въ Англіи, требуетъ немедленнаго возвращенія его на Капреру. Стали ходить самые разнообразные слухи о причинѣ внезапнаго его отъѣзда. Говорилось, что уѣзжаетъ онъ по вѣжливому приглашенію англійскаго правительства, которому не нравится совпаденіе пріѣзда въ Лондонъ Гарибальди съ конференціей по датскому вопросу; говорилось, что это дѣлается по настоянію Франціи; наконецъ носились слухи, будто приближенные къ генералу замѣтили, что утомленіе отъ непривычной ему жизни очень вредно дѣйствуетъ на его здоровье и стали опасаться, что поѣздка по всѣмъ городамъ, которые намѣревался посѣтить Гарибальди, окончательно его разстроитъ. Слухи эти были основательны; друзья, между ними и Гладстонъ, совѣтовали ему ограничиться поѣздкою въ главнѣйшіе изъ провинціальныхъ городовъ, но Гарибальди объявилъ, что никого не желаетъ обидѣть выборомъ и потому предпочитаетъ совсѣмъ отказаться отъ поѣздки въ провинцію и уѣхать домой.

Говорятъ, что впослѣдствіи Гарибальди слѣдующимъ образомъ объяснилъ таинственную цѣль своей поѣздки въ Англію и свой не менѣе таинственный отъѣздъ изъ туманнаго Альбіона. Онъ говорилъ, что ѣхалъ исключительно съ намѣреніемъ предложить англійскому правительству свое содѣйствіе для помощи датчанамъ, которые въ то время вели борьбу съ двумя сильными врагами изъ за Шлезвига и Голштиніи. По словамъ его, ему удалось сдѣлать это предложеніе; но послѣ того, какъ правительство объявило свое рѣшительное и безусловное «veto», онъ нашелъ, что ему въ Англіи дѣлать болѣе нечего. Передъ отъѣздомъ его частнымъ образомъ посѣтилъ принцъ Уэльскій, причемъ ихъ свиданіе продолжалось болѣе часа. Уѣзжая, Гарибальди написалъ прощальное письмо англійскому народу, въ которомъ благодарилъ его за радушный пріемъ, выражалъ надежду, что вскорѣ вновь посѣтитъ ихъ отечество и нѣсколькими неопредѣленными фразами, изъ которыхъ нельзя было сдѣлать никакого вывода, объяснялъ свой внезапный отъѣздъ.

ГЛАВА VIII.

Послѣдніе годы жизни.

Сентябрьская конвенція.—Перенесеніе столицы во Флоренцію.—Союзъ съ Пруссіей.—Война 1866 года.—Сближеніе флорентійскаго правительства съ Ватиканомъ.—Отношеніе Гарибальди къ новому направленію въ политикѣ короля.—Антиклерикальная пропаганда.—Конгрессъ мира въ Женевѣ.—Вторженіе волонтеровъ въ Папскую область.—Арестъ Гарибальди.—Перемѣна въ отношеніи правительства къ гарибальдійцамъ.—Бѣгство Гарибальди на материкъ.—Возстаніе въ Римѣ 1867 года.—Ментана.—Гарибальди въ Варињяно.—Франко-прусская война.—Пріѣздъ Гарибальди въ Туръ.—Его участіе въ войнѣ.—Засѣданіе національнаго собранія въ Бордо.—Занятіе Рима итальянскими войсками.—Торжественный въѣздъ Гарибальди въ столицу.—Болѣзнь.—Послѣднія заботы о родинѣ.—Смерть.—Апоѳеозъ.—Гарибальдійская легенда.

Не надѣясь справиться съ римскимъ вопросомъ безъ содѣйствія Наполеона III, итальянскій кабинетъ рѣшилъ вступить съ послѣднимъ въ переговоры. Въ силу этихъ переговоровъ заключена была въ Парижѣ такъ называемая *сентябрьская конвенція* (сент. 1864), на основаніи которой Викторъ-Эмануилъ обязывался защищать Папскую область отъ всякаго нежелательнаго вторженія, а Наполеонъ—выводить свои войска изъ владѣній папы по мѣрѣ того, какъ послѣдній будетъ организовать свою собственную армію. Кромѣ того, на основаніи этой же конвенціи Италія получала взамѣнъ Турина новую столицу — Флоренцію. Предпочтеніе послѣдняго города Турину вызвало въ бывшей столицѣ народное волненіе, которое повело къ паденію министерства Мингетти и замѣнѣ его генераломъ Ламармора. Въ 1865 г. резиденція короля Италіи и парламентъ были перенесены во Флоренцію; въ томъ же году начались переговоры Италіи съ Пруссіей, завершившіяся союзомъ обоихъ государствъ противъ Австріи. Въ 1866 г. война была объявлена какъ со стороны Италіи, такъ и со стороны Пруссіи, причемъ Гари-

бальди получилъ приглашеніе принять начальство надъ арміей волонтеровъ, и стараться занять Тироль, такъ какъ, начавъ войну, правительство имѣло въ виду не только возвратить Венецію, но и окончательно вытѣснить австрійцевъ изъ сѣверныхъ провинцій. Вначалѣ дѣйствія Гарибальди по большей части ограничивались небольшими стычками съ непріятелемъ съ сомнительнымъ исходомъ, но затѣмъ вскорѣ онъ одержалъ рядъ побѣдъ и овладѣлъ всѣмъ итальянскимъ Тиролемъ въ то время, какъ Чіальдини и Ламармора отступали повсюду. 24 іюля произошла кровопролитная битва у форта Лордаро, окончившаяся полнымъ пораженіемъ австрійцевъ; послѣдніе признали невозможнымъ держаться долѣе въ итальянскомъ Тиролѣ. Задача Гарибальди была исполнена блистательно. Но на другой день послѣ этой ужасной битвы Гарибальди получилъ телеграмму: «Перемиріе подписано. Очистите Тироль». Внѣ себя отъ бѣшенства онъ переломилъ шпагу и телеграфировалъ только одно слово: «Повинуюсь».

Компанія кончилась капитуляціей Венеціи. Теперь для объединенія Италіи недоставало одного Рима. Присоединеніе его уже не представлялось столь труднымъ, такъ какъ дѣйствія Наполеона въ Римѣ послѣ окончательнаго удаленія австрійцевъ изъ сѣверныхъ провинцій не могли быть рѣшительны. Избавившись отъ опаснаго соперника, императоръ уже не видѣлъ такой настоятельной для себя необходимости поддерживать папскій престолъ. Между тѣмъ флорентинское правительство, всѣми силами стараясь о присоединеніи Рима мирнымъ путемъ, стало искать сближенія съ клерикальной партіей. Глава министерства Риказоли задался цѣлью посредствомъ соглашеній и взаимныхъ уступокъ довести папу до того, чтобы онъ, самъ того не замѣчая, очутился въ одинъ прекрасный день простымъ епископомъ слившагося съ Италіей Рима. Пій IX дѣлалъ уступку за уступкой и хотя послѣднія касались большею частью мелочей, но мало по малу неодолимая преграда, существовавшая между папой и итальянскимъ правительствомъ, разрушалась. Въ Ватиканѣ не оставалось и слѣда прежней вражды и Пій IX призналъ передъ всей Европой возможность вступить въ переговоры съ отлученнымъ имъ же королемъ. Органъ Ватикана въ первый разъ со времени заключенія Вилафранкскаго мира сталъ называть флорентинскій кабинетъ итальянскимъ правительствомъ, тогда какъ прежде величалъ его скопищемъ похитителей.

Такое сближеніе съ Ватиканомъ и возможность возникнове-

*

нія въ странѣ клерикальныхъ интригъ возбудили сильныя опасенія среди партіи дѣйствія. Гарибальди не могъ спокойно оставаться въ своемъ тихомъ убѣжищѣ и неожиданно явился на континентѣ. Совершая поѣздку по сѣверной Италіи, главной цѣлью которой было посѣщеніе Венеціи, капрерскій пустынникъ всюду гремѣлъ противъ клерикаловъ. Поселившись затѣмъ во Флоренціи съ намѣреніемъ участвовать въ предстоящихъ парламентскихъ преніяхъ въ качествѣ депутата, Гарибальди рѣшилъ заявить торжественный протестъ противъ политики уступокъ и соглашеній, столь несовмѣстной съ его девизомъ: «Римъ или смерть»! Когда пало министерство Риказоли и его замѣнилъ Ратацци, ярый сторонникъ союза съ Наполеономъ, Гарибальди, продолжая жить во Флоренціи, занялся тайными приготовленіями къ новой экспедиціи въ Римъ.

При слабомъ надзорѣ со стороны властей, въ странѣ быстро распространялись комитеты для освобожденія Рима. Съ возвращеніемъ Гарибальди отряды волонтеровъ заняли границы Папской области, собираясь произвести новое вторженіе. Гарибальди выѣхалъ изъ Флоренціи въ Азиналунгу съ тѣмъ чтобы удобнѣе слѣдить за ходомъ возстанія, но былъ арестованъ по приказу Ратацци и отвезенъ въ крѣпость Александрію, а оттуда на Капреру. Волонтеры были разсѣяны правительственными войсками; тѣ-же, которые оказали сопротивленіе, арестованы. Отправляя вождя волонтеровъ на его островъ, правительство не могло однако добиться отъ него обѣщанія отказаться отъ новыхъ попытокъ. Во время своего ареста онъ выказывалъ необыкновенное спокойствіе и прямо заявлялъ, что арестованіе «пятидесяти Гарибальди» не остановитъ начатаго дѣла. Арестъ Гарибальди не имѣлъ въ сущности серьезнаго значенія; онъ былъ произведенъ болѣе всего въ угоду парижскому правительству съ тѣмъ, чтобы отнять у него всякій предлогъ обвинить Италію въ нарушеніи сентябрьской конвенціи; такъ поняли его и члены партіи дѣйствія.

Общее сочувствіе къ Гарибальди росло. При выѣздѣ изъ крѣпости Александріи онъ былъ встрѣченъ съ военными почестями. Все путешествіе его до Генуи имѣло видъ тріумфальнаго шествія. Не прошло и недѣли послѣ описанныхъ событій, какъ Гарибальди снова покинулъ Капреру и явился въ Ливорно съ цѣлью соединиться со своимъ сыномъ Менотти. Но планъ его не удался; онъ былъ снова арестованъ и отвезенъ обратно на островъ. Для предупрежденія новыхъ попытокъ безпокойнаго лю-

бимца народа, правительство снарядило военный корабль со строгимъ приказомъ зорко стеречь Гарибальди на Капрерѣ.

Пока владѣлецъ острова находился подъ строгимъ домашнимъ арестомъ, флорентійское правительство вело дѣятельные переговоры съ Наполеономъ, добиваясь пересмотра сентябрьской конвенціи и права занять Папскую область своими войсками. Переговоры оказались безуспѣшны: Наполеонъ не уступалъ. Видя это, правительство, не измѣняя по наружности своего прежняго положенія, измѣнило свой образъ дѣйствій по отношенію къ гарибальдійцамъ. Надзоръ за папскими границами ослабѣлъ и волонтеры стали массами пробираться во владѣнія Пія IX; во главѣ ихъ открыто стали Менотти Гарибальди. Никотера и другіе извѣстные представители партіи дѣйствія. Гарибальди, вѣрный своему девизу «Римъ или смерть!», рѣшился съ опасностью жизни бѣжать съ Капреры и присоединиться къ своимъ. 14 октября съ наступленіемъ ночи вышелъ онъ изъ дому и со всевозможными предосторожностями, чтобы не возбудить вниманія своихъ сторожей, спустился къ берегу. Здѣсь находился крошечный челнокъ, служившій для охоты за утками. Такъ какъ въ челнокѣ была сильная течь, то никому изъ сторожившихъ Гарибальди не приходило въ голову, что это негодное судно можетъ оказать ему услугу при бѣгствѣ. Челнокъ былъ такъ малъ, борты его были такъ низки, что единственный помѣщавшійся въ немъ человѣкъ долженъ былъ править имъ лежа. Разложивъ на днѣ свой пончо, Гарибальди легъ въ челнокъ и тихо поплылъ по направленію къ острову Мадалена. Ни одинъ окрикъ съ военнаго корабля не потревожилъ бѣглеца. Прибывъ на Мадалену, Гарибальди нашелъ пріютъ въ домѣ одной знакомой ему англичанки, заранѣе предупрежденной о его прибытіи. Не теряя времени, вмѣстѣ съ своимъ зятемъ Канціо и нѣсколькими друзьями, онъ на небольшомъ суднѣ переплылъ море и высадившись близъ Ливорно, 20 октября уже присоединился къ своимъ волонтерамъ, съ которыми немедленно вступилъ въ Папскія владѣнія и занялъ мѣстечко Монте Ротондо въ виду «вѣчнаго города», въ разстояніи всего семи миль отъ него. По извѣстіямъ, получавшимся въ то время изъ его отряда, гарибальдійцы были увѣрены въ успѣхѣ. Они ожидали общаго возстанія въ Римѣ и хотѣли воспользоваться имъ для вступленія въ городъ. Но счастье, оставившее повидимому Гарибальди со времени его неудачи при Аспромонте, измѣнило ему и на этотъ

разъ. Возстаніе не удалось, отдѣльныя вспышки не охватили всего населенія и инсургенты встрѣтили повсюду неудачу. Между тѣмъ при первомъ извѣстіи о безпорядкахъ въ Римѣ Наполеонъ внезапно рѣшился на вмѣшательство и отдалъ немедленно приказъ отправить изъ Тулона сильный отрядъ подъ начальствомъ генерала Фальи въ Чивита-Веккію. Грозившее столкновеніе однако миновало. Какъ флорентинское, такъ и тюльерійское правительства пожелали избѣгнуть враждебныхъ дѣйствій. Итальянское правительство простерло свою уступчивость до того, что даже склонило Гарибальди отступить отъ Рима. Начальникъ волонтеровъ согласился на это отчасти уже и потому, что французскія войска успѣли вступить въ городъ, и всякая надежда завладѣть имъ исчезла для гарибальдійцевъ. Волонтеры отступили. Но при Ментано на нихъ *напали* папскія войска подъ начальствомъ Шаретта. Гарибальди отразилъ папистовъ и заставилъ ихъ отступить, но въ это время явилась къ нимъ на помощь французская бригада, вооруженная ружьями Шасно. Послѣднія, въ первый разъ примѣненныя въ этомъ случаѣ, оказали свое дѣйствіе. Послѣ двухчасового боя гарибальдійцы были разбиты и обратились въ бѣгство. Самъ Гарибальди едва успѣлъ спастись.

Перейдя итальянскую границу, волонтеры положили оружіе и сдались войскамъ Виктора Эмануила. Гарибальди отправился было на Капреру, но былъ арестованъ на небольшой станціи въ двухъ часахъ пути отъ Флоренціи. Напрасно генералъ протестовалъ противъ ареста, называлъ его незаконнымъ дѣйствіемъ со стороны властей и требовалъ, чтобы ему показали формальный приказъ о задержаніи. Лейтенантъ Камоцци, получившій приказаніе арестовать его, не сдавался ни на какіе доводы. Когда же Гарибальди на отрѣзъ отказался слѣдовать за нимъ, его *повалили на землю* и на рукахъ отнесли въ вагонъ. Бывшій диктаторъ былъ отвезенъ въ Спецію, а оттуда въ крѣпость Вариньяно. Несмотря на всѣ старанія полиціи скрыть отъ жителей Спеціи пріѣздъ Гарибальди, вѣсть эта быстро распространилась по городу. Какъ только прибылъ поѣздъ, привезшій народнаго героя, громадная толпа, несмотря на позднее время, хлынула на вокзалъ. Многочисленная стража, окружавшая генерала, не могла справиться съ ея напоромъ. Мигомъ были выпряжены лошади изъ экипажа, предназначеннаго для Гарибальди, и вмѣсто того чтобы отправиться въ холодныя, непріютныя стѣны Варинньяно, онъ среди громкихъ «evviva!» былъ приве-

зенъ въ лучшую гостиницу города, гдѣ ожидалъ его роскошный ужинъ и прекрасная постель. Послѣ короткаго отдыха, опасаясь дальнѣйшихъ демонстрацій со стороны народа, провожавшіе генерала офицеры препроводили его въ Вариньяно. Арестъ Гарибальди вызвалъ волненія и демонстраціи во всѣхъ большихъ городахъ Италіи; въ Миланѣ вспыхнуло серьезное возстаніе, которое пришлось подавить войсками, причемъ произошло сильное кровопролитіе. Даже Парижъ откликнулся на это событіе; тамъ произошла демонстрація надъ могилами Манина и Кавеньяка; послѣ многократныхъ требованій со стороны правительства разойтись и многочисленныхъ арестовъ толпа разбрелась съ криками: «да здравствуетъ Гарибальди, да здравствуетъ миръ! не надо вмѣшательства»!

Гарибальди продержали въ крѣпости до 25 ноября. Получивъ свободу, онъ вернулся на Капреру и снова отдался своимъ мирнымъ сельскимъ занятіямъ и литературной работѣ. Съ этихъ поръ народный герой уже не дѣлалъ новыхъ попытокъ къ занятію Рима. Онъ какъ-бы извѣрился въ возможность осуществить желанія своей партіи помимо правительства Виктора-Эмануила и къ дальнѣйшимъ начинаніямъ патріотовъ относился безусловно скептически, называя ихъ «мадзинистскими мальчишескими выходками». Получивъ позволеніе вернуться на Капреру лишь съ условіемъ не покидать острова до марта 68 года, Гарибальди превзошелъ всякія ожиданія правительства и до 70 года не являлся на континентъ. Изъ мирнаго уединенія вызвали его событія франко-прусской войны. Какъ только разнеслась вѣсть о неудачахъ французовъ, Гарибальди со всѣхъ сторонъ стали осаждать предложенія воспользоваться затруднительными обстоятельствами, въ которыхъ находилась Франція для осуществленія желаній итальянскихъ патріотовъ. Ему предлагали вновь овладѣть его родиной, Ниццей, и сдѣлать новую попытку занять Римъ. Но ни тотъ, ни другой планъ не соблазнялъ теперь Гарибальди. Одна изъ главныхъ французскихъ армій была разбита при Вертѣ и Гравелоттѣ, другая уничтожена подъ Седаномъ, Наполеонъ взятъ въ плѣнъ, династія его пала, въ странѣ провозглашена республика, Парижъ осажденъ нѣмцами. Со дня на день можно было ожидать сдачи столицы; молодой республикѣ грозила гибель. Гарибальди рѣшилъ явиться на помощь Франціи. Онъ написалъ письмо, въ которомъ предлагалъ свои услуги правительству національной обороны, находившемуся въ то время въ

Турѣ. На письмо его не послѣдовало отвѣта. Но французскій генералъ Бордонъ, участвовавшій въ «экспедиціи тысячи», горячій поклонникъ Гарибальди, обратился къ Кремье съ просьбою принять услуги итальянскаго генерала. Уклончивый отвѣтъ Кремье, въ то время хранителя печати «Національной обороны», былъ понятъ въ смыслѣ благопріятномъ для предложенія Гарибальди. Состарившійся и больной генералъ немедленно поспѣшилъ въ Туръ. Въ чистотѣ своего великодушнаго сердца онъ ожидалъ, что Франція приметъ его съ распростертыми объятіями, какъ освободителя. Встрѣча со стороны народа была дѣйствительно отмѣчена тѣмъ энтузіазмомъ, къ которому такъ привыкъ Гарибальди; но не таковъ былъ пріемъ, ожидавшій его въ Турѣ со стороны правительства національной обороны. Гамбетта, только что совершившій свое знаменитое воздушное путешествіе, недоумѣвая, какъ ему быть съ непрошеннымъ гостемъ, не желая въ то же время ни подъ какимъ видомъ отдать подъ его начальство кого-либо изъ французскихъ генераловъ, предложилъ ему предводительство двумя-тремя сотнями волонтеровъ, которыхъ не знали, куда дѣвать. Когда-же обиженный генералъ заявилъ о своемъ намѣреніи немедленно оставить Францію, ему предоставили начальство надъ всѣми волонтерами вогезской арміи. Страдая отъ старыхъ ранъ, лишавшихъ его возможности двигаться иначе, какъ въ портшезѣ, давая такимъ образомъ распоряженія во время битвъ, во главѣ нѣсколькихъ тысячъ плохо вооруженныхъ волонтеровъ, имѣя такого сильнаго противника, какъ пруссаки, Гарибальди болѣе чѣмъ когда либо обнаружилъ теперь свой замѣчательный талантъ полководца. Онъ успѣшно сражался при Отенѣ, Шатильонѣ, Бонѣ, разбилъ на голову при Дижонѣ 61 прусскій полкъ и взялъ городъ. Но побѣды его, столь блестяще доказавшія еще разъ его стратегическія способности, носили характеръ частныхъ удачъ, неимѣвшихъ послѣдствій, благодаря неумѣлости начальника вогезской арміи, генерала Бурбаки. Впослѣдствіи, когда враги Гарибальди старались своими инсинуаціями затмить славу героя, Викторъ Гюго бросилъ въ лицо клеветникамъ слѣдующія слова: «Гарибальди единственный изъ нашихъ генераловъ, который не былъ побитъ». Французская нація выразила итальянскому герою свою благодарность, выбравъ его представителемъ отъ четырехъ департаментовъ.

13-го февраля происходило засѣданіе національнаго собранія въ Бордо. Въ началѣ засѣданія президентъ прочелъ собра-

нію слѣдующее письмо Гарибальди: «Какъ послѣдній долгъ передъ французской республикой я приносъ мое голосованіе, которое и вручаю вамъ. Я отказываюсь отъ своего депутатскаго полномочія». Отказъ этотъ объяснялся обидой, нанесенной герою при провѣркѣ выборовъ; выборъ его былъ кассированъ, какъ неправильное избраніе иностранца, не натурализованнаго законнымъ порядкомъ.

Едва было окончено чтеніе письма, какъ Гарибальди вошелъ въ залу. Всѣ взоры обратились къ нему. Его совсѣмъ сѣдая борода и мертвенно блѣдное лицо придавали ему видъ воина, уже приближающагося къ могилѣ. Генералъ просилъ слова, желая объяснить, почему онъ отказывается отъ полномочія, даннаго ему избирателями четырехъ департаментовъ. Покрывъ голову своей paralma, чѣмъ-то вродѣ шапочки, которую онъ имѣлъ обыкновеніе носить, Гарибальди появился на трибунѣ. Его встрѣтилъ взрывъ рукоплесканій изъ ложъ, занятыхъ публикой, между тѣмъ какъ члены собранія вскочили, дрожа отъ гнѣва. Въ залѣ поднялся невообразимый шумъ и крикъ; со всѣхъ сторонъ стали сыпаться перекрестные бѣшеные запросы и оскорбленія. На одной изъ трибунъ появился молодой человѣкъ и, показавъ кулакъ правой, крикнулъ собранію: «Assemblée de ruraux!» *) Это былъ Кремье. Между тѣмъ на улицѣ толпа народа и національная гвардія съ нетерпѣніемъ ожидали исхода собранія; оттуда слышались виваты Гарибальди. Стоило герою сказать слово, и вооруженная толпа бросилась бы на собраніе. Онъ понялъ это и, скрытно удалившись черезъ боковую дверь, вернулся въ свою гостиницу. На другой день Гарибильди выѣхалъ изъ Бордо. Такова была благодарность республиканскаго правительства за великодушно протянутую ему руку помощи.

Но на родинѣ ждала доблестнаго старика великая радость. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, 20-го сентября, итальянскія войска окончательно заняли Римъ; Папская область стала провинціей Итальянскаго королевства, свѣтская власть папы окончательно пала. Великій боецъ за свободу и объединеніе родины не умеръ, не увидавъ Рима—столицы единой Италіи. Избранный депутатомъ въ 1874 году, Гарибальди совершилъ свой торжественный въѣздъ въ итальянскую столицу среди обезумѣвшаго отъ восторга народа. Толпа взяла приступомъ станцію желѣзной дороги: среди невѣроятной давки были выпряжены лошади и каждый поочереди впря-

*) Деревенское собраніе.

гался, чтобы везти на себѣ великаго патріота. Манифестація приняла такіе грандіозные размѣры, что причинила досаду Виктору-Эмануилу, почувствовавшему себя на второмъ планѣ: «Все Гарибальди и Гарибальди, говорилъ съ горечью il re galantuomo (король-джентельменъ).—чѣмъ я провинился противъ римлянъ?»

Этотъ пріѣздъ Гарибальди въ Римъ не былъ послѣднимъ. Соотечественники еще нѣсколько разъ имѣли случай видѣть его, но съ каждымъ разомъ замѣчали, какъ постепенно болѣзнь завладѣвала боготворимымъ старикомъ. Онъ лежалъ въ экипажѣ, какъ на больничной кровати съ парализованными, окоченѣлыми руками и при каждомъ сотрясеніи блѣднѣлъ, сохраняя на лицѣ болѣзненную улыбку. Глядя на него, нельзя было не желать ему смерти. Онъ самъ ждалъ ея, ждалъ терпѣливо, до послѣдней минуты стараясь продолжать свое великое дѣло. Теперь оружіемъ служило ему слово, и онъ до конца дней своихъ руководилъ антиклерикальнымъ и демократическимъ движеніемъ, поставившимъ себѣ цѣлью окончательное освобожденіе родины. Но этой ролью руководителя движенія не исчерпываются труды его на пользу Италіи въ послѣдніе годы жизни. Послѣ кампаніи 1870—1871 гг. онъ занялся проэктомъ ассенизаціи Агро-Романо путемъ осушенія болотъ, нездоровыя испаренія которыхъ гибельно отзывались на населеніи. При этомъ наряду съ чисто гигіеническими задачами онъ преслѣдовалъ еще и другія цѣли, надѣясь возвратить когда то богатому краю прежнее плодородіе и разсчитывая, что новыя общественныя работы послужатъ къ нѣкоторому поднятію экономическаго быта нуждающейся части населенія, доведенной до крайней нищеты и изнеможенія непосильнымъ бременемъ налоговъ.

2-го іюня 1882 г. печальная вѣсть разнеслась по Италіи: «Гарибальди скончался». Въ слѣдующіе затѣмъ дни у пустыннаго островка, теперь совсѣмъ оспротѣвшаго, замѣтно было необычайное движеніе; цѣлый флотъ стоялъ на якорѣ въ маленькой гавани Мадалены. Сюда прибыло нѣсколько военныхъ кораблей и пять или шесть большихъ пакетботовъ. Постоянно снующія взадъ и впередъ лодки перевозили пассажировъ на островъ. Всѣ города Италіи отправили сюда самыхъ именитыхъ людей своихъ въ качествѣ представителей. Насчитывали около двухсотъ муниципальныхъ делегацій. Франція прислала делегацію отъ города Ниццы. Со всѣхъ странъ стекались репортеры. Цѣлыя толпы посѣтителей, высадившись на берегъ, поднимались къ скромному жилищу покойнаго. У дверей домика стоялъ почетный караулъ

итальянскихъ моряковъ. Менотти Гарибальди принималъ посѣтителей и вводилъ ихъ въ погребальную комнату, буквально загроможденную цвѣтами, которые такъ любилъ умершій. Здѣсь на небольшой желѣзной кровати покоилось тѣло великаго человѣка. Прекрасное лицо его обращено было къ морю и освобожденной съ его помощью Италіи.

Одѣтъ онъ былъ въ обычную красную рубашку, перетянутую у пояса ремнемъ; на головѣ его была бархатная шапочка. Никто не могъ удержаться отъ слезъ; по временамъ раздавались рыданія по большей части старыхъ товарищей по оружію покойнаго. Менотти едва успѣвалъ распечатывать приходившія тысячами телеграммы. Въ эти дни вся Италія облеклась въ трауръ. Въ городахъ всѣ балконы домовъ покрылись черными драпировками. Траурные флаги взвились на всѣхъ общественныхъ зданіяхъ и на вершинахъ церквей и соборовъ. Театры и магазины закрылись. Въ Миланѣ, Мантуѣ и другихъ городахъ Италіи произошли торжественныя народныя манифестаціи. Правительство спѣшило выразить свое соболѣзнованіе по случаю печальнаго событія. Король Гумбертъ, въ 1878 году наслѣдовавшій отцу своему, послалъ роднымъ героя сочувственную телеграмму. Палата депутатовъ и сенатъ рѣшили наложить трауръ на два мѣсяца и на восемь дней прекратить засѣданія. Президентъ совѣта министровъ представилъ законопроэктъ, въ первой части котораго предлагалъ отложить національный праздникъ «Статута» до 18-го іюня, а во второй—покрыть издержки по погребенію Гарибальди изъ государственной кассы и назначить пенсію въ 10,000 лиръ вдовѣ и каждому изъ пятерыхъ дѣтей покойнаго. Гарибальди не оставилъ состоянія. Въ послѣднее время онъ получалъ отъ правительства 2^1_2 тыс. рублей ежегодной пенсіи, которую принялъ, чтобы спасти честь одного изъ членовъ своей семьи, но послѣ смерти его въ домѣ не нашлось и 300 рублей. Онъ не только не придавалъ значенія деньгамъ, но совсѣмъ не зналъ имъ цѣны и не сберегалъ ихъ, а все что у него было, тратилъ или на дѣла благотворенія или на нужды своихъ волонтеровъ. Еще въ 1891 году семейству его былъ предъявленъ въ римскій судъ искъ на 25,000 рублей, которыя задолжалъ генералъ за амуницію и провіантъ во время несчастной экспедиціи 1867-го года.

Въ правительственныхъ сферахъ возникъ вопросъ относительно того, гдѣ и какъ воздать послѣднюю честь тѣлу усопшаго. Пять лѣтъ тому назадъ Гарибальди писалъ одному изъ друзей,

высказывая свою послѣднюю и неизмѣнную волю о томъ, какъ поступить съ его тѣломъ послѣ смерти. Въ письмѣ этомъ онъ поручаетъ другу предать его тѣло сожженію, сложивъ костеръ изъ ароматическихъ деревьевъ въ точно указанномъ мѣстѣ на Капреѣ. Онъ проситъ, чтобы на костеръ поставлена была небольшая желѣзная кровать и на ней положено его тѣло, одѣтое въ красную рубашку; чтобы сохранена была въ какой-нибудь урнѣ горсть пепла и поставлена въ могилу, гдѣ покоятся его двѣ маленькія дочери. Послѣдняя воля усопшаго не была исполнена въ точности; тѣло его было набальзамировано и похоронено на Капреѣ. Предполагалось торжественно перенести его въ Римъ и похоронить на Яникульскомъ холмѣ въ томъ мѣстѣ, гдѣ покоятся кости гарибальдійцевъ, павшихъ въ 1849 г., и итальянскихъ солдатъ, убитыхъ въ 1870 г., т. е. у воротъ св. Панкратія; но проэктъ этотъ былъ оставленъ.

Итальянскій народъ выразилъ свою любовь и благодарность къ усопшему грандіозной манифестаціи, названной ея организаторами «Апоѳеозомъ Гарибальди». Съ самаго утра 11-го іюня Римъ началъ готовиться къ величественной церемоніи. Шествіе продолжалось не менѣе полутора часа. Во главѣ его шли воспитанники городскихъ школъ, техническихъ училищъ и университетовъ; за ними слѣдовало международное артистическое общество съ различными знаменами главнѣйшихъ націй, сгруппированными вмѣстѣ. Далѣе двигались антиклерикальныя общества, а за ними безчисленное множество рабочихъ и политическихъ ассоціацій, гдѣ почти во всѣхъ почетнымъ президентомъ былъ Гарибальди. За ними шли гарибальдійцы въ своихъ красныхъ рубашкахъ, красныхъ кепи съ зелеными кантами, сѣрыхъ панталонахъ и небрежно повязанномъ шейномъ платкѣ. Тихо двигалось шествіе, сохраняя глубокое молчаніе въ знакъ траура. За гарибальдійцами слѣдовали франкъ-массоны со своими символическими знаменами, за ними пожарные, несущіе сто знаменъ итальянскихъ городовъ, впереди тріумфальной колесницы, запряженной восемью бѣлыми конями, покрытыми черными, вышитыми серебромъ чапраками. Посреди колесницы, окруженный бронзовыми трофеми, возвышался пьедесталъ съ монументальнымъ бюстомъ Гарибальди, вѣнчаемымъ колоссальной статуей Италіи. Колесница исчезала подъ грудою цвѣтовъ, среди которыхъ выдѣлялся роскошный бронзовый щитъ, нѣкогда поднесенный Гарибальди городомъ Мессиной. Выстроенные въ два ряда вокругъ

колесницы гарибальдійцы несли дощечки съ обозначеніемъ всѣхъ сраженій, данныхъ Гарибальди въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ.

За колесницей шли представители парижскаго муниципальнаго совѣта, за ними представители французской печати. Далѣе слѣдовала безчисленная масса народа.

Выйдя на площадь Капитолія, колесница остановилась у статуи Марка-Аврелія. Втеченіе этой остановки произнесены были рѣчи депутатомъ Бовіо, членомъ парижскаго муниципальнаго совѣта Сонэкомъ и депутатомъ Кавалотти, народнымъ поэтомъ и любимымъ ораторомъ демократіи. Рѣчь послѣдняго неоднократно покрывалась горячими рукоплесканіями и криками толпы. Кавалотти воспользовался случаемъ, чтобы высказать, насколько желательно сближеніе двухъ родственныхъ націй, итальянской и французской, къ которой питалъ такую сильную симпатію покойный. Впечатлѣніе рѣчи было громадно; съ этихъ поръ апоѳеозъ Гарибальди обратился въ настоящую овацію Франціи.

Между тѣмъ гарибальдійцы-офицеры сняли бюстъ съ колесницы и внесли его въ Капитолій. Раздался звонъ большого колокола Капитолійской башни, и звуки гарибальдійскаго гимна, сливаясь съ мѣрными его ударами, волною разнеслись по площади, глубоко проникая въ сердца *свободныхъ сыновъ объединенной Италіи*.

Такъ чествовалъ народъ своего великаго героя, сердце котораго всегда и неизмѣнно горѣло къ нему беззавѣтной любовью и который еще при жизни рисовался воображенію его какимъ то сказочнымъ, полумиѳическимъ существомъ.

Пораженная и очарованная обаятельною личностью доблестнаго патріота народная фантазія создала гарибальдійскую легенду, зачатки которой можно прослѣдить еще въ Америкѣ. Среди монтевидейскихъ негровъ подъ именемъ el diabolo blanco онъ слыветъ героемъ фантастическихъ басенъ; монтевидейскія женщины, видя его тріумфальный въѣздъ въ городъ на бѣломъ конѣ, встрѣчаютъ его криками: «Viva San Miguel!». Онъ напоминаетъ имъ архангела Михаила и внушаетъ имъ суевѣрный трепетъ.

Австрійскіе кроаты называютъ его «краснымъ чортомъ», котораго можно узнать по запаху сѣры, котораго глаза горятъ, какъ окна ада, а борода составлена изъ огненныхъ языковъ; который продалъ свою душу дьяволу, и потому ни одна пуля не беретъ его.

Иначе представляется онъ соотечественникамъ; въ глазахъ

ихъ, это святой, это архангелъ Михаилъ; портретъ его ставится въ молельнѣ рядомъ съ иконами; отправляясь въ опасное плаваніе, рыбаки вѣшаютъ себѣ на шею ладонки съ изображеніемъ Мадонны и Гарибальди. Но настоящая легенда о Гарибальди ведетъ свое начало съ сицилійскаго похода. Здѣсь онъ является существомъ, возникшимъ изъ соединенія неба съ адомъ, рожденнымъ «d'un demonio e d'una santa» — святой Розаліи, патронессы Сициліи. Стремясь обнять весь циклъ жизни героя, легенда хоронитъ его за 20 лѣтъ до смерти. Онъ уже давно умеръ, гласитъ она, при осадѣ Гаэты, но у него есть двѣнадцать братьевъ, всѣ они бѣлокурые и прекрасные, всѣ храбрые, какъ дядя Пе *).

*) Уменьшительное отъ Джузеппе.

Учебныя руководства и пособія.

Алгебра. *Тодгентера.* Ц 2 р. 50 к

Курсъ начальной механики. *И. Рикачева.* Съ 197 рис Ц. 1 р. 50 к

Практическая геометрія. *А. Заблоцкаго.* Съ 300 чертежами. Цѣна 60 к.

Курсъ метеорологіи и климатологіи. Профессора Лѣсного Института. *Д. А. Лачинова.* Съ 122 рис. и 6-ю картами. Цѣна 2 р.

Общія основы химической технологіи. *В. Селезнева.* Съ 70 рисунками. Ц 1 р. 50 к

Полный курсъ физики. *А. Гано.* Переводъ *Ф. Павленкова* и *В. Черкасова.* 8-е изд. съ 1215 рис., 170 задачъ, 2 таблицы спектровъ, метеорологія и краткая химія. Цѣна 4 р

Популярная физика. *А. Гано.* Переводъ съ франц. *Ф. Павленкова,* 3-е изд. Съ 604 рис Ц. 2 р.

Краткая физика. *М. Герасимова.* Съ 335 рис. и 214 задачами. Цѣна 1 р.

Популярная химія. *Н. Вальберха* и *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Съ 50 рис Ц. 40 к.

Учебникъ химіи. *Альмединген*а съ 96 рис Ц. 2 р.

Общепонятная геометрія. *В. Потоцкаго.* Съ 143 фиг. Ц 40 к

Практическій курсъ физіологіи. *Бурдонъ Сандерсона.* Переводъ д-ра *Фридберга.* Въ 2-хъ томахъ, со мног. рис 2-е изд. Ц. 3 р.

Методика ариѳметики. *С. Житкова.* Ц. 75 к

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ съ учителемъ. Приложеніе къ „Методикѣ ариѳметики" *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 40 к.

Сборникъ самостоятельныхъ упражненій по ариѳметикѣ. Задачникъ для учениковъ. *С. Житкова.* 3-е изд. Ц. 25 к.

Учебникъ географіи для городскихъ училищъ. *И. Плетенева.* Съ рис Ц. 30 к

Начальный курсъ географіи. *Корнелл.* 11-е изд., съ 10-ю раскрашенными карт. и 82 рис. Ц. 1 р. 25 к.

Эпизодическій курсъ всеобщей исторіи. *А. Кузнецова.* 2-е изданіе. Цѣна 1 р.

Наглядная азбука. *Ф. Павленкова.* Съ 800 рис. 12-е изд. Ц. 20 к.

Объясненіе къ „Наглядной азбукѣ". *Ф. Павленкова.* 7-е изд. Цѣна 15 к

Родная азбука. *Ф. Павленкова,* 8-е изд., съ 200 рис. Ц. 5 к.

Азбука-копѣйка. *Ф. Павленкова,* 11-е изд., 12 стр. 100 рис. Ц. 1 к.

Наглядно-звуковыя прописи. *Ф. Павленкова.* 1) Къ „Родному слову" Ушинскаго (400 рис.) 2) Къ „Азбукѣ Бунакова" (460 рис.) 3) Къ „Первой учебной книжкѣ" Паульсона (430 рис.) 4) Къ „Русской азбукѣ" Водовозова (470 рис.). 5) „Общія наглядно-звуковыя прописи" (къ другимъ азбукамъ) (464 рис.). Ц. каждой книжки 8 к

Самостоятельныя работы въ начальной школѣ. *Т. Лубенца.* 2-е допол изд. Ц 15 к

Зернышко. *Т. Лубенца.* Первая послѣ азбуки книга для чтенія и письма. Со многими рис. Ц. 30 к. Вторая книга Ц. 40 к.

Руководство къ „Зернышку" *Лубенца.* Ц. 50 к.

Методика ариѳметики. *Т. Лубенца.* Ц. 30 к.

Церковно-славянскій букварь. *Лубенца.* Ц. 5 к.

Руководство къ „Церковно-славянскому букварю". *Т. Лубенца.* Ц. 15 к.

Сборникъ ариѳметическихъ задачъ. *Лубенца.* 11-е изд. (около 2000 задачъ и 3000 численныхъ примѣровъ). Ц. 40 к.

Руководитель для воскресныхъ школъ. Барона *Н. А. Корфа.* Ц. 50 к.

Итоги народнаго образованія въ Европейскихъ государствахъ. *Н. А. Корфа.* Ц. 60 к.

Нашъ другъ. Книга для чтенія въ школѣ и дома. Составилъ *Баронъ Н. А. Корфъ.* 15-е изд съ 200 рис. и порт. Ц. 75 к.

Триста письменныхъ работъ. Для упражненій въ начальной школѣ. *Н. Корфа.* Ц. 15 к.

Первоначальное правописаніе. 40 диктовокъ съ указаніемъ грам. правилъ. *Корфа.* Ц. 12 к.

Русскій языкъ. Иллюстрированная хрестоматія *А. Тарнавскаго.* (Съ 80 рис. и портретами). 4-е изд. Ц. 60 к.

Элементарная грамматика русскаго языка. *А. Чудинова.* 5-е изд. Ц. 50 к.

Начальная рус. грамматика. *Бучинскаго.* Ц. 30 к.

Книга для обученія церковно-славянскому языку. *А. Карюкова.* 2-е изд Ц. 20 к. „Замѣтки для учителя". Ц. 10 к.

Русское слово. *А. Павлова.* Сборникъ образцовыхъ произведеній рус. словесности. Руководство для городскихъ училищъ Ц. 1 р.

Руководство къ „Рус. слову" *Его-же.* Ц. 60 к

Сборникъ задачъ по русскому правописанію. *Разыграева:* 1) Элементарныя свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 2) Систематическія свѣд. о правоп. словъ. Ц. 50 к. 3) Элемент. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к. 4) Систем. свѣдѣнія о знакахъ препинанія. Ц. 35 к.

Сборникъ алгебр. задачъ. *Савицкаго.* Ц. 40 к.

Первое знакомство съ физикой. *М. Герасимова.* Съ 96 рис. Ц. 50 к

Дешевый географическій атласъ. Десять раскращен. картъ. Ц. 30 к.

Очерки новѣйшей исторіи. *И. И. Григоровича.* 6-е изд. Съ 57 портретами. Ц. 2 р.

Первыя понятія о зоологіи. *Поля Бера.* Переводъ подъ редакціей проф. *И. Мечникова.* 2-е изд. Съ 345 рис. Ц. 1 р. Въ папкѣ 1 р. 20 к. въ перепл. 1 р. 50 к.

Крат. курсъ ботаники. *Сѣязова.* 118 рис. Ц. 50 к.

Общедоступное землемѣріе. *А. Колтановскаго.* Съ 279 рисунк. въ текстѣ. Ц. 75 к.

Руководство къ рисованію акварелью. *А. Лакассиня.* Съ 120 рис. и 6-ю аквар. Ц 1 р. 50 к.

БИБЛІОТЕКА ПОЛЕЗНЫХЪ ЗНАНІЙ.

1) **Ручной трудъ.** Составилъ *Графинь.* Домашнія занятія ремеслами. Съ франц 400 рис. Ц. 1 р 50 к.—2) **Электрическіе звонки.** *Боттона.* Съ краткими свѣдѣніями о воздушныхъ звонкахъ. Съ 114 рис. Пер съ англ. и дополнилъ Д. Головъ Ц. 1 р —3) **Руководство къ рисованію акварелью.** *А. Кассаня.* Съ франц. Съ 150 рис. Ц. 1 р. 50 к.—4) и 5) **На всякій случай** *А. Альмедингена.* Научныя-практическія свѣдѣнія по полеводству, садоводству, огородничеству, домоводству, по борьбѣ съ вредными насѣкомыми, грибами и паразитами, а также съ фальсификаціею пищевыхъ и другихъ веществъ Двѣ части Цѣна каждой 50 коп 6) **Домашній опредѣлитель поддѣлокъ.** *А. Альмедингена.* Ц. 60 к. и проч.

ИСТОРІЯ НОВѢЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

А. М. СКАБИЧЕВСКАГО.

(1848—1890 г.). Цѣна **2** рубля.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. **Общій обзоръ литературнаго движенія въ разсматриваемую эпоху и исторія критики.** Дружининъ. Анненковъ. Аполлонъ Григорьевъ. Страховъ. Миллеръ. В. Майковъ. Чернышевскій. Добролюбовъ. Писаревъ. Антоновичъ. Михайловскій.

II. **Школа беллетристовъ сороковыхъ годовъ.** Тургеневъ. Гончаровъ. Л. Толстой. Достоевскій. С. Аксаковъ. Григоровичъ. Писемскій. Авдѣевъ. В. Крестовскій (Хвощинская). Кохановская (Соханская).

III. **Беллетристы-народники.** Марко Вовчекъ (Марковичъ). Н. Успенскій. Слѣпцовъ. С. Максимовъ. Г. Данилевскій. П. Мельниковъ. П. Якушкинъ. Рѣшетниковъ. Левитовъ. Наумовъ. Глѣбъ Успенскій. Златовратскій.

IV. **Беллетристы-публицисты.** Салтыковъ. Помяловскій. Шеллеръ. Засодимскій. Бажинъ. Ѳедоровъ (Омулевскій). Станюковичъ. Гирсъ. Боборыкинъ. Е. Марковъ. В. Немировичъ-Данченко. Терпигоревъ. Саловъ. Ахшарумовъ. Лейкинъ. Клюшниковъ. Лѣсковъ. В. В. Крестовскій. Б. Маркевичъ. Авсѣенко. К. Головинъ. Авенаріусъ.

V. **Историческая беллетристика.** Н. Костомаровъ. А. Толстой. Л. Толстой. Г. Данилевскій. Мордовцевъ. Карповичъ. Сальясъ.

VI. **Беллетристы восьмидесятыхъ годовъ.** Осиповичъ (Новодворскій). В. Гаршинъ. Ясинскій (Максимъ Бѣлинскій). Альбовъ. Баранцевичъ. Каронинъ. Эртель. Мачтетъ. Короленко. Потапенко. Маминъ (Сибирякъ). Голицынъ (Муравлинъ). А. Чеховъ. Дмитріева. Виницкая. Шапиръ. М. Крестовская.

VII. **Драма и комедія.** Островскій. Тургеневъ. Писемскій. А. Толстой. А. Пальмъ. А. Потѣхинъ. Чернышевъ. Н. Соловьевъ. В. Крыловъ. Д. Аверкіевъ.

VIII. **Поэзія.** Некрасовъ. Шевченко. Никитинъ. Суриковъ. Дрожжинъ. А. Плещеевъ. Жемчужниковъ. В. Курочкинъ. Минаевъ. А. Толстой. А. Майковъ. Фетъ. Тютчевъ. Я. Полонскій. Мей. Щербина. Гербель. П. Вейнбергъ. М. Михайловъ. Надсонъ. Фругъ. Минскій. Мережковскій. Апухтинъ. Фофановъ. Голенищевъ-Кутузовъ. С. Андреевскій. П. Козловъ и пр.

ЛИТЕРАТУРА и ЖИЗНЬ.

Письма о разныхъ разностяхъ. **Н. К. Михайловскаго.** Ц. 1 р.

Содержаніе. О драмѣ Додэ, о романѣ Бурже и о томъ, кто виноватъ.—О совѣсти г. Минскаго.—О XVIII передвижной выставкѣ.—О Крейцеровой сонатѣ.—Объ отцахъ и дѣтяхъ и о г. Чеховѣ.—Объ ошибкахъ исторической перспективы.—О женщинахъ и о Донъ-Жуанахъ.—О воспитаніи и наслѣдственности.—О буддизмѣ.—О трудномъ положеніи русскаго читателя.—Кое о чемъ.—О. г Потапенко.—Объ одномъ соціологическомъ вопросѣ.—Памяти Г. В. Елисѣева.—О новыхъ мозговыхъ линіяхъ.—О живой старинѣ.—О нѣкоторыхъ явленіяхъ французской жизни.—О Лермонтовѣ.—О гр. Л. Толстомъ и о наркотикахъ.—Объ Іудѣ Предателѣ и о XIX передвижной выставкѣ. Памяти Н. В. Шелгунова.—Опять объ отцахъ и дѣтяхъ.—Изъ литературныхъ воспоминаній и текущей жизни.